
WIELKA OBNIZKA CEN TOWAR
ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДО ЧЕГО Ж ПО-ХОЗЯЙСКИ!

Александр Васильевич Гиталов (справа) показывает Н. Ф. Мануковскому новую сеялку.
Фото И. Акуленко.

Наконец наступил этот долгожданный день: воронежский тракторист-новатор Николай Федорович Мануковский приехал на Украину в гости к руководителю тракторной бригады дважды Герою Социалистического Труда Александру Васильевичу Гиталову!

Давно мечтал Мануковский об этой встрече, о дне, когда воочию увидит хозяйства этого опытного механизатора.

И вот Николай Федорович в колхозе имени XX съезда партии, Кировоградской области.

Хлеба, хлеба... Кажется, что они бесконечны. Кажется, что они сливаются где-то с безоблачным небом.

Полевой стан, окруженный акацией, каштанами и кленами. Сам хозяин Александр Васильевич Гиталов идет навстречу дорогому гостю.

— Чего ж так долго? Заждались...

И сразу повел друга осматривать полевой стан. А здесь было что посмотреть: постройки в таборе не времянки, а настоящие удобные, комфортабельные помещения, фруктовый сад, посаженный самими механизаторами, цветочные клумбы. Все здесь в таборе мастерилось своими руками.

За фруктовым садом — асфальтированная площадка. Здесь «отдыхают» машины. Каждый тракторист обязан разобрать сеялку, плуг, вымыть и смазать детали и поставить агрегат на место. Одна из машин заинтересовала Мануковского. Это была новая сеялка. Улыбнувшись, спросил:

— Что-нибудь хитрое?

— Все очень обыкновенно,— ответил Гиталов.— Ведь сам знаешь: кукуруза богата крахмалом и сахаром, а белками бедна. В силос приходится добавлять белки. И тогда решили: а что, если вместе с кукурузой посеять богатую белками сою, начать на полях уплотненные посевы? Вот такие мысли и породили эту сеялку.

...Несколько дней пробыли вместе два известных в стране механизатора. И сколько интересных рассказов о полевом стане Гиталова увез с собой Мануковский! Вроде все у Гиталова просто, обыкновенно, бесхитростно. Но до чего ж все по-хозяйски!

Т. ПЕТРОВА

На первой странице обложки: Ширятся и крепнут польско-советские культурные связи. Между деятелями искусств братских стран устанавливаются личные дружеские контакты.

Недавно в Польской Народной Республике гастролировала группа советских артистов. Во время пребывания в Познани лауреат XIV Женевского международного конкурса музыкантов-исполнителей Нина Исакова познакомилась и подружилась с примадонной польской оперетты Вандой Якубовской.

На снимке — Ванда Якубовская (справа) показывает гостье родной город.

Фото Б. Иванова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 32 (1677) 2 АВГУСТА 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПАТРИОТАМ — СВОБОДУ!

Сердце не может биться спокойно.

Глезос — за решеткой тюрьмы «Авероф». Брошен в заточение Э. Вуцас, отважный патриот-коммунист, гордо заявивший афинским судьям: «Я член Коммунистической партии Греции и горжусь этим!» Жестокая судебная расправа учинена над другими греческими патриотами.

Волны протеста, прокатившиеся по всему миру, спасли жизнь людям, которыми гордится Греция. Но душители свободы все же попрали правосудие и надругались над демократией. Их приговор — это позорное клеймо, которым они запятнали самих себя.

И снова все выше и выше поднимаются волны протеста. Снова миллионы людей во всем мире требуют освободить греческих демократов. Общественное мнение протестует против приговора, вынесенного в Афинах. Оно выносит свой приговор, оправдывая патриотов и осуждая расправу над ними.

Манолис Глезос выступает на процессе в Афинах.

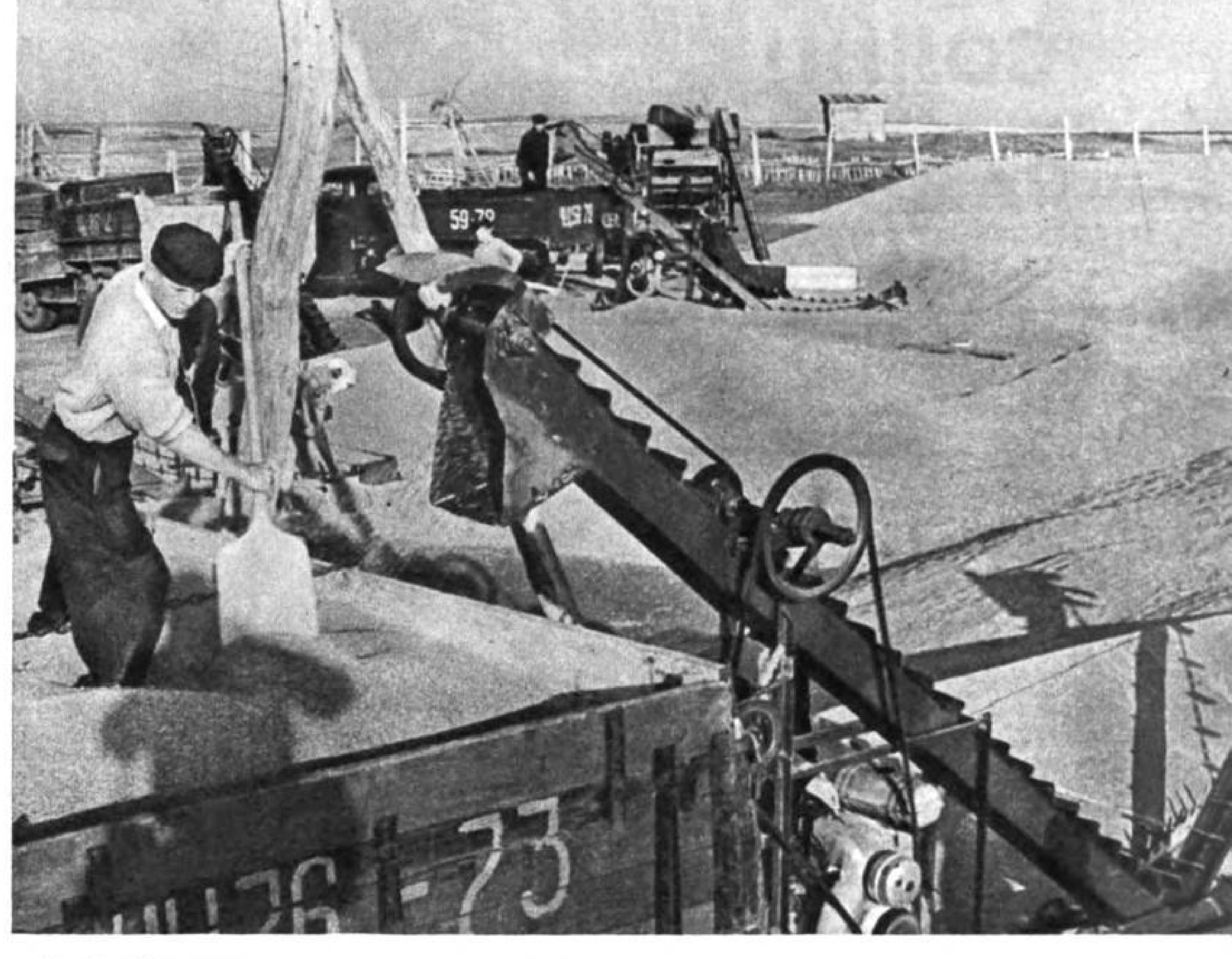
---

13 января 1905 года десятки тысяч рижских рабочих вышли на демонстрацию против самодержавия. Царские жандармы открыли огонь по безоружным рабочим.

Памятник жертвам революции 1905 года открыт в Риге на улице 13 января.

Фото И. Семина.

БОГАТЫЙ УРОЖАЙ вырастили труженики колхозных и совхозных полей. Ширится фронт уборочных работ.

За 220 миллионов пудов зерна борются хлеборобы Оренбургской области в первом году семилетки.

Успешно выполняют взятые обязательства колхозники артели «Борьба за мир», Краснохолмского района, Оренбургской области.

На снимке: обмолоченное зерно нового урожая грузят на току в машины для отправки на элеватор.

Фото А. Гостева.

НОВЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ЛАЙНЕР «АН-10» начал курсировать на трассах Гражданского Воздушного Флота. Свой первый рейс четырехмоторный гигант совершил из Москвы в Симферополь и обратно, развивая на высоте 7 километров путевую скорость до 700 километров в час.

На снимке: «АН-10» после посадки.

Фото Г. Санько.

ГИМН МИРУ, СОЛНЦУ, РАДОСТИ

Андрей НОВИКОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Седьмой Всемирный фестиваль молодежи и студентов внес оживление и веселую сумятицу в обычно размеренный темп жизни австрийской столицы.

...Канун открытия фестиваля. Карлс-плац заполнен массой венцев. Автобусы с делегатами многих стран остановились здесь. Выходят юноши и девушки, припудренные дорожной пылью, но без тени усталости на лице,— молодость берет свое! И уже через мгновение у ступенек старинного собора возникает несколько больших кругов. Молодежь Вены танцует с приезжими. Те, кто постарше, внимательно приглядываются.

— Пойдем, Эльза! — теребит за рукав жену пожилой мужчина.

— Подожди, Эвальд! — отмахивается она.— Смотри, как они весело пляшут!

Муж, судя по недоверчивой гримасе на лице, наслушался в какой-нибудь пивной всякой чепухи о «красном фестивале».

Но вот ввысь, к куполу старого собора, полетели звуки зурны и бубна. По площади вихрем несутся лихие грузинские танцоры.

Бурно рукоплещет вся площадь. В такт музыке самозабвенно бьет в ладоши Эльза. Но что такое? Сам Эвальд с помолодевшими глазами, поправив подтяжки и не жалея ладоней, делает то же самое.

Он протискивается сквозь толпу все ближе к танцующим, туда, где молодой грузин, обняв за талию стройную венку, танцует с ней горский танец. Он рукоплещет молодому монголу, танцующему с швейцаркой. Теперь уже он не хочет уходить и вместе со всеми скандирует: «Фриден! Фройндшафт!..»

...И вот настал день открытия фестиваля. Венский стадион в Пратере велик. Но он не сумел вместить всех желающих побывать здесь. Толпы народа на улицах приветствуют движущиеся к стадиону колонны делегаций.

Участники фестиваля, словно могучая океанская волна, вливаются в огромную чашу стадиона. Идут и идут юноши и девушки, посланцы более ста двадцати стран.

Взрывами рукоплесканий, приветственными возгласами встречают переполненные трибуны появление каждой делегации на зеленом поле стадиона. Пусть делегация в несколько сот человек, пусть всего из трех — им одинаковый привет и почет.

Слышится знакомая советской молодежи самба. Идут бразильцы. В первом ряду известные нашему читателю, популярные молодые певцы Жорж Гоуларт и Нора Ней, это они выступали прошлым летом в Советском Союзе.

— Фестиваль! Хорошо! — кричат они, увидев нас, советских журналистов.

Причудливо смешались звуки. Бьют африканские там-тамы и большие китайские барабаны. Тирольские флейты едва пробиваются сквозь медь духовых оркестров. Слышатся звуки волынок в делегации Великобритании. Но громче всего звучат сегодня возгласы людей. «Фриден! Фройндшафт!» «Мир! Дружба!» — гремит с трибун и с поля.

Восторженно встречает стадион делегацию Советского Союза. Развеваются флаги наших республик. Гремят возгласы приветствий.

Извиваются в воздухе пестрые китайские драконы, переливают всеми цветами радуги яркие одежды посланцев Кореи, Кубы, Ямайки, Индонезии, Болгарии.

После торжественного открытия поле стадиона заполонил гигантский вальс. В многоцветном вихре смешались сомбреро и атласные русские косоворотки, пиджаки молодых венцев и пестрые юбки итальянок. Молодежь танцует под звуки знаменитого штраусовского «Голубого Дуная».

Колоссальным фейерверком закончился этот день.

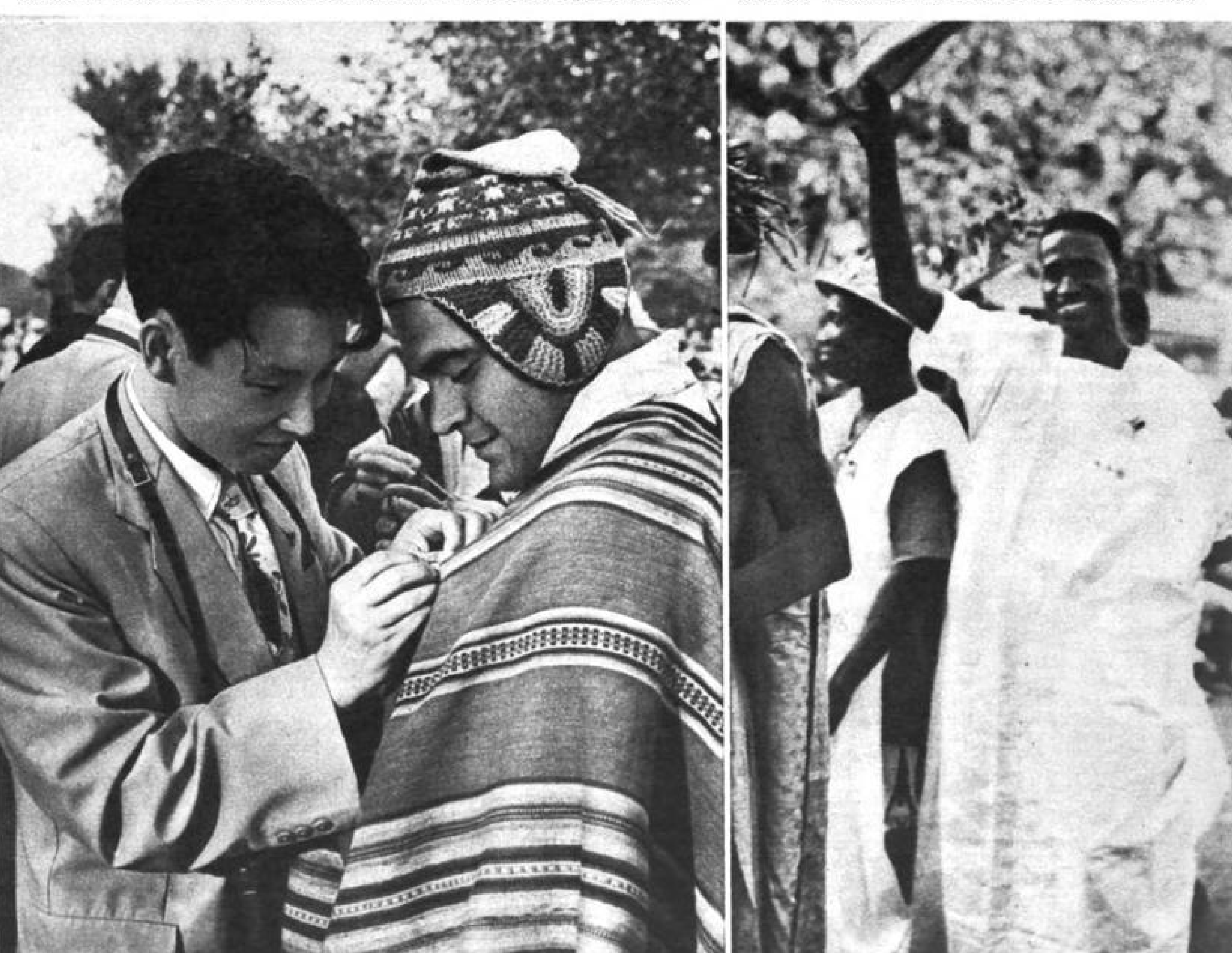
Впереди интереснейшие встречи молодежи всех стран и континентов. Работает международный студенческий клуб. Соревнуются молодые певцы и музыканты, легкоатлеты и шахматисты, пловцы и мотогонщики.

«Мир и дружба» — эти слова, не умолкая, звучат на улицах Вены. Слова надежды, непреклонной воли, страстного стремления людей к миру и счастью на земле.

С разных концов света приехали в Вену и встретились, как друзья, юноша из народного Китая и молодой аргентинец.

Черная Африка приветствует фестиваль.

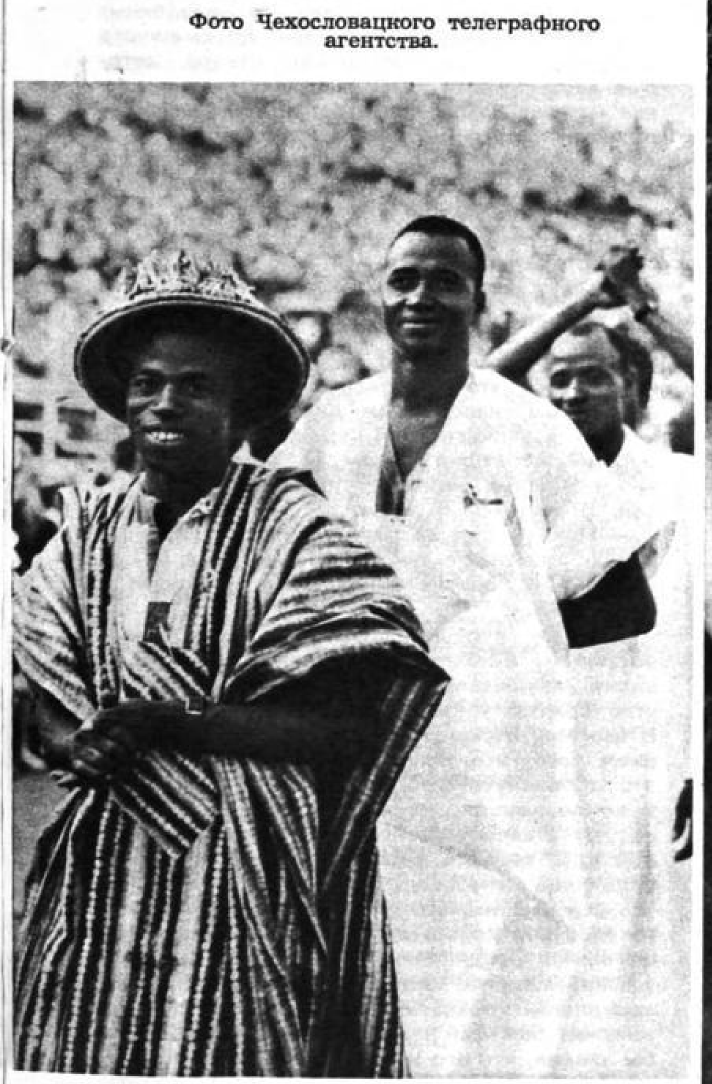

Далеким был путь из Индонезии до Австрии. Молодые австрийцы — участники традиционного венского вальса «Голубой Дунай». Так виднее.

Молодежь Страны Советов.

Крепнет дружба молодых!

Фото Чехословацкого телеграфного агентства.

ПОД ПОЗОЛОЧЕННЫМ КУПОЛОМ

Впечатления американки от американской выставки в Москве

Марта ДОДД

Я иду как рядовая посетительница на американскую национальную выставку в Москве. Иду с естественным волнением. Я люблю свою родину, горжусь ею, ее народом, энергичным и талантливым, ее высокой техникой, ее вкладом в мировую культуру. И не меньше, чем спешащие в Сокольники москвичи, я хочу увидеть на выставке объективную картину жизни Соединенных Штатов.

Уже первый обзор как-то настораживает. На выставке посетителя приглашают поверить, что средний американец живет в беззаботной роскоши. Слов нет, в Америке наших дней более высокий уровень жизни, чем в других странах. Однако американцу — я хорошо это знаю — приходится тяжело расплачиваться за этот уровень. У меня такое чувство, что если бы кто-либо из моих сограждан посмотрел на выставку в Москве, он вздохнул бы и сказал: «О, если бы все это в действительности было так легко и безмятежно!»

Среднему американцу приходится повседневно и упорно бороться, чтобы преодолеть страх и ощущение неуверенности, которые осаждают его и его семью. Когда он, например, покупает дом, машину или хорошую мебель, какая показана на выставке, он может чувствовать себя уверенным и свободным только при одном условии: если сразу заплатит за купленное наличными деньгами. Увы, такие случаи, если говорить о массе американцев, крайне редки! Обычно человек попадает в крепостную зависимость от компаний, продающих все эти блага в рассрочку. Иначе говоря, по уши влезает в долги на многие годы вперед, если не на всю жизнь.

А если ему случится потерять работу? Или стать жертвой аварии? Или подвергнуться хирургической операции? Или, наконец, испытать сокращение заработной платы? Тогда ежемесячный взнос за дом, автомашину, телевизор превращается для семьи в проклятие. Поэтому большинство американцев, конечно, не владеет очень многими из тех роскошных предметов, которые выставлены в Сокольниках.

Днем 24 июля, до официального открытия американской выставки, ее посетили руководители Советского правительства и вице-президент США Р. Никсон. На кухне «типичного американского домика», который демонстрируется в Сокольниках, между Н. С. Хрущевым и американским вице-президентом состоялся оживленный обмен мнениями. «...У нас была самая дружеская, интересная беседа. Каждый из нас откровенно и прямо излагал свои взгляды»,— сказал об этом разговоре Н. С. Хрущев.

Фотокорреспондент «Огонька» Е. Умнов заснял отдельные моменты этой беседы.

Устроители выставки пожелали отразить жизнь «среднего американца» со «средней» зарплатой в 90 долларов в неделю. Я не стану говорить о том, насколько сомнительной является эта статистика. Но мне кажется, что советские посетители, вступая на территорию выставки, прекрасно знают, что за этой «средней» цифрой скрываются десятки миллионов американцев, живущих намного ниже демонстрируемого уровня. Это многие миллионы негров, это фермеры-издольщики на американском Юге, это пуэрториканцы, мексиканцы, иммигранты из многих стран Европы и Азии и прочие граждане США, которых рассматривают как «второсортных» и оплачивают намного ниже, чем коренных американцев. И уж не приходится говорить о полунищенской жизни многих сотен тысяч сезонных сельскохозяйственных рабочих и нескольких миллионов безработных с их семьями...

Мы входим под «геодезический купол». Этот павильон — как бы «пролог» к американскому образу жизни. Здесь много фотостендов, надписей, цифр. Увы, статистические данные, справочные материалы о различных сторонах американской жизни до смешного искажены. Все это напоминает ответы, которые дает стоящая здесь же электронная счетная машина на заранее подготовленные осторожные, тактичные вопросы. Все, что содержится под огромным позолоченным куполом павильона, словно облито сладкой глазурью и подчинено формуле: «Все прекрасно в этом прекраснейшем из миров». А между тем у скольких американцев все это «прекрасное» уплывает сквозь пальцы, как вода у древнего Тантала!

На семи больших экранах в павильоне показывают кинокадры о жизни в Америке. Но почему все это сопровождается таким оглушительным, назойливым дикторским текстом и такой взвинчивающей нервы музыкой? Один русский, стоявший рядом со мной напротив телевизионных экранов, поморщился и сказал, обращаясь к жене:

— Почему они не разговаривают с нами, а кричат, оглушают, так что в ушах звенит? Неужели и вся жизнь у них такая крикливая и беспокойная?

Зрителя, стоящего перед киноэкранами, восхищает богатство пейзажей Америки; он видит внушительную индустрию, совершенство архитектурных форм многих строений. И все-таки отсюда уходишь тоже с ощущением того, что показ поверхностен, что все это проникнуто ненужным самохвальством и, в конце концов, нереально. Перед глазами несутся в хаотической смене образцы изысканной еды, веселых развлечений, море автомашин, лица кинозвезд. Но ведь надо помнить, что все это подчеркнутое цветным кино многокрасочное довольство есть удел только высшего слоя Соединенных Штатов, что все это ни в какой мере не «типично» и не представляет «среднего» уровня. И, думается, простой американец был бы несколько сконфужен, если бы увидел, что его жизнь так изображают для других народов. Пожалуй, этот американец

сказал бы, что все это — далеко не вся Америка, далеко не весь американский народ.

Я подумала, что рекламный шум, царящий на выставке, в какой-то мере отражает беспокойный гул американского большого города, от которого так возрастает сейчас потребление всяких «успокаивающих» медицинских средств, возрастает и число несчастных случаев и детская преступность. И еще мне подумалось, что советский зритель, знающий историю, возможно, сравнит весь этот блеск с великолепием древней римской империи перед ее падением...

В сооруженном из стали и стекла главном павильоне выставлено очень много предметов широкого потребления. Самый павильон, легкий и изящный, произвел на меня хорошее впечатление. Хуже обстоит дело с его «начинкой» — здесь опять все рассчитано на то, чтобы создать картину безграничного изобилия. Удивляет какая-то нагроможденность, бесплановость, случайность размещения экспонатов. Хороша мебель — умелое и разумное сочетание дерева и легких пластических материалов; впрочем, в Соединенных Штатах эта мебель еще очень дорога. Хороши лампы и другие осветительные приборы, сделанные тоже из пластиков в соединении с металлом, некоторые спортивные товары. Интересен магазин самообслуживания, оборудование кухни, ванной комнаты. И в то же время масса очень ординарных вещей, которые едва ли следовало везти через океан. Один из сопровождавших меня друзей сказал, усмехаясь:

— А знаете, эта выставка рассчитана больше на женский глаз, чем на мужской!

Я почувствовала правоту этих слов, когда мы очутились на площадке, где выставлены американские автомобили. Я видела, с каким интересом рассматривают их советские посетители, расспрашивая о ходовых качествах машин, моторах, о деталях оборудования. Многие говорят, что в области автомобилестроения русские могут и, конечно, готовы поучиться у Америки. Но на мой, американский глаз, подбор марок выставленных машин носит все тот же навязчиво-рекламный характер. Это большей частью роскошные и не очень практичные американские машины, рассчитанные на то, чтобы поражать воображение богатого покупателя. И, разумеется, они дороги. Американский рабочий предпочитает приобретать старые автомобили, давно вышедшие из «моды». И не случайно, подумала я, за последнее время наблюдается интенсивный приток в Америку дешевых, маленьких машин из Европы.

Здесь же, на площадке автомашин, многие русские высказывали мысль, которая пришла в голову и мне самой. В представлении советского человека Соединенные Штаты — одна из самых крупных индустриальных стран мира. Советские люди всегда объективно и с уважением говорят о высокой и многообразной американской промышленной технике. И вот на выставке, которая носит обязывающее название национальной, научная и техническая мысль Соединенных Штатов почти ничем не представлена. Нет моделей заводов, нет новейших машин, нет ничего, что говорило бы о современных методах и современной организации производства в Соединенных Штатах. Устроители выставки почему-то оставили в стороне такие огромные и важные области, как металлургия, горное дело, машиностроение, энергетика, наконец, земледелие. Я спросила одну советскую посетительницу, молодого инженера, какое впечатление производит на нее выставка.

— Нейлоновое белье, пылесосы, кастрюли. А техники, науки американской что-то не видно.

Ее поддержала группа молодых русских студентов.

— У меня впечатление,— сказал юноша с буйно разметавшейся шевелюрой,— что американцы агитируют нас производить миллиарды карандашей для губ, словно это только и нужно для полного счастья. Но мы делаем и будем делать машины и запускать спутники, хотя это, может быть, кое-кому неприятно. А губных карандашей, хороших чулок и кастрюль у нас будет скоро вдоволь, будьте уверены.

Многие из американского персонала выставки говорили мне, что их поразил большой интерес посетителей к павильону искусств.

— Они заходят в павильон и ведут себя очень деликатно,— сказал мне молодой американский гид.— Очень внимательно все разглядывают. Обмениваются на месте впечатлениями. А затем уходят... смеясь! Это очень смущает всех нас.

И в самом деле, за исключением нескольких хороших реалистических полотен, американское изобразительное искусство представлено нагромождением сюрреалистического, абстракционистского, беспредметного искусства. Я наблюдала, как какой-то посетитель стоял перед огромной картиной, состоящей из грязноватых коричневых пятен на черном фоне.

— Что это такое? — обратился он громко к другим посетителям.— Это ведь оскорбление и искусства и художника. Здесь нет не только вдохновения, но и сколько-нибудь усердного труда. Это как плевок, поверьте, как плевок в лицо!

Позже я прочла в книге отзывов следующую гневную запись: «Если эта мазня — образец американской культуры, то мне очень жалко американцев».

Мне вспомнилось, что выставленные в Сокольниках полотна двух или трех прогрессивных американских художников-реалистов едва не были изъяты сенатской подкомиссией по антиамериканской деятельности. Подкомиссия подняла невероятный шум, объявив этих художников «коммунистами» (видимо, потому, что они изображали картины американской жизни во время кризиса тридцатых годов). Был поднят крик, что эти картины «бесчестят» американскую нацию и их немедленно надо вернуть назад в США (добавлю от себя: чтобы русские, боже сохрани, не увидели, как выглядит безработица в Соединенных Штатах). И эти картины, наверное, были бы изъяты, если бы они уже не находились в пути, в океане.

Один из американцев, стоящих у машины, которая тут же на выставке изготовляет пластмассовые блюдечки, сказал мне в приливе унылой откровенности:

— Я нисколько не обижаюсь на русских посетителей. Почему они должны быть восхищены нашей машиной и вот этим блюдечком, которое она выбрасывает? Вы были на их собственной промышленной выставке? Чем же мы хотим поразить их здесь?

Я спросила у него, как он смотрит на советско-американскую торговлю.

— Я был бы рад, если бы нам удалось поторговать с ними сейчас,— ответил он.— А то они скоро совсем не будут нуждаться в наших товарах.

В этих словах я почувствовала то, что занимает сейчас мысли многих американцев. Да, мои сограждане уже давно считают, что десятки миллиардов долларов, которые уходят в их стране на лихорадочную гонку вооружений и золотым дождем возвращаются в сейфы миллиардеров, следовало бы обратить на плодотворную, выгодную и мирную торговлю с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Этому, в сущности говоря, должна была содействовать и американская выставка в Москве. К сожалению, она очень слабо отражает эту простую и понятную любому здравомыслящему человеку идею. И с выставки уходишь с грустным чувством, что американские устроители гораздо больше были озабочены тем, чтобы пустить пыль в глаза, представить в фантастически розовом свете жизнь и быт Америки. Очень жаль!

Современное положение, когда все человечество стремится отстоять и закрепить мир, требовало совершенно иного подхода к организации в Москве первой большой американской национальной выставки. Искреннее и честное желание советских людей побольше узнать о реальной Америке, на мой взгляд, осталось неудовлетворенным.

У стенда бытовых электроприборов. Фото Е. Умнова.

БРАТСТВО НАВЕКИ!

Десять дней в народной Польше гостила партийно-правительственная делегация Советского Союза, возглавляемая Первым секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым. Гости из Советской страны побывали в столице, в нескольких городах и на шахтах Силезского промышленного района, в Щецине, Познани, Жешуве, Гданьске, Лодзи, Люблине, Освенциме.

Во всех городах и селах, на полях и заводах посланцев советского народа с энтузиазмом приветствовали трудящиеся. Поездка делегации вылилась в могучую демонстрацию нерушимой польско-советской дружбы.

«Стороны выразили решимость и впредь крепить братскую дружбу обоих народов, основанную на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, всемерно расширять политическое, экономическое и культурное сотрудничество и взаимопомощь, добиваться еще большего сплочения всех стран социалистического лагеря»,— так сказано в совместном советско-польском заявлении, которое подписали товарищи Н. С. Хрущев, В. Гомулка и Ю. Циранкевич.

Выступая на митинге трудящихся во Дворце спорта в Москве после возвращения из Польши, Н. С. Хрущев сказал:

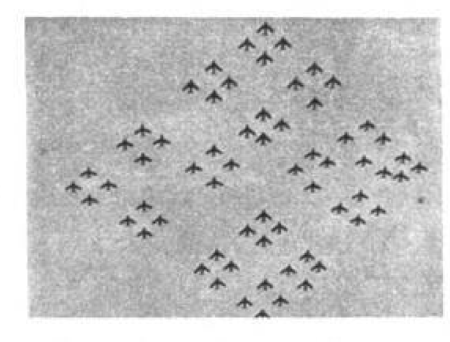
«Незабываемое впечатление на всех нас произвели проводы советской партийно-правительственной делегации из Варшавы. Улицы, по которым мы проезжали, были переполнены людьми, которые с исключительной теплотой приветствовали нас и буквально засыпали машины цветами. Это была волнующая, потрясающая демонстрация польско-советской дружбы».

На снимке: машины с гостями по пути на варшавский аэродром.

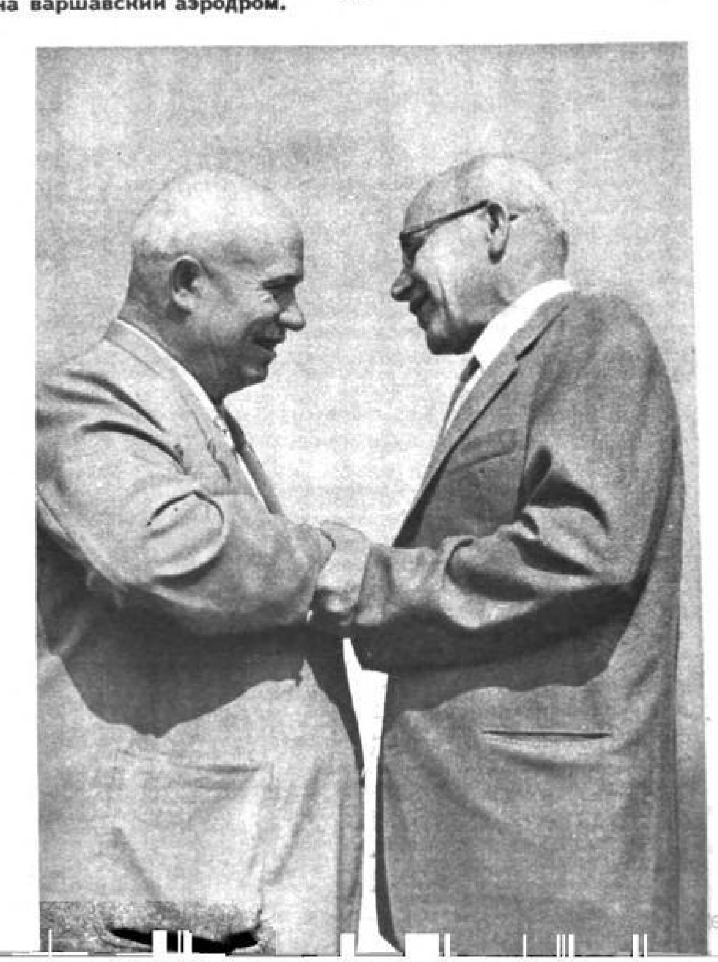

←

В день пятнадцатилетия Польской Народной Республики в Варшаве состоялся большой парад вооруженных сил и марш физкультурников столицы.

Шестьдесят четыре реактивных самолета пронеслись над площадью Парадов во время праздника в плотном, четком строю.

Дружба на вечные времена! Товарищи Н. С. Хрущев и В. Гомулка на аэродроме перед отлетом советской делегации в Москву.

Река называется Одра

Одра в районе Щецина.

Борис **ИВАНОВ**,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

ПО ЗАПАДНЫМ ЗЕМЛЯМ ПОЛЬШИ

— Припекает...— сказал, щурясь, Роман Лучкевич,— и не только солнце.

— Что же еще?

— Сроки! Понимаете, сроки! В начале будущего года второй разрез должен дать уголь. Надо торопиться. Сегодня наш экскаватор двинулся к месту старта. Хотите посмотреть? Здесь недалеко.

Действительно, через пятнадцать минут перед глазами выросла стальная громадина высотой с многоэтажный дом. Шагающий экскаватор мощностью в 1 300 кубических метров грунта в час был изготовлен в ГДР. В Польшу его доставили по частям, и уже в Турошуве стали монтировать немец Пауль Лянгхайрик, поляк Владислав Кшивоблоцкий и их двадцать три помощника.

— Прошу знакомиться,— сказал Лучкевич, представляя меня руководителям монтажа,— нашу станцию пол-Европы строит.

Пол-Европы! Случайно, ради красного словца оброненная фраза напомнила мне другую встречу, состоявшуюся два десятилетия назад. Это было на Волге, на строительстве Угличской ГЭС. Познакомили меня тогда с бригадиром бетонщиков Андреем Грачевым. Когда я жал его тонкую, теплую ладонь, не верилось, что этот узкоплечий, длинный, такой с виду неуклюжий парень — лучший рабочий стройки. Показывая мне свой участок, он говорил: «Нашу станцию вся страна строит!» И долго перечислял, кто в его бригаде откуда приехал, несколько раз называя одно и то же имя — Наташи Конуховой из Тулы.

И вот теперь я слышу: «Нашу станцию пол-Европы строит!»

Станцию строит не страна, а пол-Европы! Конечно, фактически Роман Лучкевич немного преувеличил. Но хотел он или нет, по своей идее, по своему внутреннему смыслу это было сказано удивительно точно. Если не материально, то мысленно, сердцем в строительстве Турошувской ТЭЦ принимают участие все народы социалистических стран.

Экскаватор, похожий на увеличенную в тысячу раз морскую черепаху, медленно передвигался вперед.

Прощаясь с Романом Лучкевичем, я спросил его:

— Закончите станцию, что будете делать дальше?

— Дальше?— переспросил он, как бы выгадывая время для ответа.— Дальше, видимо, останусь тут. Но это зависит не только от одного меня.

— Понятно. Ну, и как она?

— За ответом надо съездить в Варшаву...

Судя по тому, каким тоном говорил со мной Роман на эту щекотливую тему, по убранству его маленькой комнаты в общежитии, где главным украшением служит фотография миловидной девушки, молодой инженер останется здесь, в Турошуве, работать на новой ТЭЦ. И очень хорошо. Если мне посчастливится еще раз побывать на западных землях Польши, я с радостью приеду в Турошув, чтоб обнять Романа Лучкевича и всю его семью. К сожалению, я не смог этого сделать в свой второй приезд в Углич с Андреем Грачевым. Как мне рассказала Наташа Конухова, ставшая вдовой в двадцать три года, Андрей погиб на войне.

Я тогда не спросил у Наташи, где именно, под каким городом. По пути из Турошува в Зелену Гуру я неоднократно встречал военные кладбища, где рядом с польскими солдатами покоится прах советских бойцов. И я думал: может быть, именно здесь, на западных землях, сложил голову Андрей Грачев. Может быть, здесь, среди этих братских могил, зеленеет маленьким холмиком и его могила. Вечная слава тебе, Андрей Грачев, вечная слава!

«Пали целые поколения героев,— писал Юлиус Фучик,— полюбите хотя бы одного из них, как сыновья и дочери, гордитесь им, как великим человеком, который жил будущим».

И это будущее, чем жили поколения героев, о чем мечтали они, преодолевая свинцовый ливень, проступает сейчас всюду на польской земле. Здесь, на западе, я видел его в образе турошувской стройки, в делах и заботах кооператива «Вольность»; это будущее я ощутил в покое и тишине на всем протяжении Одры и Нисы Лужицкой, чего не было на западных границах Польши в течение многих веков.

Выросли новые «поколения героев» — героев труда. Они помнят бессмертный подвиг своих отцов и старших братьев и, благодарные, воздвигают им великий памятник — строят сильную, счастливую, социалистическую Польшу. С каждым годом, с каждым днем меняется не только облик городов и сел страны,— меняются люди, их взгляды, привычки, привязанности. Воспитание человека вообще сложный процесс. На западных землях он сложен вдвойне.

Да это и не удивительно. Ведь сюда, к берегам Одры и Нисы, приехали люди со всех концов Польши. Вместе с домашним скарбом каждый новосел захватил с собой и свои вкусы, свое отношение к вещам, свое суждение о действительности. Ткач из Белостока и жестянщик из Кракова, пахарь с Мазовши и овцевод с Карпат поселились в одном городе или в одном селе, а нередко и под одной крышей. Большая страна Польша, много в ней красивых мест, а родное местечко, пусть и неказистое, всего дороже. Тоскует по нем сердце. И вот нужно было сделать так, чтобы переселенцы нашли не только «общий язык» и жили в дружбе, но и почувствовали себя здесь полновластными хозяевами, стали зачинателями новых традиций, горячими патриотами новых земель.

В деревне эта общность интересов, «локальный патриотизм» — термин, который я неоднократно слышал в Польше,— воспитывалась в процессе совместного труда. Яркая тому иллюстрация — десятилетняя жизнь кооператива «Вольность», о котором я упомянул выше. Кооператив этот расположен в деревне Вилямова, уезда Ниса, Опольского воеводства. Люди сюда приехали в основном из восточных воеводств. Государство предоставило каждой семье добротный дом с хозяйственными постройками и дало землю. Все бесплатно. Не ленись — и воздаст тебе труд. Люди вроде не ленились, но и особенно не утруждали себя, поэтому от щедрот полей жиру не накапливали. Как говорится, сводили концы с концами. Так жили год, другой, а на третий стали поговаривать, что земля опольская не ласкова к ним.

— Что это у тебя, пан Мариан, нынче пшеница ромашками заросла? — спрашивал Владислав Грабовский своего соседа.— Да и крыльцо не мешало бы подремонтировать.

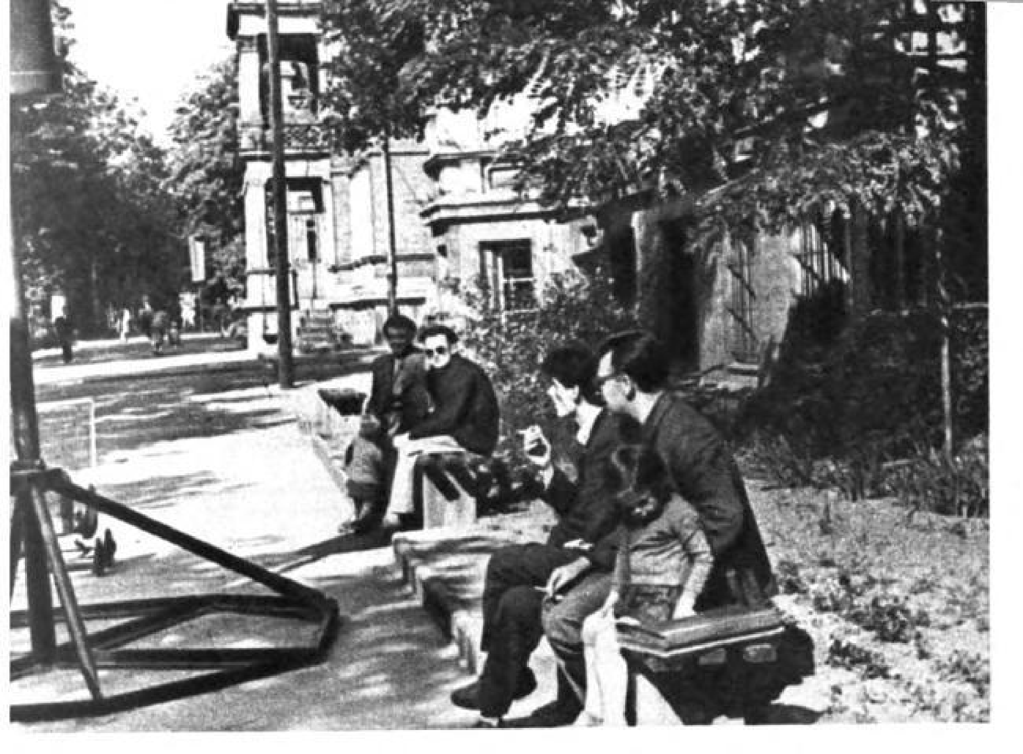
— Холера с ним, с крыльцомто! — с досадой отвечал Мариан.— Вот соберу нынче какой ни на есть урожай и подамся до дому.

— Что вдруг так?

— Да не с руки мне тут и не по сердцу...

И уезжали с западных земель: одни обратно к старым гнездам (дóма и стены помогают); другие сидели на чемоданах, собираясь удрать в город или в соседнее воеводство (ведь всегда лучше там, где нас нет). Как сломить это равнодушие, вселить в людей уверенность, зажечь в них искру

Окончание. См. «Огонек» № 30.

Улицы Зелены Гуры напоминают скверы.

любви к новым местам — этот вопрос все чаще и чаще вставал перед коммунистом Владиславом Грабовским и перед некоторыми его товарищами. Ответ подсказал, как ни странно, несчастный случай.

Заболел Мариан. Об отъезде осенью и речи быть не могло. Дома жена да ребят целый короб, мал мала меньше. А пшеничка все больше зарастала сорняками, картошка не окучена, скотина не ухожена. Тут не только «какого ни на есть», вообще урожая можно не собрать. Что делать? И пошла бы по миру семья Мариана, если бы не народная власть, если бы не сельские коммунисты. Это они во главе с Владиславом Грабовским стали по вечерам помогать его жене управляться с хозяйством.

Искренне желая помочь в беде своему соседу, Грабовский с друзьями так сообща трудились в его хозяйстве, что осенью поправившийся Мариан снял со своей земли самый большой в селе урожай. Ни о каком уже отъезде до дому он и речи не вел. На селе этот случай вызвал много разговоров. Крестьяне говорили о том, что «здорово сообща получается, безбедно жить можно». Тут-то и высказал Грабовский свои соображения об организации кооператива. «Давайте всю нашу землю сообща обрабатывать!» — предложил он.

Было это в 1949 году. Этот год и стал датой рождения кооператива «Вольность» в селе Вилямова под председательством Владислава Грабовского.

Год от года крепло хозяйство Вилямова. Через шесть лет кооператоры получали на трудодень по сорок злотых деньгами и по восемь килограммов хлеба. А общий доход кооператива перевалил за три миллиона злотых. На сходках, в городе на базаре крестьяне уже больше не говорили «мы белостокские» или «мы люблинские», как было раньше. «Опольские мы!» — привычно слышалось теперь всюду. Искра любви к новым землям зажглась. Ее уж не могли потушить даже события 1956 года.

В этот год прошел по селу слух, что кооперативы в Польше закрываются. Распускал его член кооператива Пастернак. Он даже сочинил «требование о ликвидации кооператива». Ходил с ним из дома в дом и собирал подписи. Нашлось двадцать шесть хозяев, подписавших эту бумагу. Тогда Грабовский собрал общее собрание кооператоров, на котором рассказал о выходке Пастернака. Большинство постановило: исключить из кооператива всех подписавших «требование». На следующее утро восемь семейств запросилось обратно. Их приняли. Стали потом стучаться в двери кооператива «Вольность» и другие, но им в ответ сказали: «Подождите, подумаем». И эти восемнадцать хозяев до сих пор терпеливо ждут, не помышляя о возвращении к старым пенатам — к себе в восточные воеводства, хотя живут хуже, чем кооператоры.

— Куда же нам теперь подаваться, мы опольские!

«А что с вилямовским Пастернаком?» — спросит читатель.

Он так же, как и другие, ждет, когда его снова примут в кооператив.

В городе этот процесс «приживания», процесс душевного слияния, если можно так выразиться, с западными землями проходил несколько иначе.

Зелена Гура, куда я приехал из Турошува,— город небольшой. В нем пятьдесят тысяч жителей. Город очень напоминает Ополе. Здесь всюду столько деревьев, кустов, цветов, что каждая улица — сквер. Схожесть со скверами придает улицам и обилие скамеек вдоль тротуара, у фасадов домов. Скамейки пустуют разве что ночью. Днем тут отдыхают мамы с детьми, старики обсуждают важные международные события, вечерами скамейки занимает молодежь. И еще есть одна достопримечательность в этом городе: посредине центральной площади стоит киоск, украшенный бутафорскими кистями винограда.

— Зачем это? Ведь виноград в Польше не растет.

— То было раньше, до войны,— сказал мне редактор местной газеты товарищ Нетиковский.— В Зеленогурском воеводстве виноград растет, и осенью на центральной площади города мы устраиваем праздник виноделов.

Зелена Гура — крупнейший город древнего польского края — земли Любушской. Немецкие оккупанты за много веков все сделали для того, чтобы и духу польского здесь не осталось. Поэтому переселенцам, вернее, подлинным хозяевам, пришлось начинать с возрождения «духа любушского», местных традиций, но уже в иных исторических условиях. Начали с того, что в городе создали «Любушское общество культуры». Возглавил его Вислав Саутер. До войны он учительствовал в этих краях.

Общество учредило несколько премий для зеленогурских писателей, журналистов, художников. О лауреатах, о их произведениях, посвященных, как правило, проблемам земли Любушской, широко рассказывалось в местной газете, и это пробуждало у населения интерес к родному краю, гордость за его успехи. Чтобы придать городу общепольское значение, чтобы знали о его существовании и за рубежами страны, в Зеленой Гуре устраиваются различные фестивали, слеты, соревнования. Недавно здесь проходил международный артистический фестиваль, в котором принимали участие деятели искусств Чехословакии, ГДР, Франции и Голландии. Драматический театр, симфонический оркестр, клубы — все в Зеленогурском воеводстве направлено к одной цели — воспитывать у населения любовь к своему краю. И, надо сказать, усилия эти не напрасны.

Путешествие по западным землям Польши я закончил в Щецине — крупном порту, городе моряков и судостроителей. С моим польским другом Ришардом Данилевским мы приехали туда в самый разгар праздника — Дня моря. Это теперь традиционный праздник польского народа — ведь морская граница страны протянулась на пятьсот километров. Широкая набережная, на которой еще встречаются развалины некогда многоэтажных зданий, улицы, витрины магазинов — все кругом было украшено красными полотнищами, государственными флагами. А на некоторых площадях, готовые вот-вот поплыть по глади асфальта, белели парусами фанерные корветы, фрегаты, яхты.

Вечером с Ришардом Данилевским мы пили кофе в студенческом клубе. На стенах клуба в рамках и без рамок висели какие-то пятна, именуемые здесь почему-то картинами (а посему, видимо, и заключенные в рамки). Молодежь весело отплясывала под маленький джазик фокстроты, рок-н-ролл. За длинным столом, составленным из нескольких столиков, собрались журналисты, приехавшие на праздник со всех концов Польши. Моим соседом оказался журналист из Кракова. Он работал там в католической газете. Растянув в улыбке губы, сосед спросил меня, кивая головой на противоположную стену:

— Как вы к этому относитесь?

— Никак!

— Почему?

— Я не вижу в этом предмета, к которому можно было бы хоть как-то относиться. А вы?

— Я тоже. Но мы должны быть гуманны ко всем человеческим увлечениям.

Узнав, что я путешествую по западным землям, сосед сказал:

— По этому же маршруту недавно ездил один западногерманский журналист. Вы, наверно, слышали? Он выпустил книжку, в которой назвал наши воссоединенные земли «пустыней в центре Европы». Чувствуете, куда этот ветер? Чтоб сильнее раздувать реваншистские страстишки. Но, слава богу, нас теперь разделяют не пограничные столбы, а целый мир, через который реваншистам никогда не перескочить.

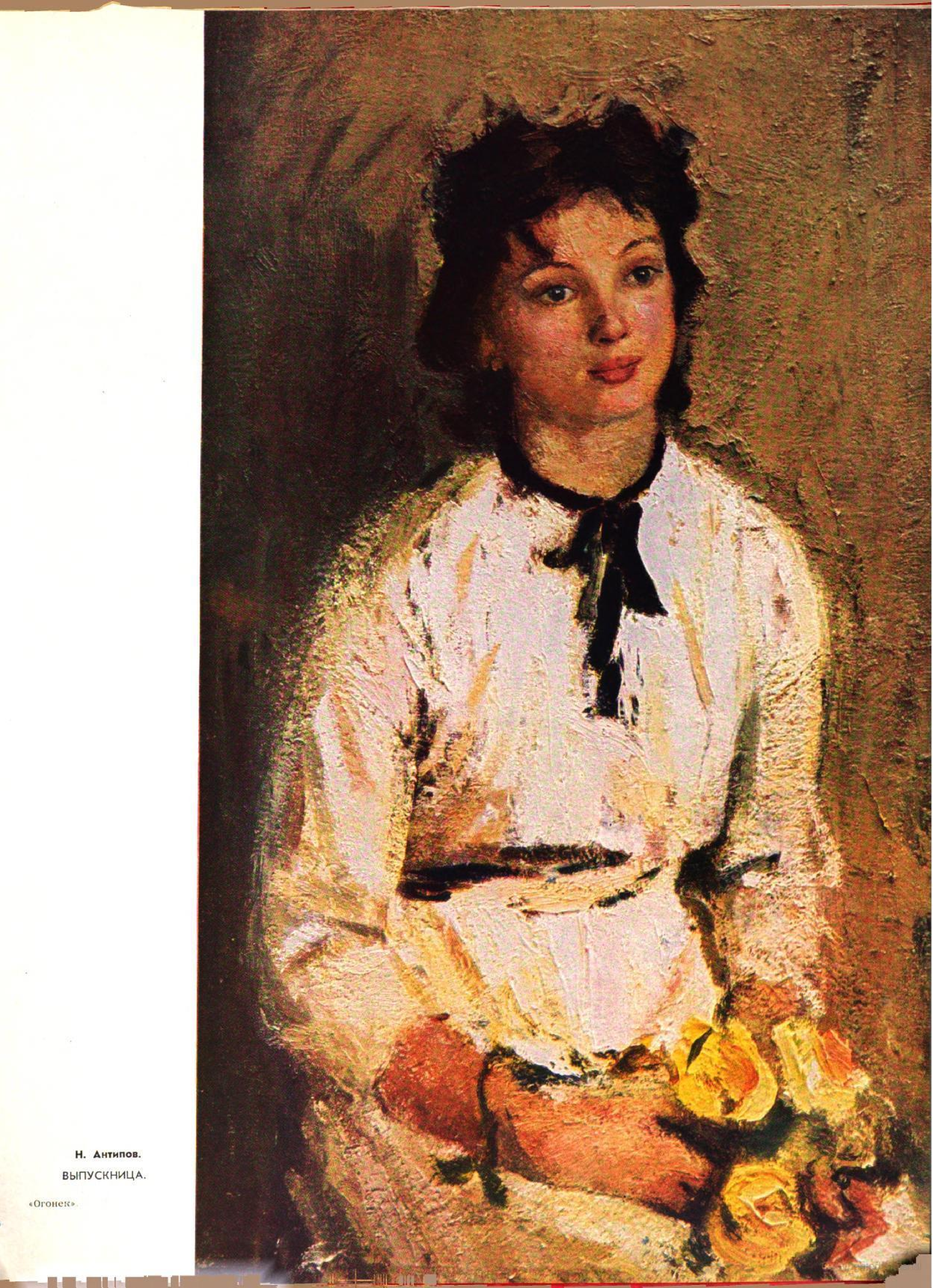
Это говорил журналист-католик. И с ним нельзя было не согласиться. Да, целый мир — мир социализма, могучий и непобедимый! А река, по берегам которой я путешествовал много дней,— всего лишь граница земель братских народов.

У поляков эта река называется Одра, у немцев — Одер. И как бы в конце концов ни называли ее люди, главное заключается в том, что воды реки теперь могут окрасить в красный цвет только лучи заходящего солнца.

Тихо бывает днем на улицах села Вилямова.

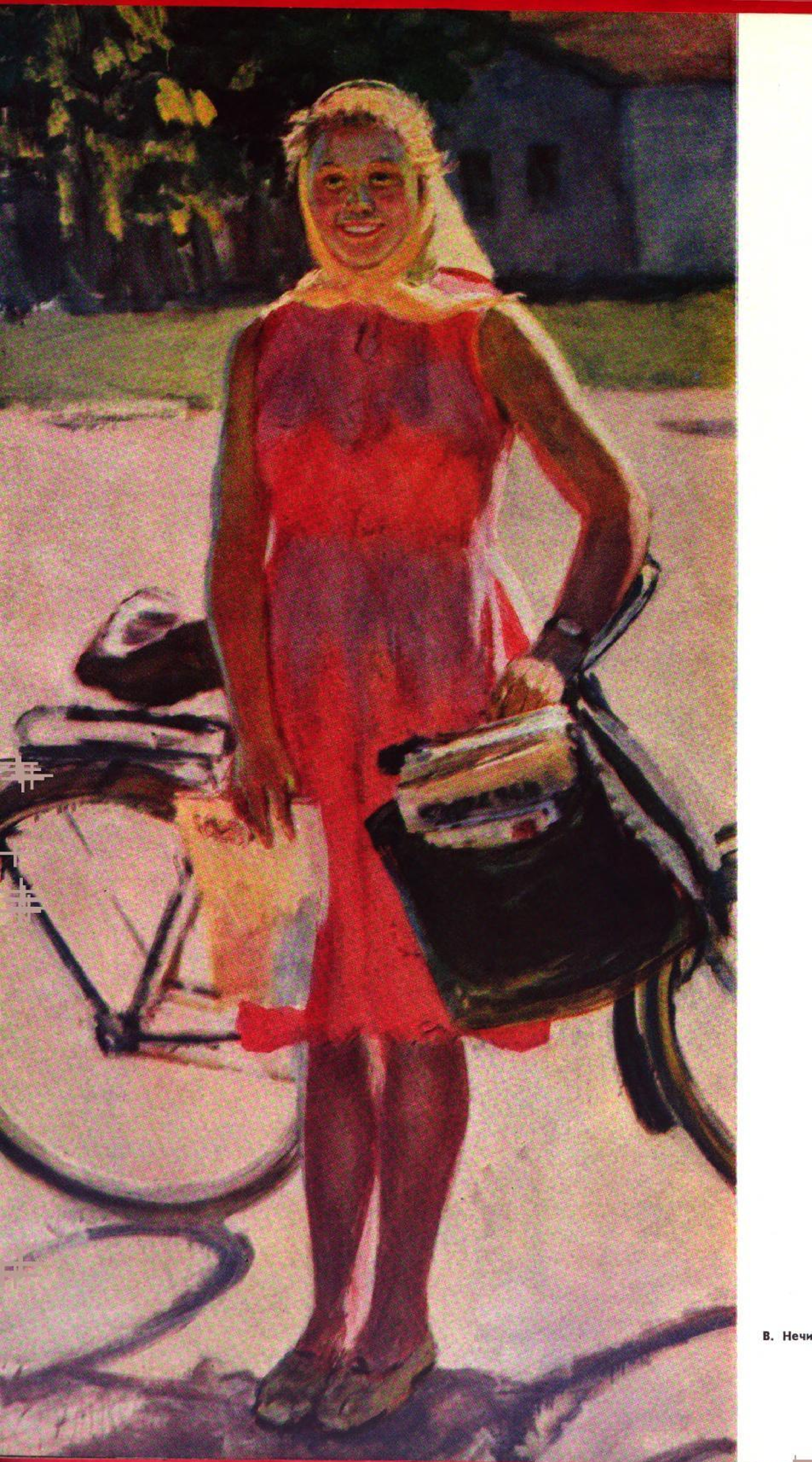

Н. Антипов.

ВЫПУСКНИЦА.

«Огонек».

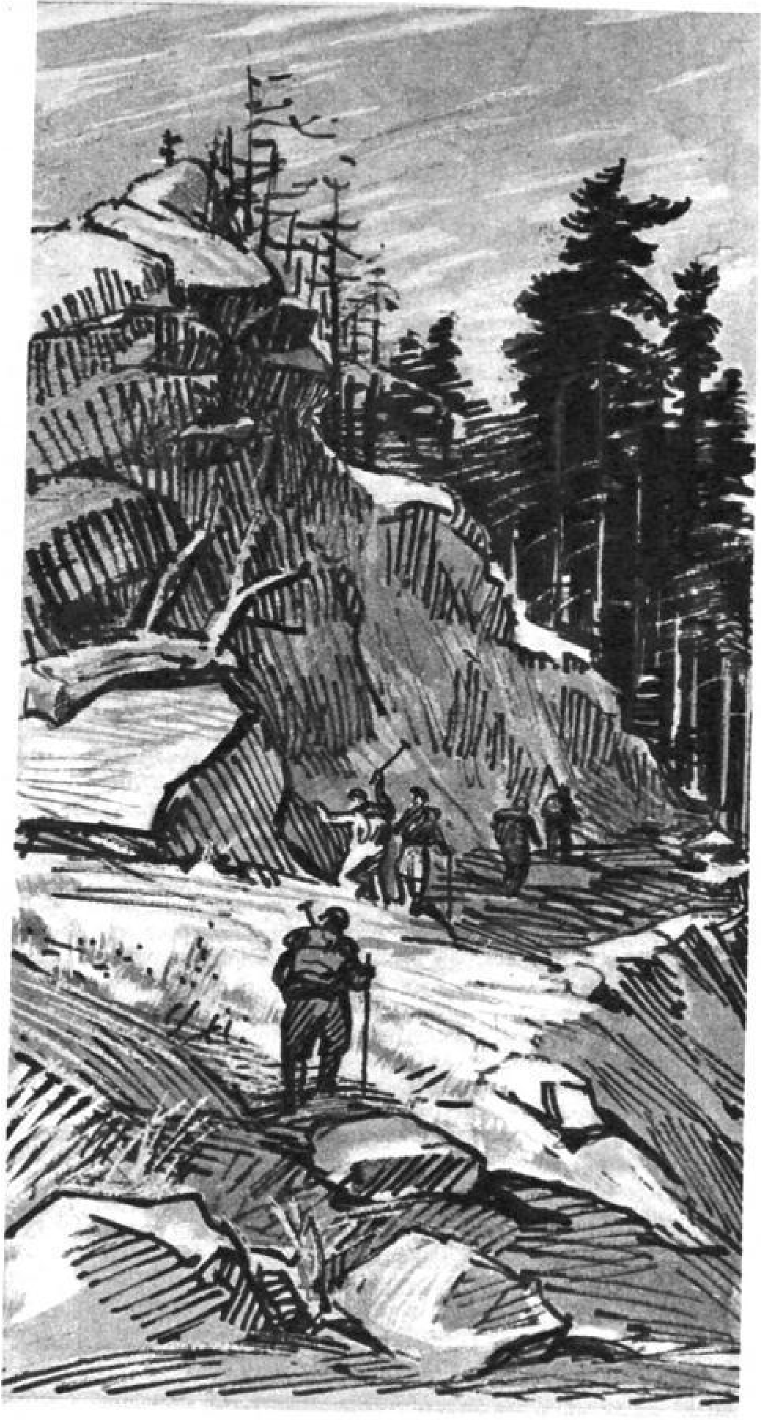
В. Нечитайло. ПОЧТАЛЬОН.

ГНУС

Рассказ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки И. БРУНИ.

1

В конце мая Ксению вызвали к начальнику партии и назначили руководителем поискового отряда. Она что-то промямлила в ответ, но по своей слабохарактерности и отказаться-то наотрез не посмела. Вообще в кабинетах начальства Ксения чувствовала себя неловко, стесненно, как бы не в своей тарелке. Она казалась сама себе девчонкой в сравнении с этими солидными людьми, терялась, краснела: куда мне, мол, разве я справлюсь, разве я смогу?

Ксения догадывалась, что, может статься, так думал и начальник партии. Просто у него не было выбора! Небольшие поисковые отряды уходили от базы в тайгу лучеобразно, во всех направлениях. Опытных геологов не хватало. В конце концов, как рассуждал начальник? Эта девочка окончила институт. Сезон прошлого года провела в тайге. Исполнительная. Непривередливая. Жевать может что придется и спать привыкла под открытым небом. Чего же еще? Ей и карты в руки. Очень точные, хорошие карты.

Все-таки он сказал, как бы оправдываясь:

— Ну-ну... Не так это сложно. Не боги горшки обжигают. В отряде неплохие люди. С ними не пропадете. А если уж говорить начистоту, Ксения Ивановна, так ведь надо привыкать и к самостоятельной работе, к самостоятельным решениям.— Он лукаво покосился на нее, подергал жиденькую прядку волос на темени.— Вам вообще-то палец в рот не клади. Вы это зря прибедняетесь. Говорили мне, как вы однажды в отряде разорялись. Прошлым-то летом...

И эти его последние слова окончательно обезоружили Ксению. Ей нечем было крыть. Даже теперь, год спустя, она краснела, вспоминая давнишний случай.

Хорошо мужчине! Он может и ругаться и ударить, если того потребуют критические обстоятельства. Да, начальника-мужчину слушают беспрекословно. Но стоило Ксении сказать несколько крепких слов одному нахалу и лодырю — и это стало известно всей партии!

И вот она опять в тайге, но не под началом у кого-то, нет! Отныне она сама должна отвечать за поиски, руководить людьми.

Ксения сердито сдернула с плеча полотенце и вошла в палатку. В ней было сумрачно и душно. Надсадно звенели отогревшиеся комары.

— Котеночкин,— сказала Ксения,— твоя же очередь завтрак готовить! Марш за водой!

Котеночкин, голубоглазый полнощекий парнишка с крутыми бровями, глухо отозвался из спального мешка:

— Ну вот вы заладили, Ксения Ивановна... Котеночкин, Котеночкин! Будто у вас и слов других нету.

— Я кому говорю?! — Ксения тщетно пыталась придать своему голосу суровость.

— Счас.— Котеночкин вылез наконец из мешка и шагнул к выходу, взял ведро.— Я пойду, как в замедленном кино,— сообщил он, высоко задрав ногу и ухмыляясь.

— Иди хоть на голове,— засмеялась Ксения.— Как дите несмышленое, правда! И смешно и обидно на тебя смотреть. Ты бы, Жанна, занялась его воспитанием, что ли...

Котеночкин вприпрыжку побежал к реке.

Жанна поправила на груди кофточку, поискала в изголовье гребешок и принялась расчесывать волосы. Черные глазки ее засверкали, как угли. Врастяжечку, нехотя она ответила:

— Мне, видишь ли, воспитывать не положено. Я в отряде рядовой товарищ. Радиометристка!

Жанна была славной дивчиной, начитанной, умной, немножко тяжеловатой по характеру, угрюмой с виду. Ксения познакомилась с ней давно: они вместе на одной машине добирались когда-то в партию. Правда, работали до последнего времени в разных отрядах. Но вот свела все же геологическая судьбина!

Откровенно говоря, Ксения никак не могла понять Жанниного увлечения беспутным, несерьезным Котеночкиным. Да он попросту шут гороховый!

«Любовь зла»,— подумала она. И, не утерпев, сказала с едкой усмешкой:

— Жанна Котеночкина — это, по-моему, неудачное сочетание. По-моему, не звучит, а?.. Вроде как Терпсихора или Муза Быкова!

Жанна сердито дернула гребень, так, что затрещали волосы, и ответила со сдержанным вызовом:

— Я с детства музыкальным слухом не отличаюсь. Для меня любая фамилия звучит. А кроме того, я могу не менять, останусь при своей, это же простая формальность.

Снаружи донеслось:

— Жанка, а ну помоги крупу промыть!

— Бегу! — крикнула девушка, хватая впопыхах полотенце.— Я ведь еще не умывалась.

Глядя ей вслед, Ксения медленно, с недоумением покачала головой. «Да, любовь зла,— вновь подумала она.— А что же Мамонов до сих пор дрыхнет?»

Но Мамонов, четвертый обитатель палатки, не спал. Он сидел в мешке, до пояса обнаженный, и почесывал взлохмаченную голову. Заметив взгляд Ксении, прокашлялся и сказал сонным баском:

— Вы бы вышли, товарищ начальник, отсюда. Поскольку я парень стеснительный и вот... некоторым образом голый. Встать бы мне надо.

— Давно бы надо,— сказала Ксения и вышла.

Ей вспомнились слова начальника партии, что люди, мол, в отряде хорошие, в беде помогут, «с ними не пропадете». Вот они, люди, вот они, помощнички! Нет, Ксения брать греха на душу не хотела: отряд все-таки работал, и ей все-таки подчинялись, но как?.. Уметь бы разгадывать людей, что каждый из них представляет, чего добивается, к чему стремится! Но это уже талант особого рода. Нет такого таланта у Ксении! Не учили ее этому...

Она мельком взглянула на стремглав промчавшегося к реке Сашу Мамонова. Худой он до невозможности. Жилистый. И высокий, настоящая каланча... Лицо костистое, и кости туго обтянуты веснушчатой кожей. Надо же быть таким непривлекательным! Вот глаза только светло-зеленые, ясные. Он их всегда прищуривает, взглянет — будто ударит.

Он сильный. Рассказывают, в партии наперегонки с лошадьми бегал. А здесь, в тайге, на подходе к лагерю, как рванет, бывало,— все комары тучей сзади остаются. Хохочет: «Не тащить же такую радость в палатку!»

«Да, гнус,— вяло подумалось Ксении.— Душит, проклятый!» Она опустила на лицо противокомарную сетку.

Завтракая, обжигаясь борщом, сваренным из сушеной капусты и мороженого, сладковатого картофеля, Ксения размышляла над тем, пришлет ли начальник обещанную помощь. Лошади нужны позарез! Потому что без транспорта в дальний маршрут не сунешься. Палатку на себе не потащишь, а кроме того, лопаты, кирко-мотыги, промывочные лотки... Людн отряду нужны, рабочих мало.

Пока что отряд обследовал ближние от лагеря притоки, мшистые, говорливые, неугомонные, буравящие мерзлоту. Притоки выносили с водораздела золотые крупицы, правда, редко, но алмазов, ради которых велись поиски в тайге, не было вовсе.

2

Солнце ушло к горизонту и уже задело краем частокол жиденького сухостоя, когда отряд возвратился в лагерь. Неистовствовали комары.

В палатке их было тоже полно.

— Дымокур надо развести,— пробормотал Мамонов, сбрасывая с сутулых плеч рюкзак, набитый камнями и мешочками с песком.— Котеночкин, тащи моху, который повлажней...

Ксения поморщилась. Она терпеть не могла дымокуров. В дыму задохнешься, а комаров до конца все равно не выгонишь. Потом кашляй всю ночь и глаз не открывай...

— Шел бы ты, Саша, со своим дымокуром подальше,— сказала она нехотя.

— Ого! — засмеялся Мамонов.— А дымокур я все-таки разведу. Загрызут же!

Он разворошил принесенный Котеночкиным мох, сунул туда сухих прутиков, чиркнул спичкой... Дым повалил ядовитый — белесый и желто-зеленый... Спасаясь от удушья, Ксения выбралась наружу, жадно глотнула чистого, холодного воздуха. И тотчас начала выплевывать комаров.

Зайдя через полчаса в палатку, она сразу, кое-как раздевшись, юркнула в спальный мешок, разгребла мох поблизости и ткнулась в него носом. Дым все равно просачивался. Ксения приподняла край палатки и высунула нос наружу. Но комары почуяли лакомый кусочек — и пришлось носу убраться восвояси.

Ксения сердито закуталась с головой, но вдруг ее слуха коснулись топот и чья-то речь. Кто-то там, в тайге, напевал, чеканя слоги:

Бе-са-ме му-чо!..
Без се-мьи луч-ше-е!..

— К нам,— пробормотала спросонок Жанна и толкнула Котеночкина.— Вась, встань, посмотри...

Но встать он не успел. Полог палатки небрежно отдернули в сторону, луч жужжащего фонарика прободал темноту, и пришелец, выпрямившись, с веселой хрипотцой сказал:

— В сплошном дыму, в развороченном бурей быте!.. Принимайте гостей! Благородный идальго дон Игорь Дудкин и его верный оруженосец каюр Анисим Объедкин. С ними два чесоточных оленя, а в тороках хлеб, селедка и пол-литра чистого спирта! — Сделав широкий хлебосольный жест, он крикнул: — Объедкин, тащи! Музыка, туш! Сии подаяния, как вы, верно, догадались, перепали вам от великих щедрот начальника партии. И можете принять их по накладной. Я человек честный и документы привык уважать. Поэтому спирт доставлен сполна! Остальное не так существенно.

В палатку втиснулся Объедкин — грузный, одышливый толстячок. Ксения зажгла «летучую мышь» и рассмотрела его как следует. Он был кривой на один глаз. А парень стоял в тени, и лица его не было видно.

Но вот он швырнул в угол рюкзак, положил на него красивую, как игрушка, малокалиберную винтовку с оптическим прицелом и вошел в полосу света.

— Уф! — сказал он, дернув книзу блестящую «молнию» меховой тужурки.— Жарко у вас.

«А он ничего себе,— подумала Ксения, и сердцу на минуту стало зябко и тревожно.— Видный».

Ребята тем временем затеяли полночный пир. Правда, Ксения всего спирта не отдала: мало что может случиться в тайге! — и выделенную для пиршества часть Мамонов развел речной водой пожиже.

Выпили. Закусили селедкой, она была рудая, «ожелезненная» какая-то, а от искрошившегося черствого хлеба разило оленьим потом. Но даже обычно разборчивая в еде Жанна, завороженно глядя на Дудкина, жевала все подряд.

Он поведал о самоновейших событиях, происшедших в штабе экспедиции, в том дальнем, благоустроенном поселке на берегу Вилюя, который геологи благоговейно величали «градом стольным»... Новостей было много, целый ворох, и даже толстокожий, ничем, по мнению Ксении, не интересующийся Мамонов снисходительно внимал рассказу гостя. Однако он не утерпел и шепнул Котеночкину:

— А какие у него усики-щекотунчики! Вот бы и нам отпустить! За нами девки гужом бегали бы.

Котеночкин прыснул в кулак.

— Гужом, гужом, да мимо! — проговорил он сквозь смех.— Куда уж нам, Сашок, с нашими физиями!

А Жанна поудобнее уселась в спальном мешке и ткнулась подбородком в подставленные кулачки.

— Скажите, пожалуйста, Игорь,— ничего, что я вас так называю? — скажите, где вы раньше работали? Мне знакомо ваше лицо.

— Да в экспедиции же,— охотно сообщил Дудкин, рассматривая опорожненный стакан на свет.— От орса работал. Заведующим столовой...

Для всех это было несколько неожиданно. Котеночкин переглянулся с Мамоновым, а Жанна — с Ксенией. Только Объедкин сохранял полную невозмутимость, сонно клюя носом.

— Ах, так...— протянула Жанна.— То-то я вас там и видела. Помню, помню. Еще в вас все девушки конторские поголовно были влюблены. И поголовно все незамужние геологини. Да, да, вы там щеголяли — труп налево, труп направо!..

Все засмеялись, засмеялся и Дудкин.

— Ну, щеголял... Придумали! Я же не виноват, что они...

Ксения нерешительно осведомилась:

— А почему вы ушли из столовой? Ведь здесь, в тайге, с непривычки...

— Я вас понял,— кивнул Дудкин.— Я сознаю, что трудности. Но я учел, я знаю себя... А из столовой меня попросили.— Он замялся.— Был такой казус. Обедал как-то главный инженер экспедиции. Ну, персона... Персона грата! У него звания, степени. И вот показалось ему, что мух в столовой много. «Послушайте,— говорит,— у вас в столовой столько мух! Они прямо бьются в лицо! И не исключена возможность, что какая-нибудь из них свалится мне в тарелку. Нет, нет, вы что-то должны предпринять!» Они все, эти большие инженеры, немножко странные, немножко не от мира сего... Греха не утаю: мухи действительно летали, вывести их всех просто не представлялось возможным. И что мне было отвечать этому брюзгливому чистюле? Я улыбнулся и сказал: «Да, да, товарищ инженер, мною уже дано распоряжение: вызвана авиация — самолеты, вертолеты. Произведем опыление...»

Дудкин говорил о превратностях своей судьбы спокойно и незлобиво, снисходительно над собой посмеиваясь, но не упуская случая оттенить смешные стороны и у тех людей, с которыми он прежде сталкивался. Он никого не обвинял, может быть, сознавая и свои провинности. Ксении это понравилось.

И только неугомонный Саша Мамонов, укладываясь спать, нарочито громко сказал:

— Красавец писаный, а?.. Даже неприятно. Как женщина...

— Признайся, это ты от зависти, конопатый,— уколола его Жанна.— Уродись я такой конопатой, с горя бы повесилась.

Мамонов смолк, будто захлебнулся, но, на беду, его слова услышал и гость.

— Досадно, приятель,— необидчиво сказал он,— что вы смешиваете избыток доброты на физиономии закоренелого бабника с банальной женственностью.

Его слова не показались девушкам ни слишком вульгарными, ни кичливыми. Дудкин попытался отвести от себя издевку. Попытался свести ее к грубоватой шутке. Это же ясно! И никакой он не бабник!

Мамонов был бит по всем статьям. Он притих. Да и вообще надо было спать. Предстоял день, полный труда и хлопот.

3

День начался, как обычно: с умывания в реке, с пререкательств Ксении и Котеночкина, с какой-то непутевой истории, рассказанной Мамоновым.

Дудкин сидел на пеньке и старательно пришивал к брезентовому пиджаку пуговицы. Рыжеватым облаком кружились над ним комары.

— Ест вас гнус? — участливо спросила, подходя, Ксения.

— Да. Едят меня мухи,— в тон ей шутливо ответил парень, не успевая отмахиваться.— Но у меня есть накомарник. Вот...

Он вынул из кармана какое-то кружевное изделие. Ячея в сетке была слишком велика, и напяливать такой накомарник на голову не имело смысла.

— Это вам, очевидно, какая-то штабная поклонница сшила. Они там смутно представляют, что такое гнус.

— Нет, почему же?..— Дудкин смутился и покраснел.

Краснел он, как девочка: покрывался румянцем весь, и даже мочки ушей пунцово пламенели, и даже руки...

Мамонов критически пощупал накомарник.

— Это у тебя сетка не от комаров,— сказал он холодно,—а от африканской мухи цеце. На, возьми мою. Я себе еще сработаю, у меня есть кисея.

У Ксении от удивления глаза стали круглыми: скажите, на какое самопожертвование способен Мамонов! Она пожала плечами и, ничего не говоря, отошла.

Собственно, можно было уже и в путь-дорогу выходить, да вот Котеночкин, как всегда некстати, решил побриться. Будто ему на свидание! Будто он не может побриться после маршрута!

У Ксении накипало раздражение. Она уже готова была обрушить на голову Котеночкина громы и молнии, как вдруг из тайги донесся непонятный слабый треск. Ксения недоуменно оглянулась. Что за странные звуки? Что-то гудит, потрескивает...

Внезапно Котеночкин выбросил вперед руку с безопасной бритвой и повернул к девушке намыленную щеку. В наивных его глазах отразился испуг.

— Пожар! — крикнул он не своим голосом.— Наши продукты!

А на взгорке, среди сквозной таежной чащи, сухой, как солома, уже бушевало оранжевое пламя и мельтешили черные, копотные блики.

У Ксении оборвалось сердце.

— Хватай ведра! — сразу охрипнув, сказала она.

— Где наши лопаты? Окопать надо,— суетился подле палатки Мамонов.

Все устремились к очагу огня.

Спотыкаясь и падая, расплескивая из ведра воду, Ксения бежала и думала о том, что черт с ними, с продуктами, удалось бы только предотвратить таежный пал. Все сожрет неуемный огонь: и палатку, и приборы, и документацию... Но и без продуктов как обойтись? Не скоро ведь доставят! Угораздило же их устроить склад именно на том взгорке! Откуда там взялся огонь? Кто виноват?

Но размышлять обо всем этом было некогда. Огонь, охватив с десяток высоких лиственниц, гудел ровно и мощно, как в доменной печи. С шипением и свистом разлетались угли и горящие сучья. Тлел и дымился мох. Расплавленная синька неба дрожала и плыла, проливаясь на головы людей жидким обжигающим стеклом. Сухое пламя опаляло лицо, пыхало перед глазами пронзительной желтизной и пороховой зеленью.

Кашляя и отплевываясь, закрывая рукавами лица, девушки тщетно выплескивали воду в громокипящую пучину. Пламя уже слизало угол брезента, которым были накрыты ящики с консервами и мешки.

— Руби лес, ребята! — страшно крикнул Мамонов, сверкая глазами.— Иначе хана! Где Котеночкин?..

А Котеночкин, как ни в чем не бывало, добривал щеку.

— Я счас,— сказал он, когда к нему подбежала Ксения.— Мне только мыло смыть.

Ксения размахнулась и выплеснула ему в лицо ведро воды.

— На! Уже смыто! — Она дрожала от злости и готова была растерзать его.— Где твой топор?

Мимо, шумно дыша, пробежала черная Жанна.

— Так ему и надо! — одобрила она злорадно.— Нашел время красоту наводить!

Тонкие подрубленные лиственницы падали в чудовищный костер одна на одну, кружком... И костер, беснуясь и треща, швыряя клубы едкого дыма, догорал на корню, не в силах переметнуться за черту вырубленного леса.

— Вот теперь его можно водичкой,— выпрямившись, сказал Мамонов изнеможенно и счастливо; он похлопал Дудкина по плечу.— А ты, брат, крепкий! Завзятый. Не подкачал!

Тот повернул к нему закопченное, пылающее лицо, покрытое волдырями. Над лбом спиральками вились обгоревшие рыжевато-золотистые волосы.

— Если спокойно смотреть, сами сгорели бы,— пожал он плечами.— Куда деваться? Ожоги вот только... Все лицо в ожогах.

Мамонов отвернулся, проследил взглядом за Ксенией.

— Ну, это пара пустяков,— по-свойски сказал он.— Девиц у нас хватает. Налепят примочек.— Подумав, добавил: — Сгореть-то мы не сгорели бы. Прижало бы нас к реке. По крайности, забрались бы мы в воду. А вот продукты наши, кажется, дуба дали. Дело пахнет керосином!

После того, как пожар окончательно затушили, Ксения проверила продукты. Мешки с сухарями и крупами сгорели. Много обгорело сахару... Стеклянные банки с консервами превратились в крошево, но металлических огонь не осилил. В общем, кое-что при желании можно было наскрести.

— Н-да-а,— процедил сквозь зубы Мамонов.— Будем жрать подогретую тушенку без хлеба.

— Хотела бы я знать, кто тут курил,— чуть не плача, проговорила Ксения; губы у нее дергались.— Сколько вреда, сколько беды!.. Как же мы теперь?..

Дудкин потер слезящиеся глаза.

— Тут никто, я полагаю, не курил. Объедкин утром дымокур для оленей развел.

— Вот циклоп одноглазый! — вырвалось у Мамонова.— Вот прислали на нашу голову!

Ксения вздохнула: что с него возьмешь, с Объедкина! Даже отчитывать его не хотелось.

— Извиняйте, барышня...— покорно сказал старик.— Будто и залил, а он гляди, куда вышел, огонь... Дымокур-то в стороне был, а это мох, стало быть, в нутре тлел, тлел...

Ксения бессильно отмахнулась.

— Не надо, дед... Не надо оправдываться. Нам от этого не легче.— Она рассеянно потрогала банку и отдернула руку.—Жжет, сволочь... Ну, давайте рассортируем, что ли... Какой уж сегодня маршрут! Пропал день!

Мамонов огорченно потряс головой.

— День пропал — не беда. А вот как нам продукты доставят? Вода упала, перекаты везде повыпирали... Мы теперь, как в мышеловке!

— Не паникуй! — оборвала его Ксения.— Кричать караул еще рано.

Получив приказание возглавить отряд, она разузнала на складе, какие продукты заброшены в тайгу. Пожалела, что нет муки... Кладовщик развел руками: вышла!.. Даже пекарня в партии не работает: муки в обрез, для детишек только. Ксения пошла к начальнику. Она, разумеется, не собиралась отнимать муку у детишек, которых на базе развелось порядком. Но лишний раз напомнить начальнику о муке не мешало. И он пообещал ей, что как только из экспедиции пригонят баржи, тотчас распорядится забросить в отряд муку.

Очевидно, муки в партии еще не было,— вот даже Дудкин привез обломок черствого, месячной давности хлеба.

Ксения нет-нет да и наблюдала украдкой за Игорем. Он ей нравился. Было в нем, правда, что-то хрупкое, но внешность может и обмануть. Он, наверное, спортсмен, гимнаст. Гимнасты всегда тонкие, сухощавые.

Ведь вот с огнем он сражался и ловко и бесстрашно. Надо смазать ему чем-то волдыри. Мамонова, того не жалко: кожа у него дубленая. А за Котеночкиным есть кому ухаживать...

К ночи от переживаний, дум и забот у Ксении разболелась голова, пришлось глотать пирамидон. Таблетки помогали плохо, она долго ворочалась в мешке. Но, заснув, проснулась не скоро.

За стенками палатки Мамонов говорил кому-то возмущенно:

— Прислали вот циклопа одноглазого и оленей в коросте! И покоряй «белые пятна», ищи алмазы! На кой черт мне такая музыка?

«Какой он все-таки грубый и бессовестный! — расстроилась Ксения.— Ведь говорит человеку пакости прямо в глаза и не краснеет. Объедкин — инвалид, а он, поди ж ты, еще и оскорбляет его!»

Она встала, протерла слюной глаза и, прихватив шпильками волосы, вышла из палатки.

Навьюченные олени терлись о деревья.

Все, оказывается, уже позавтракали, и только Объедкин, надув щеки, как Гаргантюа, не спеша тянул из кружки густой чай.

Ксения всполошилась и побежала умываться. А вверху, у палатки, продолжал бушевать Мамонов. Он все донимал Объедкина:

— Эти мне каюры! Прежде чем идти оленей ловить, чай пьют. Оленей поймают — опять чай. И навьючат — чаюют. И вообще, спросил бы я нашего начальника, — он повернулся к проходившей Ксении, — спросил бы я, зачем нам эти олени в коросте нужны. Заразы набраться? Рабочему лошадь нужна. Без нее в тайгу он не ходок, вот уж как вы себе хотите!

В душе Ксения была согласна с Мамоновым. Особого доверия к оленям она не испытывала. Ей уже случалось ездить на них. Олень обязательно завезет в какой-нибудь куст и свалит либо прет прямо на деревья, обдирая седоку бока. Но ведь нет лошадей! Нет их и на базе. Все в разгоне. В других отрядах. Значит, на те отряды больше надежды, на них главный упор... Надо работать, пока хватает сил, используя в полную меру то, что, как говорится, бог послал.

Она ничего не сказала Мамонову. Бесполезно читать ему мораль. Он в этом смысле непробиваемый.

Но вдруг заговорил Дудкин, тихо, даже ласково:

— Вот кричим мы, приятель, что денег нам иной раз вовремя не заплатили, а иной раз продукты не те дали, лошадей нет, того, другого, третьего... Все требуем, все шумим! Чуть что — претензии. И это очень грустно, приятель! И сразу видно, что мы вроде поденщиков, люди в тайге случайные: урвем кусок — и прочь... Нам не важны интересы дела...

ХОЗЯЙКА БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

В конце апреля — начале мая 1945 года я, в то время военный корреспондент «Правды», был в Берлине. У Бранденбургских ворот, недалеко от рейхстага, стояла девушка-регулировщица. Военные часто обращались к ней с вопросами, с шутками.

— Эй, хозяйка Бранденбургских ворот! Как проехать туда-то?

Я сфотографировал девушку, и мы разговорились.

— Откуда родом?

— Из села Черниговки, Запорожской области. Вот кончится война, и хорошо бы, товарищ корреспондент, снимок получить на память, как я тут командовала движением,— сказала она, улыбаясь.

Но тогда война еще не кончилась, множество дел захлестнуло меня, и я, каюсь, забыл об этой девушке. Да и блокнот с ее адресом и фамилией утерял, ведь на войне мне приходилось делать тысячи снимков.

...Прошло 14 лет. В День победы, 9 мая, «Огонек» опубликовал несколько моих снимков времен Отечественной войны, в том числе и «хозяйку Бранденбургских ворот».

И вот вскоре после выхода журнала в редакцию пришло от нее письмо. А еще через несколько дней, будучи в командировке в городе Сталино, я разыскал Лидию Андреевну Спивак-Овчаренко. После войны она стала студенткой, вышла замуж, а затем, окончив педагогический институт, получила диплом учительницы. Дочь Лидии Андреевны Лариса учится сейчас в 5-м классе, сын Саша скоро пойдет в первый.

Дети Лидии Андреевны находились в пионерлагере, и мне удалось сфотографировать ее только с мужем С. Ф. Овчаренко, деканом физико-математического факультета Сталинского педагогического института.

Яков РЮМКИН

Лидия Андреевна и Сергей Федорович Овчаренко.

Мамонов посмотрел на Игоря сбычившись.

— А тебе, значит, они важны? А мне, значит, нет?.. Я, значит, человек в тайге случайный?

— Ну что ты заладил, «значит, значит»?..— отмахнулся Дудкин. — Я не о себе или о тебе речь завел. Я говорю вообще... Я могу привести убедительный пример. Возьмем Обручева в молодости. Ты слыхал, надеюсь, о нем?

Котеночкин запоздало хохотнул, а Мамонов никак не отреагировал на вопрос: быть может, он и не знал, кто такой Обручев.

— Ну, так вот... Обручев коня на свои деньги покупал, проводнику платил, молоток геологический, и тот не даром ему достался. И ходил он в тайгу сам. За ним, представь, не летели самолеты, пароходы не доставляли ему продовольствия! Но он шел, а потом месяцами расплачивался с долгами. Вот это энтузиаст! И вот кто по праву может называться настоящим геологом — не из каких-то меркантильных соображений, а по призванию!

Мамонов выслушал эту тираду терпеливо, не дрогнув бровью и не изменившись в лице. Потом беспечно отозвался:

— Ну, так он же геолог по призванию и образованию, а я работяга. Мне подавай гроши и харчи хорошие. Моя философия нехитрая. Разжевывать не надо.

Ксения хотела что-то сказать, но не решилась. Одно ей показалось отрадным: появился этот Дудкин, и как-то сразу стало яснее вокруг. Она почувствовала себя и крепче и уверенней. Есть на кого опереться.

— Вот что, — сказала она, доедая горелый сухарь с тушенкой,— берите-ка, ребята, рюкзаки. Хватит уж вам! Пойдем, наверно.

4

Растянувшись цепочкой, отряд вышел на еле приметную во мхах тропинку. Сзади понуро брели два оленя и переваливался на коротких ногах, обутых в меховые ичиги, каюр Объедкин.

Нижние ветви лиственниц и стволы обросли бурым мхом, свисающим, как бороды, и эти бороды нещадно рвали накомарники. В накомарниках было душно, и мир сквозь черную кисею казался убогим и недужным, лишенным сияния, и красок, и свежести воздуха, и небо нависало бесцветное, крохотное, с овчинку...

Ксения подняла сетку, приладила ее сверху на поля соломенной шляпы и наконец вздохнула посвободнее, глубоко и радостно. Небо рванулось навстречу глазам, размашистое и бездонное, мхи разметались привольно, мягко, в них утопали ноги, как в дорогих коврах. Летала сухая шелковистая пряжа паутины и щекотно касалась разгоряченной кожи.

Цвели беспомощные анютины глазки, испятнал кусты розовый накрап бутонов шиповника, волшебно пахло смолой и соками. Пахло жизнью!

Но гнус — эти кровожадные рыжие комары, эта махонькая блестящая мошка, эти огромные пауты, кусающие с налета! Гнус проникал в нос, в гортань, он уже затмил небо, и не хотелось смотреть на буйно расцвеченные мхи. В воздухе звучала хорошо организованная, бессмысленная и тоскливая мелодия, выводимая мощным хором пискливых, тонких и даже басовитых голосков.

Приуныв, Дудкин запел с видом бывалого, много пережившего геолога:

Нас кормят наши ноги верные,
Мы все ревматики, наверное,
А голова для накомарника,
Должно быть, только нам дана...

Ксения усмехнулась, прихлопнула комара на щеке и вновь опустила сетку.

Отряд вышел к высоченной гряде известняков, сверху черных, изукрашенных потеками, посередине серых и внизу, у самой воды, розовых.

— Внизу известняки кембрийские,— пояснила Ксения.— Вверху юрские. Любопытно! А вдруг эта толща известняков не немая? А вдруг мы обнаружим в ней фауну? Трилобитов, например? Может быть, это кое-что объяснит.

Дудкин поднял плоский, вроде блина, известняк и спросил:

— А что такое трилобит?

Ксения не успела ответить.

— Первая тварь на земле, — отвернувшись, с неудовольствием пояснил Мамонов.— Надо бы знать. Обручева знаешь, а трилобитов не слыхал. Вот ищи, его можно найти в известняках кембрия. Он такой... с рожками.

Так, походя, фауну нелегко было обнаружить. Ее и не обнаружили. А гряду плечом не опрокинуть. Прошли дальше и остановились у ручья с крутой излучиной. Дно в ручье было светлое, сплошь вымощенное мелкими камешками.

Мамонов и Котеночкин полезли с лотками в воду. Жанна открыла кожаный футляр своего радиометрического прибора, готовясь «прощупать» окрестности «на уран», а Ксения по обыкновению что-то записывала. И только через несколько минут хватилась Дудкина. Он исчез.

— Он остался там, у известняков, — догадался Мамонов.— Рогатых трилобитов, дурак, ищет!

— Не смей так говорить! — крикнула, не сдержавшись, Ксения.

— Ну, пожалста,— согласился Мамонов. — Я против него ничего не имею. Только ни фига он в нашем деле не смыслит. Я что? Я ничего...

— Ты ничего... — успокаиваясь, проговорила Ксения.— Ты всегда ничего.

Стали кричать хором. Наконец, к общей радости, Дудкин откликнулся. Вскоре он вышел к излучине.

— Еле догнал вас,— сказал он, запыхавшись. — Не хотел бы я остаться один, не зная броду...

Медленно вращая в руках лоток, чтобы удалить с водой крупную гальку, Мамонов неодобрительно заметил:

— Да, бывает, что здешние медведи скальпируют людей. Они злые. Мы прошлым летом оставили парня, рабочего, в тайге. Денька на два, поберечь продукты от зверя. Так он повалил вокруг себя огромные деревья, обложился кострами, чуть тайгу не поджег, вроде как у нас Объедкин. И все время кричал...

М И большой

Детвора Литвы со школьной скамьи слышит о красоте своих рек и лесов; узнает сказки, связанные со столетними деревьями, причудливыми песчаными дюнами, лебедиными озерами; учится понимать, какую пользу может принести правильная эксплуатация богатств природы: торфа, леса, рыбы, зверя. В школах Литвы есть специальные уроки — природа родной земли. Ученики собирают лекарственные травы, делают скворечники, зимой ставят в лесу кормушки для зверей и птиц. С детства воспитанный так, человек уже не сломает дерево, не убьет редкого зверя.

В Литве создан Комитет охраны природы при Совете Министров республики. Он не только обеспечивает защиту рек, озер, лесов, но и ведет большую воспитательную работу. Возглавляет его Винторас Бергес.

— То есть как это кричал? — насторожившись, тихо спросил Дудкин.

— Ну как!.. Обыкновенно. Благим матом, — пояснил Мамонов. — Потом отряд там проходил чужой, не наш, ну, его и подобрали чуть живого с перепугу. Слаб в коленках оказался.

Все притихли. Ксения через силу официально вымолвила:

— Попрошу вас больше не отставать, Игорь. В тайге шутки плохи. И вам худо будет и нам не мед... Напомните мне в лагере, — на всякий случай я вам дам компас.

В последующие дни Дудкину пришлось-таки худо, но не потому, что он отстал или заблудился. Нет, он уже старался не отставать, он просто натер с непривычки ноги.

Стали чаще делать привалы.

Ксения бинтовала ему ноги, и у нее это получалось неплохо, как у заправской сестры милосердия. Если бы она смогла, то и рюкзак понесла бы за Дудкина. Ведь она видела, как уставал парень!

Но странное дело, его почему-то мало кусали комары. Он совсем от них не отмахивался и почти не носил накомарника, подаренного ему Мамоновым. Только, отмывая шлихи, царапал ногтями мокрые руки. Вот рук комары не жалели!

Ксения ему посоветовала:

— Вы опускайте рукава в воду, когда отмываете шлих. Все не так будут жалить...

Дудкин внял доброму совету и заметно повеселел.

Мамонов строил предположения:

— У тебя, наверно, состав крови не тот. Не подходящий для комаров. Или ты чем другим питаешься.

— Да, — дружелюбно отвечал Дудкин. — Марципанами...

— Эх, — вздохнул Котеночкин, — сказки сказками, а вот комар ничего не признает. А жаль! Потому что, может, какой человек больше заслуживает, чтобы его комары грызли, а какой вовсе не заслуживает!

Но Ксения радовалась: не боится Дудкин комаров — и отлично! Они все-таки едят его поедом, но он старается не показывать вида.

Ксения поймала себя на том, что ждет, может быть, случайных взглядов Игоря. Ей хотелось говорить с ним, сидеть рядом, она испытывала смутное волнение, когда брала у него горелый сухарь, кружку чая...

Однажды она шла с Дудкиным по берегу ручья. Ручей ворчливо напевал: трруp-рю-рю, трур-рю-рю... Жара обессиливала. Пот заливал глаза. Хотелось пить. Зной сморил даже комаров.

Дудкин вдруг упал на колени и потянулся пересохшим ртом к воде — холодной, как лед.

Ксения поспешно придержала его за плечо.

— Что вы, Игорь!.. В маршруте пить нельзя. Потом мы ведь не знаем, какая тут вода. Вот выпьем скоро чаю. Встаньте!

Не поднимаясь с колен, Дудкин смотрел на девушку снизу вверх. У него был такой взгляд, что Ксения невольно убрала руку с его плеча.

— Не надо, — сказала она неизвестно к чему. — Встаньте!

— У вас солнышко, — сказал Игорь.

— Какое солнышко? Где?

— Вот, около шеи. Ну, божья коровка. Это на Украине дети называют ее «сонэчком». Я почему-то запомнил...

Ксения медленно, как-то ни о чем не думая, тоже опустилась на колени.

— Ах, вы о божьей коровке! Их в здешних краях, по-моему, нету. Это брошь.

— Ну-у?.. — удивился Игорь. — А сделана искусно. Махонькая. И не подумаешь.

Они, не сговариваясь, вскарабкались повыше, на сухой бережок.

— А скажите, Ксения, — спросил Дудкин, запнувшись, — можно ли вот так, случайно, найти здесь крупный алмаз? Ну, очень крупный, каратов десять, двадцать, а то и все сто?..

Ксения грустно усмехнулась, развела руками.

— В принципе да... Почему бы и не найти? Всякое ведь бывает. Но я сейчас мечтаю об алмазной пылинке... О такой, что и глазом не увидишь, а только в бинокуляр... Нашла бы я пылинку, а там и сто каратов я бы нашла! — Она потеребила полу пиджака, стерла с нее засохшую грязь. — Почему вы спросили?.. Зачем вам такой алмаз?

— Ну, зачем... Даже в эфесе шпаги Наполеона торчал алмаз «Регент». Слышали?

— Ну, слышала. И что же?..

— А я бы нашел — и подарил его вам! — торжествующе воскликнул Дудкин. — Алмазная брошь, например, пошла бы вам куда лучше, чем эта скромная божья коровка.

Ксения покраснела и отвернулась: ей польстили эти слова.

— У алмазов есть хозяин! Да и я не Наполеон. Мне и божья коровка сойдет...

Она уже досадовала, что где-то сзади застряли Мамонов, Котеночкин и Жанна. Разговор приобретал беспокойный оттенок, и Ксения не могла смотреть в глаза Дудкину. Она растерянно выщипывала вокруг себя мох.

— Что Наполеон! — горячо возразил Дудкин. — Вы вдвойне заслужили такую награду. Вы ищете их, алмазы... Вы рискуете жизнью! — Он добавил почти шепотом: — Вам так пошла бы алмазная брошь!

Ксения упорно продолжала выщипывать мох, и вскоре вокруг нее влажно забурела обнаженная земля и замерцала кое-где голубая наледь мерзлоты.

Она искоса взглянула на Дудкина и спросила в раздумье:

— Вам нравятся красивые вещи, да?

— Я принимаю красоту в самых разных ее проявлениях, — убежденно отозвался Дудкин, и лицо его как-то странно преобразилось: заблестели глаза, расширились ноздри. — Я когда-то поступал в художественное училище. Меня срезали на рисунке. Мне плевать на рисунок! Сезанн был плохим рисовальщиком, но это зачинатель целого направления в живописи, его имя знает мир... Он был маг. Одна черная краска под его волшебной кистью давала спектр... Да что там! Сурикова из-за рисунка поначалу даже в академию не приняли. Эти неучи! Эта бездарь! В общем, меня срезали, и я поступил в торгово-кооперативный техникум.

Ксения не знала Сезанна. Кажется, слышала мельком это имя. А в музеях и выставочных залах, в которых она бывала еще студенткой, полотна Сезанна ей не встречались. Либо она не помнила их... Но, наверное, он очень интересный художник! И ей любопытно было узнать, что знаменитого Сурикова не приняли в академию за слабый рисунок.

Ксения смотрела на Дудкина благоговейно.

— И вы бросили ваши занятия живописью?

Досадливо морщась, Дудкин смотрел на приближавшихся товарищей. Он сказал вставая:

— Нет. Я не бросил и не брошу. Может, потому-то я в тайге, чтобы вобрать в себя... ну... это небо, эту его чудодейственную глубину, чтобы ощутить, почувствовать эту тайгу, эти суетные ручейки, чтобы увидеть и познать свет алмаза, свет... ваших глаз...

Ксения вспыхнула, что-то невпопад пробормотала и долго не могла поднять лица. Не могла поднять потому, что рядом стояла Жанна и сутулый Мамонов уже грохотал чайником.

Попив чаю, отряд двинулся вверх по ручью. Дальше и дальше. В глубь тайги.

Окончание следует.

Р
радости

Каждую пятницу по литовскому радио можно услышать радиожурнал специально для любителей природы. Комитет подготавливает книги, большими тиражами выпускаются листовки, плакаты.

— Сейчас наши художники выполнили тридцать рисунков для этикеток на спичечные коробки, посвященных охране природы, — говорит Бергес. — Посмотрит на этикетку охотник или рыболов и старательней затушит в лесу костер, не выстрелит без нужды.

Не только от браконьеров и неаккуратных людей берегут природу в Литве, но и от стихий. В Акмянском районе республики сохранились остатки древнего замка Пиленай, где произошла легендарная битва литовцев с крестоносцами. За шесть столетий, минувших с тех пор, речушка Пуна изменила свое русло, подобралась к самому городищу и стала подмывать фундамент укреплений. Правительство республики отпустило средства, и сейчас Пуну возвращают в старое русло.

Заглянем в список членов Общества охраны природы республики. Вот наугад три фамилии.

Изидорюс Невиданскас. Колхозник...

Есть в колхозе «Побалтия» замечательный парк, чудо лесничества и архитектуры. Канадская ель и тис, серебристая пихта и грецкий орех — около ста пород деревьев собрано в этом парке. А посредине богатейший фруктовый сад. Сюда приезжают ученые и туристы, а создал парк своими руками пожилой колхозник Изидорюс Невиданскас, бывший рабочий лесопильного завода.

Дануте Валаткайте. Пионерка из сельской школы Пренайского района...

Зима в этом году выдалась суровая, и плохо бы пришлось в лесах диким косулям, зайцам, куропаткам, если бы на помощь к ним не пришли школьники. Среди них была Дануте. Каждое утро бежала Дануте в лес, раскладывала по кормушкам сено и специально приготовленный корм...

Эдуардас Межелайтис. Поэт, депутат Верховного Совета республики.

Это он произнес глубокую и проникновенную речь на сессии Верховного Совета республики, когда принимали закон об охране природы.

«Писатели всегда чутки к красоте природы, — сказал он. — Мы с радостью одобряем закон... Природа — это мир удивительных красок, звуков, большой радости, мир, приносящий много пользы и счастья, когда к нему относятся разумно, когда человек своими трудолюбивыми руками сберегает его... Пусть наша республика украсится не только новыми фабриками и школами, но и прекрасными деревьями, описанными в наших легендах, сказках, воспетыми в народных песнях. Пусть под нашим небом найдет приют больше белокрылых лебедей».

В. БЕЛЕЦКАЯ

Спичечные этикетки.

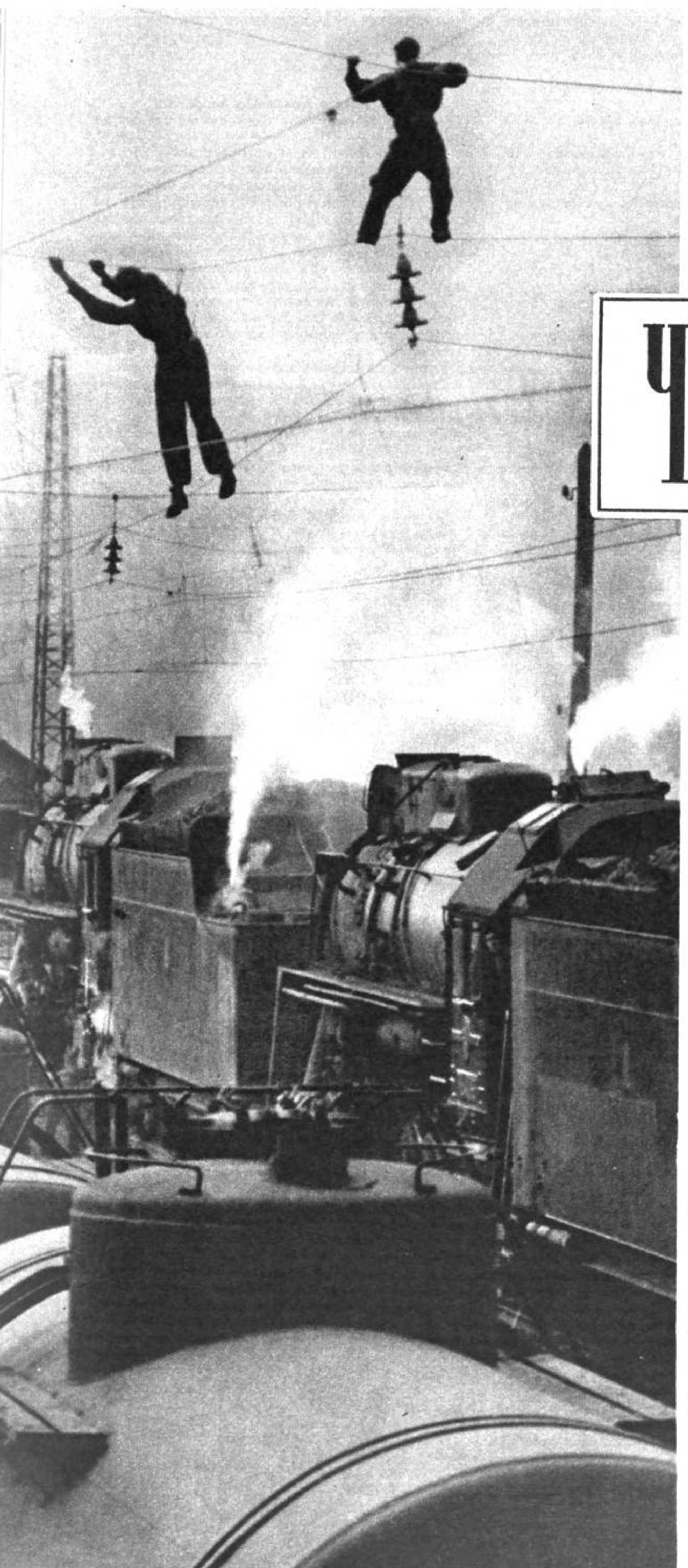
Плакат, посвященный охране природы.

Когда на перроне Северного вокзала видишь курьерский поезд «Москва — Владивосток» или «Москва — Пекин», невольно проникаешься к нему уважением. К нему и к тем людям, которые в нем поедут. Дальняя дорога предстоит им: через Волгу, Урал и всю Сибирь.

До войны на такое, самое долгое в нашей стране беспересадочное путешествие нужно было 11 суток. Железнодорожники укоротили это время до 8 суток. От Москвы до Ярославля, от Называевской до Тайги, от Черемхова до Слюдянки курьерский поезд ведет электровоз, самый быстрый и самый мощный из всех локомотивов. Если же поехать через Рязань и Куйбышев, то на этом направлении еще больше электрифицированных путей. А скоро подключатся к линиям электропередач новые участки Транссибирской магистрали. Осталось сделать меньше, чем уже сделано.

ЧЕРВОННЫЕ

На станции в Минине.

Но еще в Министерстве путей сообщения нам сказали: самый интересный отрезок, конечно,— Мариинск — Тайшет. Он будет на переменном токе.

— Постоянный или переменный? Так ли это уж существенно для пассажира? Может, он и не заметит этого.

— Смотря какой пассажир,— ответили нам.— Если он видит дальше своего кабинета, то, конечно, и заметит и оценит. Дело в том, что наша промышленность в основном работает на переменном токе. Такой ток применяется и в быту. Его удобно транспортировать на большие расстояния. Для этого нужно только изменять напряжение. Однако железнодорожный транспорт в нашей стране до сих пор питается постоянным.

— Почему же?

— Если хотите, мешал некоторый консерватизм. Ведь сколько было споров по этому поводу! Пожалуй, ни одна из проблем на транспорте не вызывала столь ожесточенных столкновений. А сегодня из объекта дебатов переменный ток стал объектом огромного строительства. На переменный ток впервые в нашей стране переводится вся Красноярская, чрезвычайно грузонапряженная магистраль.

— И что это даст?

— Посудите сами. Напряжение в контактной сети будет не три тысячи, как при постоянном токе, а двадцать пять тысяч вольт. Расход дорогостоящего медного провода сократится вдвое. Понимаете, что это значит? На каждом километре двухпутной линии экономится 4,5 тонны меди. Большие и дорогие тяговые подстанции, преобразующие переменный ток в **постоянный, превращаются в простые трансформаторные установки. Их можно строить в два раза реже и под открытым небом. А общий итог — миллионы рублей в кассе государства! Вот что такое переменный ток. Словом,** поезжайте в Красноярск. Увидите сами...

И вот мы на Енисее. По обоим берегам его, к западу и востоку, раскинулась своеобразная площадка принципиально нового, громадного по своим масштабам промышленного эксперимента. Границы этой «площадки» простираются на 800 километров. Первый участок — в 275 километров (от Клюквенной до Чернореченской) — пусковой. Многие монтажные поезда с походными мастерскими и жилыми домами-вагонами, с сотнями дрезин, тракторов и тягачей, расположились здесь словно таборами. Путейцы в некоторых местах перекладывают пути на тяжелый балласт, строители-монтажники, заарканив краном верхушки мачт, ставят их в котлованы. И вот уже на поперечинах контактной сети с мастерством эквилибристов действуют монтажники-верхолазы. В то же самое время сквозь тайгу пробираются связисты. Строители ставят тяговые подстанции, посты электроцентрализации, дома связи, готовят для электровозов бывшие паровозные задымленные депо...

На станции Енисей — штаб строительно-монтажного поезда № 277. Долго ли он будет здесь еще? Поезд завершает свой план, и его начальник К. Я. Кондаков как бы осматривается по сторонам: что же дальше? Вот понадобится ветка для Красноярской ГЭС. Очень трудные условия — в целинной тайге. Не туда ли двинуть механизированные колонны?

А пока он ездит по линии, хозяйским глазом снова и снова проверяет опоры, подробно осматривает тяговую подстанцию в Зыкове. Собственно, подстанции в старом смысле этого слова здесь нет. На ровной площадке, за оградой, возвышается мачта со шпилем молниеотвода. А вокруг нее лес металлических и железобетонных конструкций. На них электромонтажники установят разъединители, масляные выключатели... Отдельно — громады черных батарей трансформаторов.

— Вот и все,— как бы резюмирует Кондаков.— Никакого двухэтажного здания, как на линии постоянного тока. В результате стóит эта подстанция не два миллиона девятьсот пятьдесят тысяч рублей, а миллион триста двадцать тысяч. Теперь сами судите о преимуществах переменного тока! Таких еще не было подстанций,— заключает он.— Первые строим в стране.

Строители создают **своеобраз-**

ный «скелет» для переменного тока, а монтажники начиняют его «нервами» проводов автоматически действующих устройств и приборов.

Электрификаторы порой идут малохожеными тропами. И там, где они появляются, быстро меняется весь уклад жизни.

...Тихая, маленькая станция Минино. Но вот пришли сюда люди с 706-го поезда, молодой инженер Александр Романчик, его друзья и помощники. Смотришь, и пригнали сюда уже целый состав вагончиков. На специальной ветке обосновались строители. Последними прикатили нарядные серо-голубые, на резиновом ходу домики-автомобили связистов. Так население Минина за какой-нибудь год выросло во много раз.

— Окно-то, Саша, горит,— огорченно сказал он.

Мы поспешно обернулись к вагончикам, тщетно отыскивая горящее окно. Но все вагончики со своими незатейливыми ковриками на ступеньках у входа, умывальниками, детскими колясками и ванночками, телевизионными антеннами и занавесками выглядели безмятежно мирно.

— Это совсем другие окна,— улыбнулся, поймав наши взгляды, Романчик.— Мастер Анатолий Коноплев имеет в виду те полтора — два часа, которые дают нам для монтажа. Ждем мы их всегда, как манны небесной. А с «окнами» действительно плохо. Мы понимаем, что и движенцам трудно, приходится задерживать поезда.

«Вот бы сюда вертолеты!— подумали мы.— Ведь в некоторых странах они применяются и на электрификации железных дорог...»

ПРОВОДА

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото Д. Ухтомского.

Над разветвленными станционными путями повисли туго натянутые нити червонного золота.

— Видите, вон он, переменный!

Признаться, ничего особенного не было видно. Провода как провода, такие же, как и на подмосковных дорогах. И тут прораб стал объяснять. Верхний, несущий трос для постоянного тока, оказывается, на целых 25 квадратных миллиметров толще, и делается он из дорогой меди. А эти провода из дешевого биметалла. Вот они где, 4,5 тонны меди на километр, о которых нам говорили в Москве!

Беседу нашу прервал вихрастый парень.

От Минина можно проехать к связистам. Дорога то бежит по ровной, как стол, степи, обрамленной на горизонте сопками, то опускается в овраги. Кустарники сменяются лесом, он становится все гуще, все недоступнее солнцу. Внизу, под осинами и соснами, под березами и елями, горят ярко-оранжевые цветы. И вьется, звенит, жалит великое множество разной мошкары, большой и малой, вредной и безвредной. Где-то там, где стеной, закрывая собой просеку, смыкается лес, гудят тракторы.

— Вот куда забрались связисты! — замечает наш спутник, начальник колонны З. В. Чесноков. Он кряжист и седовлас, и лицо его обветрено самыми разными ветрами.— Многие работы делали, а такую впервые,— продолжает он.— Линии связи убираются с путей, на Красноярской не будет столбов с густой паутиной проводов. Связь уйдет под землю и в сторону, за сто метров от железнодорожного полотна. Почему? «Виноват» переменный ток. Благодаря своему высокому напряжению он бы вызывал помехи в линиях связи. Вот и решили прокладывать кабель со специальной, высокопрочной изоляцией.

Идет монтаж контактной сети.

Бывшие машинисты паровозов изучают схему электровоза на переменном токе.

На гусеничной тележке стоят барабаны. Один медленно раскручивается, и из него тяжелой змеей в глубокую узкую щель падает кабель. Это и есть кабелеукладчик. Тяжелый агрегат в стальной упряжке волокут восемь тракторов. Бульдозер идет следом и засыпает траншею.

На обратном пути застряли у переезда. Нефть, нефть и нефть! Нефтеналивные составы, похожие на коричневых гусениц, медленно изгибаются вокруг краснобоких сопок. Каждый состав тащат два паровоза. Старательно, изо всех сил дымя, сопя и отдуваясь, они словно жалуются, что им тяжко. Навстречу идут лес, комбайны, зеленые тракторы, сверкающие лаком автомобили. Паровозам этих составов тоже, видимо, нелегко. Потому что сцепились они по двое и идут, чуть не наступая друг другу на хвост.

— Вот так же не продохнуть было и на Томской, и на Омской, и на Южно-Уральской,— замечает наш спутник.— До тех пор, пока не перешли на электротягу. А теперь там просторней, и на путях и в воздухе красота: просматриваются дали. Почему, вы думаете, Омская вышла на одно из первых мест в Сибири? Все потому же: электрификация помогла.

И мы представили себе, как и здесь, прикоснувшись медными лыжами пантографов к червонным проводам, легко и проворно, поодиночке побегут электровозы. Они уже поступают сюда. И в Доме техники железнодорожников в Красноярске, сгрудившись у макетов и схем, машинисты паровозов сдают экзамены на машинистов электровозов, чтобы повезти нефть и лес, машины и металл, чтобы стать к контроллерам электровозов, идущих на восток.

После выступления **„ОГОНЬКА"**

«По гостиницам»

«Я часто разъезжаю и принадлежу к самой невезучей категории командировочных, которым то и дело приходится слышать:

— Вообще места есть, но для женщин нет.

А «открывать общий номер для женщины рискованно», как выражаются гостиничные работники. Они опасаются: вдруг сегодня не будет больше приезжих женщин? Что же тогда, пустовать трем или четырем кроватям? И начинаешь убеждать дежурного администратора, что женщины обязательно вот-вот приедут».

Мы процитировали полученное редакцией письмо киевлянки Л. Поздняковой. Письмо это — один из многих откликов читателей на опубликованный в № 12 журнала «Огонек» репортаж «По гостиницам».

Откликнулся на выступление «Огонька» и ряд организаций. О перспективах расширения и улучшения гостиничного хозяйства нам написали заместитель министра финансов СССР Г. Косяченко, заместитель министра коммунального хозяйства РСФСР Д. Кореневкин, член Госплана СССР П. Иванов, начальник отдела жилищно-гражданского строительства Госстроя СССР Н. Смирнов, директор Академии коммунального хозяйства РСФСР И. Иванов.

Госплан СССР и Госстрой СССР разработали предложения по развитию гостиничного хозяйства. В союзных республиках должно быть расширено новое строительство, освобождены гостиничные здания от посторонних организаций и постоянных жильцов, отведен под гостиницы ряд строящихся административных и общественных зданий, намечается использовать для приезжающих свободную жилплощадь в частных квартирах.

В ближайшее время вступят в эксплуатацию гостиницы, строительство которых развернулось до начала семилетки. Некоторые из них, например, в Краснодаре, Свердловске, Тамбове, Хабаровске, Магадане, откроются уже в нынешнем году. В 1959—1965 годах в крупных городах, кроме Москвы и Ленинграда, построят еще 212 гостиниц, которые смогут одновременно принимать более 59 тысяч человек. Всего же за семилетку страна получит гостиниц на 102 тысячи человек — потребность всех республиканских, краевых и областных центров будет удовлетворена. Номера проектируются, как правило, лишь одноместные и двухместные. В РСФСР для гостиниц разрабатывается альбом малогабаритной, удобной, изящной и в то же время недорогой мебели. Модели ее будут демонстрироваться на специальной выставке: для отбора лучших образцов.

В репортаже «Огонька» говорилось, что в ряде городов мало гостиниц, причем некоторые полностью или частично заняты не по назначению. В связи с этим нам из Перми написали: сейчас там освобождается здание, которое вновь отдадут под гостиницу на 130 мест. Из Орла сообщили: номера, арендовавшиеся в гостинице местной организацией, освобождены. Кроме того, намечено построить гостиницу на 150 мест. В Днепропетровске запроектирована гостиница на 300 мест, а одна из имеющихся расширяется на 140 мест.

Директор львовской гостиницы «Украина» Г. Гришин считает, что многие недостатки вызваны нерадивостью городских и областных исполкомов. Вот во Львове имеется семь коммунальных гостиниц да еще гостиница «Интурист». Казалось бы, достаточно. А свободные номера — редкость. Почему? Различные организации ежемесячно бронируют сотни мест для совещаний, причем зачастую по два — три таких совещания проводятся в одни и те же дни. Все пойдет иначе, если исполкомы будут лучше планировать такие совещания и строже присматриваться, все ли они нужны.

Жизнь ИСКУССТВА

НА ЭКРАНЕ ТЕЛЕВИЗОРА — ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

Центральная студия телевидения показала фильм, название которого «Загадка Н. Ф. И.» известно многим по рассказу Ираклия Андроникова. Произведения этого замечательного литературоведа и писателя хорошо знают читатели «Огонька».

Уникальный талант И. Андроникова, точнее, чудесный сплав талантов писателя, ученого-филолога и актера, нуждается именно в такой аудитории, какая собирается у телевизора: люди слышат и видят рассказчика, словно бы сидящего с ними за одним столом.

Кадр из телевизионного фильма «Загадка Н. Ф. И.». Оператор — В. Фастович, художник — В. Улитко, композитор — Н. Симонян.

И. Андроников обладает несравненным чувством юмора и удивительным даром имитатора. Исполняя свои «устные рассказы», он создает — мимикой и голосом — целую галерею образов. Мы все время слышим голос И. Андроникова, но время от времени Андроников-актер и Андроников-писатель помогают Андроникову-ученому увлечь зрителя и слушателя рассказом о его филологических исследованиях.

Режиссер «Загадки Н. Ф. И.» М. Шапиро вложил в фильм много таланта и сердца.

Опера Н. Жиганова «Джалиль» на сцене Большого театра. Постановка Б. Покровского. Андре — П. Лисициан, Джалиль — солист Казанского театра оперы и балета И. Ишбуляков.

Фото А. Батанова.

ОПЕРА О ДРУГЕ, ГЕРОЕ

Опера о Мусе Джалиле не могла быть обычной. Но какой же она должна быть? Много раз встречаясь с Назибом Жигановым, мы обсуждали ее план. Обсуждали у меня, на московской квартире, у него, в директорском кабинете Казанской консерватории, в дирижерской комнате татарского оперного театра... Создавали все новые и новые варианты, отменяли прежние. Было очевидно, что обычными, старыми приемами новое содержание передать нельзя. Вместе с тем наши фантазии о будущем спектакле могли пойти вразрез с оперным жанром, с законами оперной драматургии. В таких случаях Жиганов порой сгоряча соглашался, принимал новый план, но через некоторое время сообщал: «Не получается», «Не выходит».

Композитор Жиганов не жалел ни времени, ни труда. Все, что казалось неубедительным, фальшивым, безжалостно летело в корзину. Он искал, ждал, даже требовал помощи, с радостью хватался за каждый совет. Жиганова не страшила многоголосица этих советов, потому что он твердо знал свою конечную творческую цель. Идея произведения была не только в мыслях, но и в сердце, ведь героем оперы был его друг — друг в жизни, творчестве и в надеждах.

Вместе с поэтом Мусой Джалилем Жиганов пестовал первые ростки нового для Татарии оперного искусства. В содружестве с Джалилем написал оперу «Алтын-чеч», сыгравшую решающую роль в становлении молодого татарского музыкального театра.

О нем, своем друге, теперь писал оперу Жиганов. Ради памяти друга, героя композитор и переделывал по многу раз не только страницы и целые сцены партитуры, но, по существу, зачеркнул законченную свою оперу на эту же тему, которая называлась «Поэт» и шла в театре.

Спектакль Казанского театра «Джалиль» был показан и в республике и в Москве, на декаде татарского искусства. Были хвалебные отзывы, признание. Но Жиганов вновь работает над клавиром оперы, готовя ее к изданию...

И вот постановка в Большом театре. Вновь труд, вновь переделки, поиски...

Эти поиски композитора увенчались большим успехом. Опера волнует. Волнует зрителя, волнует исполнителей и постановщиков. Мы, работники Большого театра, с огромной радостью участвовали в создании спектакля, где воспет страстно и горячо наш современник.

Б. ПОКРОВСКИЙ,
народный артист РСФСР, главный режиссер Большого театра

В КАНУН ЮБИЛЕЯ

...Из темноты затихшего партера в луче прожектора движется шеренга веселых студентов. Звонкая песня Чаниты и ее друзей несется с просцениума в глубину зрительного зала. Вместе с шумной толпой жителей городка Сан-Лоренто мы знакомимся с героями оперетты Ю. Милютина «Поцелуй Чаниты» и ее исполнителями — артистами Ленинградской музыкальной комедии, открывшей этим спектаклем гастроли в столице.

В этом году театр празднует свое тридцатилетие. Особое внимание творческого коллектива направлено на создание спектаклей о наших сегодняшних днях. В репертуар гастролей включены произведения советских композиторов, новые для москвичей: оперетта-водевиль «Люблю-люблю» М. Табачникова, «Мост неизвестен» Е. Жарковского, «Левша» А. Новикова (по мотивам повести Лескова).

Оперетта «Только мечта» на сцене Ленинградского театра музыкальной комедии. Оскар — В. Лиликин, Долли — З. Виноградова.

Счастливого плавания!

С большим успехом показывает Московский госцирк водяную феерию «Счастливого плавания». В программе участвуют Олег Попов и Маргарита Назарова. Постановщик феерии — М. Местечкин, художник — Л. Окунь.

На снимке: выступление Маргариты Назаровой.

Фото О. Кнорринга.

Сцена из спектакля «Антоний и Клеопатра». Клеопатра — В. Шатрова, Антоний — Б. Молчанов.

Фото А. Гладштейна.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Как со старыми добрыми знакомыми, встретились москвичи с артистами Свердловского государственного драматического театра. Его знают по предыдущим гастролям, помнят превосходную галерею образов, созданных старейшими мастерами театра: народными артистами Ильиным, Токаревой, Дальской, Петипа, Буйным — и их учениками, актерами среднего поколения.

Полюбилась столичному зрителю и талантливая уральская молодежь — воспитанники театральных школ и коллективов художественной самодеятельности.

У театра большой, разнообразный репертуар.

В этот приезд коллектив показывает свои лучшие работы последних лет: инсценировку романа В. Кочетова «Братья Ершовы»; комедии местных драматургов — «Трудный характер» Е. Валова и «Размолвка» Ю. Мячина, рассказывающие об уральцах; трагедию В. Шекспира «Антоний и Клеопатра» — спектакль, получивший высокую оценку на «Уральской театральной весне»; пьесу Х. Вуолийоки «Каменное гнездо» и другие.

Гастроли в Москве — творческий экзамен всего коллектива, который свердловчане выдерживают с честью.

Л. КУРБАТОВА

Деревня Шаошань (провинция Хунань) — родина Мао Цзэ-дуна.
Фото Ван Чунь-дэ.

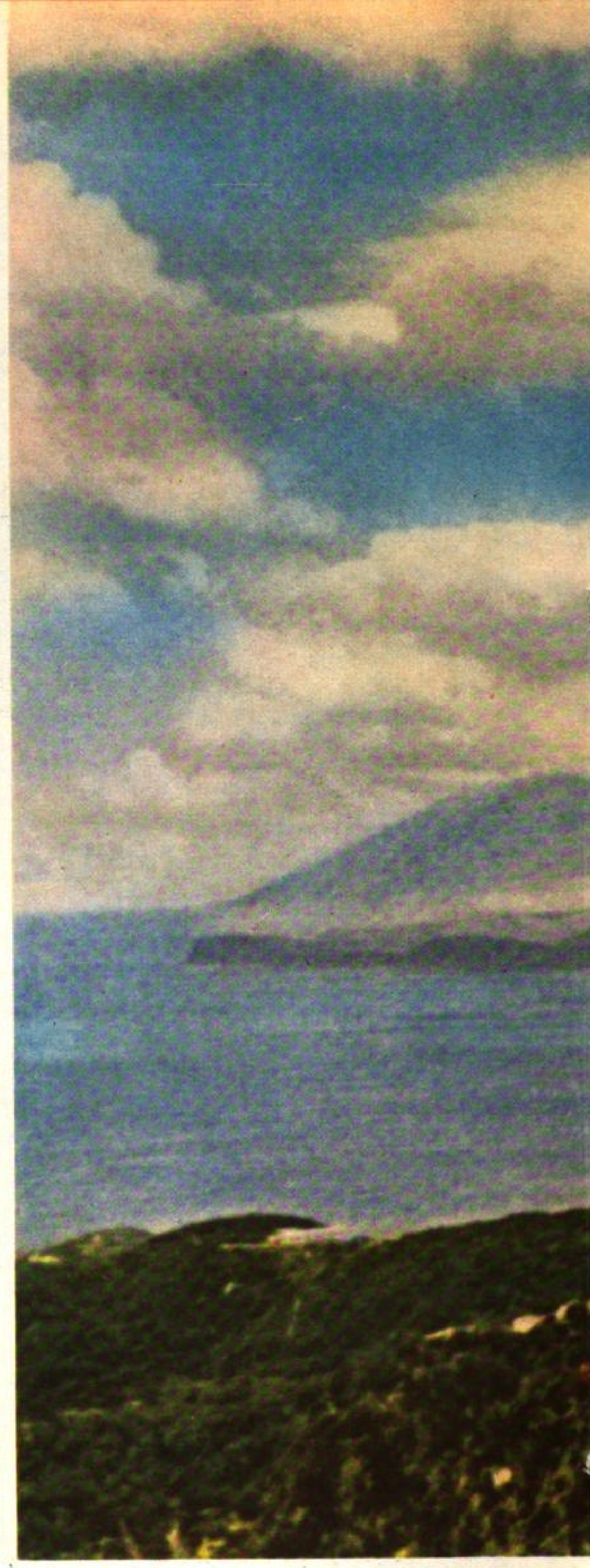
ПЕЙЗАЖИ КИТАЯ

Водохранилище Мэйшань — одно из главных гидротехнических сооружений на реке Хуайхэ. Высота этой плотины — 141 метр, протяженность — 500 метров. Здесь будет построена самая большая гидроэлектростанция в провинции Аньхой.
Фото Цзян Ци-шэня.

Набережная во Влоре.

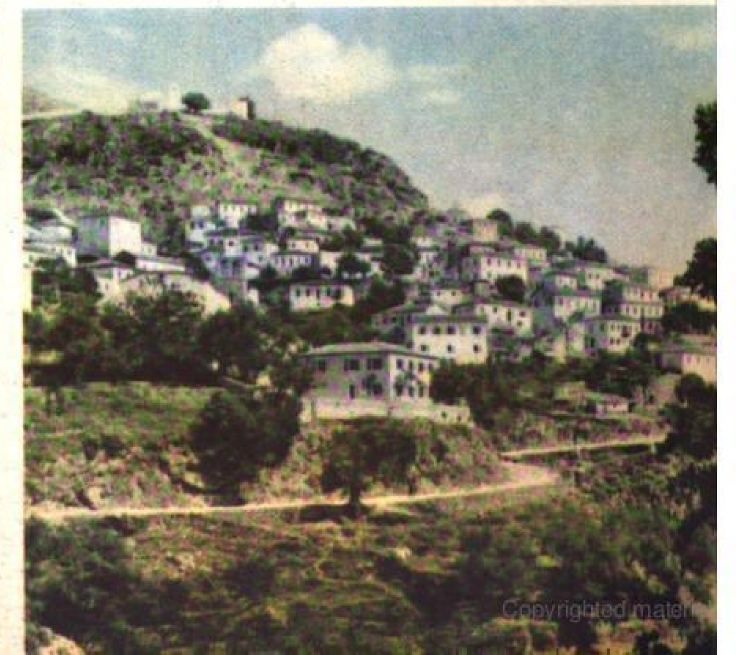
Фото А. НОВИКОВА.

В АЛБАНИИ, СТРАНЕ ГОР

Побережье Ионического моря.

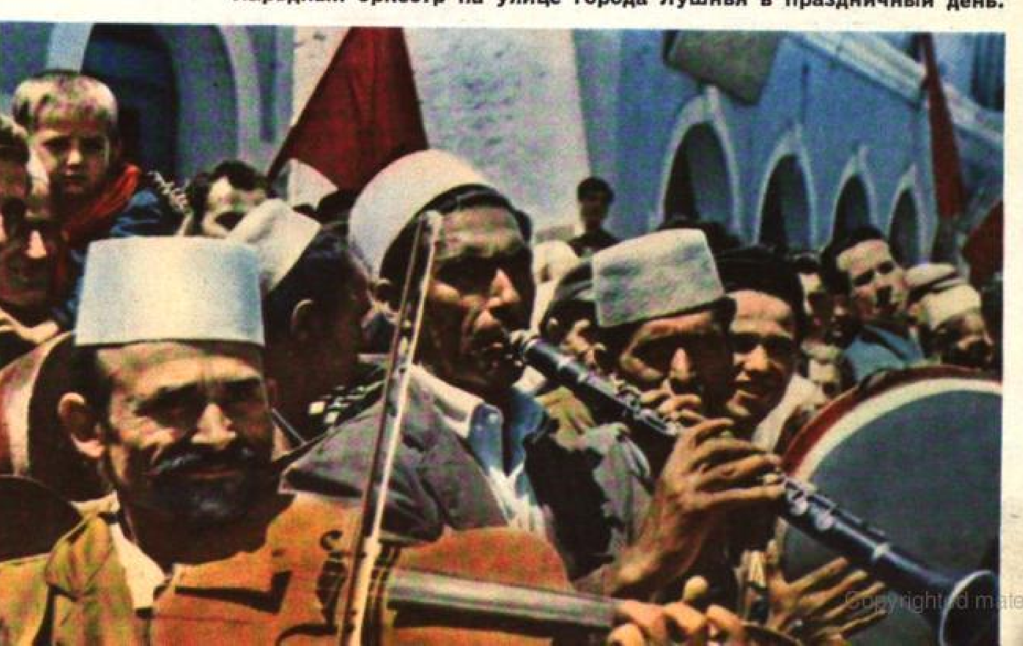
Горное

село Терми.

Крестьяне на площади Скандербега в Тиране.

Народный оркестр на улице города Лушнья в праздничный день.

Фото Галины САНЬКО и Ф. ТИМОФЕЕВА.

ЦВЕТЕНИЕ ЗЕМЛИ

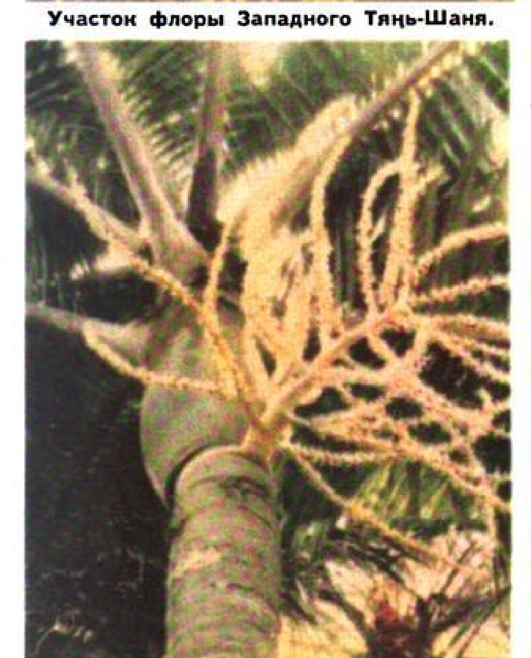
Если вы хотите вдохнуть пряный аромат тропиков, подышать кристально чистым воздухом альпийских лугов, насладиться прохладой среднерусской дубравы,— поезжайте в Останкино, в Главный ботанический сад Академии наук СССР. Все изобильное и разнообразное цветение Земли представлено здесь.

На площади в 360 гектаров — флора самых разнообразных географических зон. В обширной коллекции цветочно-декоративных многолетников собрано до 400 сортов тюльпанов, 120 сортов нарциссов, 350 сортов ирисов. В розарии — более 2 тысяч сортов роз. Да всего и не перечтешь!

Главный ботанический сад, учрежденный в Москве в связи с 220-летием Академии наук, открыт для посетителей.

На снимке вверху: на коллекционном участке пионов. Вдали — фондовая оранжерея, где собрана одна из крупнейших в Советском Союзе коллекция тропических растений.

Участок флоры Западного Тянь-Шаня.

Цветущая пальма.

← Штамбовая роза.

Виктория Амазонская.

ТУРМАЧ

Рассказ

Тихон НЕПОМНЯЩИЙ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Если вам придется ехать из Москвы в Одессу, то вскоре после того, как поезд пересечет Днепр, будет станция. Неподалеку от нее есть село Калиновка. Небольшое село: двадцать с лишним хаток под соломой. Стоят домишки в вишневых садочках над кручей у безымянной речки.

Недавно довелось мне побывать в Калиновке и услышать необыкновенную историю.

Живет в этом селе хлопчик Сашко. Весной он перешел во второй класс. Мечтал Сашко, что, когда летом мимо Калиновки будут ехать делегаты на Всемирный фестиваль в Вену и повезут голубей, отдаст он им своего голубя, чтобы его выпустили в Москве.

Голубь Сашко вернется в Калиновку, а другие через высокие горы и неоглядные моря полетят в дальние страны. Но у Сашко не было голубя, и соседский паренек подарил ему голубиное яйцо. Сашко подложил его в гнездо курицы.

Голубенок раньше, чем цыплята, появился на свет. Сашко назвал его Турмачом. Кормил Сашко голубя и вареным пшеном, и творогом, и хлебом, распаренным в молоке. За весну Турмач вырос, стал красивым голубем. Он так привык к Сашко, что смело садился ему на плечо, отзывался на его клич и никого другого признавать не хотел.

На колхозных полях, где росла свекла, Сашко вместе с одноклассниками помогал собирать жучка-долгоносика. За хорошую работу колхоз послал школьников на экскурсию в Киев. Первый раз Сашко пришлось расстаться со своим любимцем, а брать Турмача в дорогу он не рискнул, хотя и Турмач заслужил эту поездку: ведь он вместе с Сашко работал на плантации и, прыгая по рядкам свеклы, склевывал жучков.

Сашко уезжал один. Словно обидевшись, Турмач долго не хотел выходить из клетки, устроенной для него под крышей сарая. Чтобы выманить его, Сашко, вытянув губы, ворковал по-голубиному, сыпал на землю у дверей сарая зерно, а Турмач только похаживал по шестку, топал лапкой, нахохлившись, отворачивался от соблазнительно шуршащего на земле корма, но выходить не хотел. «Видно, так и не полетает на прощание»,— подумал Сашко и, подтянув новые штаны, вошел в сарай. Прикрыв за собой дверь, Сашко в потемках привычно стал шарить рукой по шестку, но взять голубя не удавалось. Наконец, поймав Турмача, прижал его к щеке, погладил бархатные перья, поцеловал в клюв и пустил его обратно в клетку.

Слава о Турмаче за весну разнеслась по окружным селам и хуторам, и не раз приходили к Сашко завзятые голубятники — и молодые и старые — полюбоваться Турмачом, а некоторые предлагали за него в обмен трех и даже пять голубей. Но разве мог Сашко променять своего любимца!

Жил в деревне Жуковке, что за речкой, одногодок Сашко — Гриц. Он раза три приезжал на велосипеде поглядеть на Турмача, слезно просил Сашко обменяться. И случилось так, что Гриц снова приехал в Калиновку как раз в то время, когда Сашко уже был в Киеве. Гриц привез с собой семь лучших своих голубей на обмен. Он застал Турмача расхаживающим по двору, долго любовался им, а потом решил выпустить своих голубей. Пусть полетают, может, заманят Турмача. Его голуби кружились над двором, заметив Турмача, садились на крышу, а Гриц, швыряя из-за плетня камни, вновь поднимал их в небо.

И вдруг вместе с ними взлетел Турмач. Когда голуби, покружившись над Калиновкой, полетели через поле и речку к себе домой, в Жуковку, с ними устремился и Турмач. Не спуская с голубей глаз, Гриц сел на велосипед и заспешил к дому. Как ни нажимал он на педали, но голуби раньше него попали на место. Они уже сидели на островерхой крыше новой, крытой железом голубятни. Крадучись, чтобы не спугнуть Турмача, Гриц стал загонять голубей в будку.

Плохо пришлось Турмачу у нового хозяина. Чтобы голубь не улетел, Гриц подрезал ему крылья. Так обычно делают голубятники; пока обвыкнет птица на новом месте, крылья у нее отрастут. Но Турмач не мог привыкнуть и не мог улететь к себе в Калиновку. Он беспомощно порхал по голубятне среди чужих ему птиц, а те, не понимая беды своего товарища, сторонились Турмача. Уморившись, Турмач бочком уходил по шестку в угол. Голуби-старожилы беспокойно хохлились, издавали угрожающие звуки. Турмач разглядывал чужих голубей, распускал короткие крылья, чистил их клювом, хлопал ими, словно пробуя взлететь...

Как горевал Сашко, когда, вернувшись из Киева, узнал о пропаже! Он искал Турмача в селе, расспрашивал, может быть, кто-нибудь видел голубя, но поиски оказались напрасными.

Сашко тосковал. Он не ходил купаться на речку, лежал в садочке, поглядывал на небо: может, все-таки прилетит...

Наступил день, когда Гриц решил, что пришло время выпустить Турмача на свободу. Голуби Грицка взвились вверх, покружились, потом спустились на стежку, протоптанную у сарая, где было насыпано зерно и стояла надтреснутая тарелка с водой.

Турмач сидел на краю клетки, глядел на голубей, клевавших зерно, задирал голову к небу, где парили другие птицы, и, привычно оттолкнувшись, хотел взлететь к ним, но крылья беспомощно зашумели, и Турмач упал во двор, в кусты смородины. Он долго выбирался из них, подпрыгивая, взлетая, насколько позволяли его короткие крылья. Турмач стал уходить все дальше от голубятни и скоро попал в степь, начинавшуюся прямо за садом. Грицко бегал по саду, заглядывал под кусты, звал Турмача, злился, что не углядел за таким красавцем. Так пропал Турмач второй раз.

...Заслышав возню на стежке, где-то неподалеку залаяла собака. Турмач испуганно забился в придорожных хлебах.

У самого леса кончилась пшеница, и голубь метнулся в прохладную чащу. Взлетая и подпрыгивая, он долго петлял по лесным зарослям, пока не наткнулся на страшное чудовище, ощетинившееся на голубя иголками. Турмач прыгнул на куст. Когда еж ушел, голубь несмело слетел на землю и снова пустился в путь. Но не успел он успокоиться от страха, пережитого при встрече с ежом, как на лесной тропинке встретил длинную рыжую собаку с пушистым хвостом. Турмач взобрался на деревце и с ужасом стал разглядывать невиданного зверя. Таких собак в своем селе он не видел. Лиса, подпрыгивая, пыталась достать голубя, била хвостом по деревцу, а Турмач, не надеясь на свои крылья, судорожно вцепился в тоненькую, качавшуюся под ним ветку...

В лесу стало быстро темнеть. Ухая, пролетел над Турмачом филин и уселся рядом на дубок, поводя глазами-фонариками. Маленькие огоньки-искорки, то светясь, то затухая, носились над Турмачом под стрекот кузнечиков и доносившееся издали кваканье лягушек. Турмач устал, проголодался. Хотя где-то неподалеку кружила лиса и была страшная ночь, он решительно спрыгнул на траву, огляделся и пустился наутек.

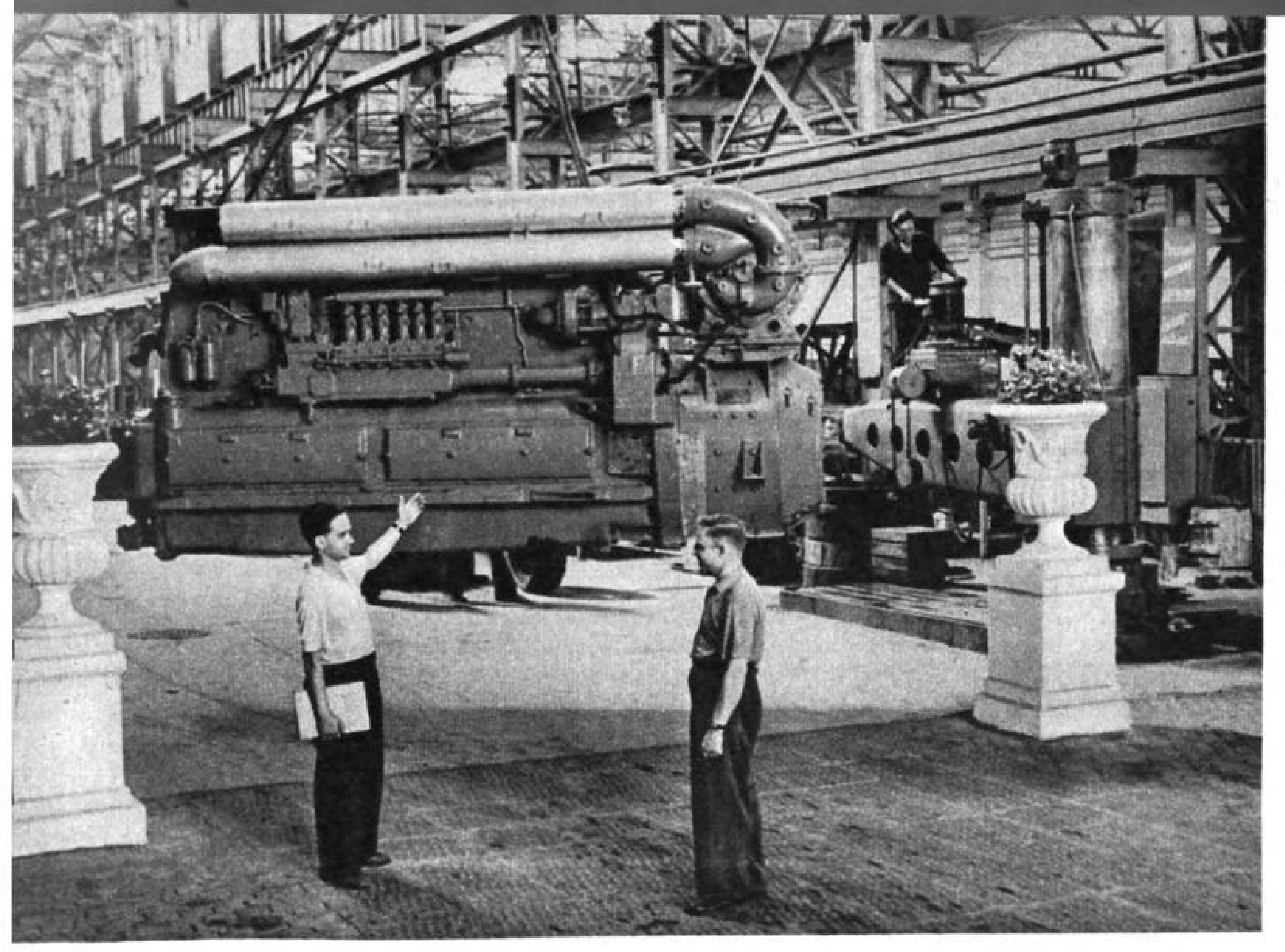
К утру голубь добрался до реки. Он пытался взлететь, чтобы перебраться на другой берег, но бултыхнулся в прибрежную осоку. Голубь выбрался на поваленное в воду дерево и, отряхнувшись, запрыгал вдоль берега. Так он оказался у моста.

Здесь пролегала шумная дорога. Фырча, завывая, проносились машины; по обочине, постукивая колесами, гремели подводы. Турмач все сидел в кустах, боясь выйти на дорогу. В полдень на дороге стало тише. Пугливо озираясь, Турмач выпрыгнул из кустов и засеменил через мост. Сбежав с моста, он юркнул в высокую траву. Переваливаясь на натруженных ногах, подергивая крыльями, он заспешил по крутой стежке, поднимавшейся к селу. Стежка привела его в сад. Оттуда он добрался до своего двора и устремился в открытую дверь сарая, где ранней весной родился в курином гнезде. Но как ни бился Турмач, он не смог взлететь на свой шесток.

...Заслышав шум, Сашко выбежал во двор, огляделся и вошел в сарай. Обессиленный голубь бился у стены. Сашко, увидев своего любимца, схватил его, прижал к щеке, стал разглядывать израненные крылья. Он мог только догадаться, какой тяжелый путь прошел его Турмач. Бескрылый голубь! Кто же его так обидел? Ведь теперь он не попадет на фестиваль, не полетает с чужедальними голубями: пока крылья отрастут, и фестиваль кончится.

И, когда крылья отросли, Сашко выпустил его. Совсем отпустил. Пусть, подумал он, летит этот голубь к людям, пусть радует их красотой своего полета, а когда захочет, возвращается в родное село.

Начальник дизельносборочного цеха Ю. Семочкин (слева) показывает новый дизель старшему инспектору Морского Регистра СССР П. Спиридонову Фото В. Темина.

ПОРА ИСКАНИЙ

Борис ПОЛЕВОЙ

В директорском кабинете, обрамленная солидной рамой, висит фотография. На ней запечатлены серые, взлохмаченные ветром просторы сурового океана. Где-то в туманной дали скорее угадываются, чем виднеются, пустынные скалистые берега. А на переднем плане по волнам, рассекая их темную, тяжелую массу, идет небольшой корабль. Сквозь туман можно рассмотреть на его массивной, скошенной назад трубе цифру «22». И если приглядеться, можно увидеть на борту название «Быстрый» и ниже чуть различимо: «Китобойная флотилия «Слава».

Почему этот морской снимок висит на заводе в Пензе — городе, как известно, глубоко континентальном, у стен которого по неширокой в этих краях реке Суре плавают лишь маленькие ялики рыболовов-любителей?

Но раздумывать над этим некогда. Рядом идет разговор столь интересный, а главное, столь характерный для наших дней, что боишься что-нибудь пропустить мимо ушей. У директора дизельного завода Ивана Семеновича Уса собрались те, кого здесь в шутку зовут «мозг предприятия»: главный инженер, конструкторы, секретарь партбюро, который сам является молодым талантливым инженером, председатель заводского комитета, слывший лучшим в своем цехе рабочим-рационализатором, несколько токарей, слесарей, сборщиков из тех, кто сейчас творчеством своим активно участвует в совершенствовании производства.

Это не совещание, нет. Нельзя же созвать совещание, вынеся на повестку дня вопрос «Наши мечты»! А тут люди именно мечтают. Мечтают о будущем своего завода, всего несколько лет назад выросшего на заброшенной окраине, именовавшейся «Южный пустырь»; мечтают об автоматизации и комплексной механизации; мечтают о том, как в ближайшие годы они неузнаваемо усовершенствуют выпускаемый ныне двигатель «Д-50», сделают его более легким и, не увеличивая размеров, нарастят его мощность. Мечтают широко, смело и реально.

Слушаешь их и невольно думаешь: какую же гигантскую творческую энергию возбудил в народе семилетний план, каким стимулом всеобщего бурного промышленного подъема становится совсем еще недавно закончившийся Пленум Центрального Комитета партии!

В 1957 году молодой завод выпустил свои первые тысячесильные двигатели для тепловозов и судов. Сейчас он уже окреп, набрал сил, воспитал кадры. Теперь за семь лет ему предстоит увеличить программу только по основной продукции в пять раз. И это почти не наращивая производственных площадей, при увеличении рабочей силы всего вдвое. Несколько лет назад постановка такой задачи вызвала бы, вероятно, лишь недоуменное пожатие плечами. Сейчас это не только никого не испугало, но даже и не удивило. Больше того, эта задача побудила всех заводских людей к бурному творчеству, к постоянному совершенствованию и технологии и самих себя. Она вызвала к жизни широкие, смелые технические эксперименты в конструкторском бюро, лабораториях и густой прибой рационализаторских предложений из цехов.

— Теперь у станка не устоишь, если, как говорится, не пошевелить мозгой. Не такое время! Оно не только умения, оно ума требует,— сказал нам несколько витиевато кряжистый парень, у которого из-под полукомбинезона выглядывали полосы свежевыстиранной морской тельняшки.

Это был простой слесарь-монтажник, которого мы увидели с масленкой в руках у стенда, где ревел, проходя испытания, новорожденный дизель. Еще до того, как попасть на флот, паренек имел десятилетнее образование. Теперь, демобилизовавшись и поступив рабочим на завод, он по вечерам учится уже на втором курсе Пензенского политехнического института.

Директор завода сформулировал эту же мысль более четко и точно:

— Теперь завод не только работает, завод думает, мыслит, ищет. Мы живем в пору исканий.

...И вот люди собрались здесь, в кабинете директора, для того, чтобы после Пленума потолковать, поразмыслить: что уже дало, что дает, а главное, что может дать в дальнейшем коллективное, по шутливому выражению слесаря, «шевеление мозгой».

Приводятся примеры, один убедительнее другого. Раньше обработка рамы на расточном станке отнимала сорок восемь часов. Теперь, когда применили алмазно-расточный многошпиндельный, обработка сократилась до двух — трех часов... Переход на большие скорости резания ускорил расточку блоков в восемь раз.

Коленчатый вал — это постоянно бьющееся сердце дизеля, самая сложная и наиболее трудоемкая его часть. Раньше коленчатый вал, по местному выражению, «как капризную девицу, охорашивали», причем «охорашивание» это отнимало двадцать четыре человеко-дня квалифицированных рабочих. Теперь с помощью нового станка все делается за один день.

— Когда мы оборудовали алмазно-расточными станками все линии, заводу дышать стало легче,— свидетельствует главный инженер В. Я. Ильяшевич, страстный поборник комплексной механизации.

На этом совсем молодом заводе, где все еще как бы находится в состоянии роста, можно с особой ясностью наблюдать, какие поистине гигантские шаги делает советская техника. Станки устаревших моделей модернизируются. Во всех цехах устанавливаются новые Механизируются трудоемкие операции по транспортировке деталей от машины к машине, с участка на участок.

Совершенствуется и сама технология. И все это теперь уже забота не только директора, главного механика, конструкторов. Сейчас это дело всего коллектива, забота каждого рабочего, сейчас это сложный, многообразный процесс трудового творчества.

На заводе все совершенствуется, и совершенствуется на ходу, не замедляя, а, наоборот, ускоряя движение. В этом сила идей семилетки.

— Нет, нет, мы тут, как говорится, пороха еще не выдумываем,— говорит Иван Семенович Ус, заметив, что я записываю ход беседы.— Мы только энергичнее, чем раньше, внедряем то, что уже известно в технике, что уже применяется в одном, другом, третьем местах. Теперь мы это стали делать инициативней, последовательней, напористей. И результат огромный.

Ставятся в пример литейные цеха. Гидромойки, дробеструйные аппараты, галтовочные барабаны для очистки литья, заусенцев — все это литейная техника знает и применяет для обработки отливок небольших деталей. На пензенском заводе детали огромные, иногда многотонные. Считалось, что такие лучше обрабатывать вручную. Но вот смело применили технику, настойчиво, творчески применили, повозились, поэкспериментировали над усовершенствованиями, и сами удивились: отлично идет дело. Освободилось много людей, которых здесь, на молодом заводе, не хватает. А главное, обработка стала чище. И так во всем.

Слушаем эту беседу людей, желающих по-настоящему, по-большевистски, не красными словами, а добрыми делами ответить на решения Пленума ЦК, слушаем и на примерах этого завода как бы начинаем ощущать могучее нарастание творческой энергии народа.

Улучив минутную паузу в беседе, спрашиваю:

— А почему это здесь, в столь далеком от морей городе, висит на стене морская фотография с кораблем?

— Как почему? Нашими дизелями оснащаются теперь и корабли. И вот этот китобоец «Быстрый» в прошлом году взял голубую ленту. Видите, она обвивает сейчас его флагшток. В этом году взял голубую ленту другой китобоец — на нем тоже наши дизели. Вы знаете, что такое голубая лента?

Да, мы знаем. Это почетный международный приз кораблю за наивысшую скорость, луч-

Праздник на озере Чаны

Иван ВЕТЛУГИН

Рисунки К. Багровой.

Под звон осоки чуть печальный
воды серебряная гладь
привыкла с точностью зеркальной
людские будни отражать.

Здесь косы вспыхивали жарко,
сушились в полдень невода
да запыленные доярки,
закончив дойку, шли сюда,
песком усердно терли фляги...

И вдруг сейчас, в конце весны,
принес веселый праздник флаги
на берег озера Чаны.

И сумрак стал цветистей радуг,
когда, дробясь, скользнул рассвет
по лакированному стаду
колхозных «ЗИЛов» и «Побед».

Меж двух березок, как над
входом,
листвой увитые тугой,
слова «Привет животноводам»
фанерной выгнулись дугой.

И от машин под эту арку
идут, немножко смущены,
в нарядных кофточках доярки,
при всех медалях чабаны.

Идут пока еще опушкой,
глядят на все издалека
и над собой и друг над дружкой
иронизируют слегка:

—Ты, Марфа, что ж, никак без
мужа?
— Он здесь.
— А то, имей в виду,
я, хоть и стар, других не хуже.
За жениха вполне сойду...

Давно усердствуют баяны,
зовут девчат пуститься в пляс,
но танцплощадками поляны
еще не выглядят сейчас.

Беседой занятые праздной,
бредут мужчины стороной,
установив надзор негласный
за потной бочкою пивной.

И жены, глянув на поляну,
мужьям внушают, горячась,
что, как всегда, пойдет по плану
сперва торжественная часть.

И невдомек, конечно, женам,
что из-за этого «всегда»
стряслась с докладчиком
районным
своеобразная беда.

Доклад заране заготовив,
он здесь, близ озера Чаны,
прочел его и вскинул брови:
ах, до чего слова скучны!
А как они звучали дома!..

И, чтобы выправить беду,
пришлось секретарю райкома
менять программу на ходу.

И он с трехтонки, как с помоста,
прижав к груди цветов букет,
всем мастерам животноводства
послал свой пламенный привет.

Назвав за цифрой многозначной
доярок лучших имена,
сказал, что главная задача
без лишних слов теперь ясна.

— Пусть там,— и показал куда-то
за берег озера,—
пусть там
не зазнаются, что богаты.
Идем сегодня по пятам.
И не резон играть нам в прятки,
скрывать свой план и свой расчет.
Мы наступаем им на пятки,
чтоб завтра
вырваться вперед...

И люди строго губы сжали.
С такими лицами — хоть в бой!
Легко сказать, какой державе
бросаем мирный вызов свой!

Но вызов этот близок сердцу,
желанен — видно по глазам —
и бывшим воинам-гвардейцам
и многодетным матерям.

И не узнать, кто бросил первым
слова, как лозунг боевой:
— Ну что ж, заокеанский фермер,
держись! А нам-то не впервой!..

И снова голос дан баянам,
трамбуют землю каблуки.
А те, кто старше, по полянам
расселись в тесные кружки.

Проходит секретарь по роще,
с людьми неспешно говоря.
И задушевнее и проще
и речь и вид секретаря.

А день идет. Он пышет зноем.
И тени резки и черны.
И, словно молоко парное,
дымится озеро Чаны.

Новосибирск.

шую маневренность и иные мореходные качества. Все они зависят в значительной степени от двигателя. В данном, конкретном случае от дизелей, изготовленных на пензенском заводе. Ну что ж, лучший отзыв о работе этого молодого предприятия трудно, пожалуй, представить.

— Вы своими дизелями можете гордиться.

— Неплохая, конечно, машина,— скромно отвечают нам и тут же озабоченно добавляют: — Но гордиться, пожалуй, еще рано. По теперешним быстрым временам у нашей модели уже изрядная бородка. В технике год простоишь на месте — вот и отстал.

Голубые ленты никому на заводе не вскружили голову. Тут все озабочены мыслью побыстрее усовершенствовать существующую модель.

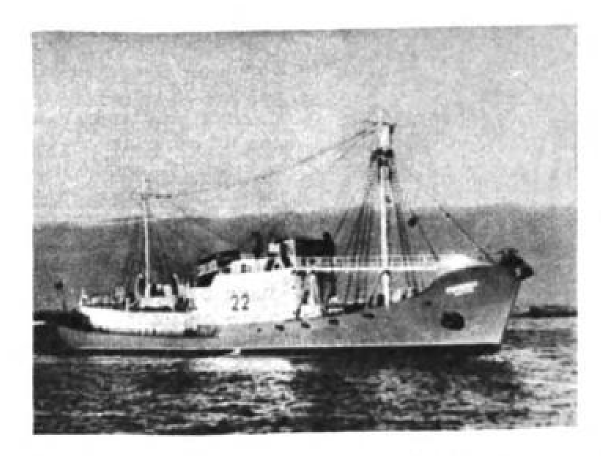
Без подсказок и подталкиваний здесь сконструировали и осуществили в пробных экземплярах новые, уже чисто пензенские модели двигателей, созданных на прежней основе, но с существенными поправками, с мощностью не в тысячу, а в тысячу двести лошадиных сил. Одна из этих моделей внешне похожа на прежнюю, у другой чугунный блок заменили стальной сварной конструкцией. Эта вторая модель не только мощнее прежней на двести сил, не только легче ее на две тонны. Она будет иметь то главное преимущество, что чугунный блок, который из-за коррозии приходится заменять примерно через каждые 10 тысяч часов работы, станет вообще недоступен для ржавчины.

— Не хотите ли посмотреть новые модели на стенде, где они сейчас проходят испытания и обкатку?

— Разумеется, хочу.

Через молодой, но уже закурчавившийся парк, разбитый меж цехов, мимо клумб, источающих тяжелый аромат цветущих пионов, идем смотреть вновь рожденные модели двигателей «ПД-1» и «ПД-2». Путь лежит и через сборочный цех. Производство живет обычной жизнью. Под потолком «бродят» взад и вперед мостовые краны, перетаскивая многотонные детали. Сверкают молнии электросварки, под руками сборщиков рождаются узлы новых двигателей.

Но в то же время другая часть рабочих, облачившись в старые, забрызганные краской

Корабль «Быстрый», завоевавший голубую ленту.

спецовки, в колпаках, сложенных из газет, бойко орудуя маховыми кистями, окрашивает стены и фермы пролетов в светло-голубой цвет. Работают весело, с шутками, будто собственную квартиру белят к празднику. Строгому заводскому эху, привыкшему откликаться лишь на производственные шумы, приходится отвечать на песни, взрывы смеха.

Тут выясняется следующее небезынтересное обстоятельство. На заводе идет соревнование за право называться бригадой коммунистического труда. Тридцать коллективов включились в него. Именно в этом соревновании у сборщиков и появилась мысль: сделать свой цех и территорию, к нему прилегающую, достойными эпохи коммунизма. И вот в свободное время сборщики, монтажники, слесари, мастера и даже инженеры превращаются в маляров и столяров: красят, сколачивают ящики для цветов, возятся на клумбах у ворот цеха. Здесь большинство — комсомольцы. Начальник цеха Ю. И. Семочкин, которому не минуло еще и тридцати лет, считается тут человеком уже солидным и даже, по секрету говоря, пожилым. В свободный час он тоже берет в руки малярную кисть: пусть у людей сердце радуется, веселее идет работа...

А вот и опытный стенд. Свирепо ревут, будто собираясь сорваться с болтов и, сокрушив все, ринуться вперед, только что рожденные дизели. Тысячи лошадиных сил бьются в них. В сторонке от дизелей обычной конструкции— «Д-50» — их младшие, но более мощные братья—«ПД-1» и «ПД-2». Они отработали уже не одну сотню часов. По первым данным испытания, они не подвели своих создателей и строителей и значительно превзошли ту модель, с помощью которой моряки флотилии «Слава» дважды добивались голубых лент.

За судьбу своих детищ родители уже не беспокоятся. В дни работы Пленума ЦК КПСС здесь изготовлялась модель «ПД-3». Этот двигатель будет работать на природном газе. Создатели его мечтают сделать хороший подарок глубинным безлесным районам, через которые пролегают трассы газовых магистралей. Электростанция, не требующая подвозки топлива!

А конструкторская мысль на заводе, опережая время, бежит еще дальше. Пока что в набросках, на кальках уже маячат двигатели тех же габаритов, но мощностью в 1 500 лошадиных сил. И, наконец, где-то вдали перед конструкторами вырисовывается новый «ПД» еще неизвестного номера, двигатель, имеющий шестнадцать цилиндров и мощность в четыре тысячи лошадиных сил.

Но разве это предел? И вообще можно ли говорить о каких-то пределах в творчестве советских людей, вдохновленных идеями семилетки, живущих в пору великих исканий и великих свершений?!

Пенза.

МИССИЯ ПРЕПОДОБНОГО РОЯ

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Фото автора.

Когда мы с учителем вошли в хижину, человек двенадцать черных, в большинстве голых подростков вскочили с земляного пола и почтительно замерли.

— Джентльмены! — обратился к ним учитель по-английски. — Белый человек, которого вы видите, не американец и не англичанин. Он приехал из страны, о которой вы никогда ничего не слышали. Великое и могущественное племя этого белого человека живет в большой стране, которая называется Россия, или, правильнее, Советский Союз.

Голые джентльмены нестройно ответили на приветствие и стали с любопытством меня рассматривать.

По знаку учителя они снова уселись на пол и, сгрудившись плотным кольцом вокруг двух жестяных мисок, стали проворно поглощать густую коричневую массу — кашу из дурры, слегка заправленную пальмовым маслом. Это был их воскресный обед, и ложку масла выдали по случаю праздника.

— У нас здесь несколько таких помещений, в которых живут дети. Ученики построили их сами, — пояснил учитель.

После жестокого света на улице глаза медленно привыкали к полумраку хижины. Строение напоминало большой тукуль, хижину местных жителей, лишь с той разницей, что в основании оно имело овал, а не круг, как во всех здешних деревнях. Стены высотой около метра сплетены из прутьев и обмазаны землей. Над ними — высокий шалаш из жердей и сухой травы, по которой с шумом бегали большие ящерицы, пестрые, как попугаи.

Вдоль стен стояли двухэтажные нары с настилами сухой травы. Циновка, на которой обедали дети, завершала убранство хижины — общежития учеников американской миссионерской школы в Южном Судане.

Судан — страна многоликая и разноплеменная. Большинство ее населения, живущего на севере и в центре государства, издревле восприняло арабскую культуру, язык и мусульманскую религию. Но три огромные южные провинции Судана населены племенами нилотов — негров, имеющих, по утверждению этнографов, самый черный цвет кожи на земле.

Охраняя эти провинции от «разлагающего воздействия цивилизации», британские колонизаторы весьма охотно поддерживали здесь деятельность многочисленных миссионеров. Люди в сутанах, обращая нилотов в христианство, проповедовали вражду к мусульманскому северу Судана. Старый принцип поработителей — «Разделяй и властвуй».

Лет пятнадцать тому назад преподобный мистер Рой отправился из Соединенных Штатов в Африку обращать в христианскую веру язычников, живущих на берегах реки Собата. Место для своей школы мистер Рой выбрал на широком плоском мысу, образовавшемся при слиянии Собата и Белого Нила. Здесь смыкаются границы расселения трех крупнейших племен провинции Верхний Нил. Поэтому мистер Рой мог сразу проповедовать слово божье среди шиллуков, динка и нуэров.

Прижимистое миссионерское общество, пославшее проповедника Роя в Африку, не отличалось излишней щедростью. Оно весьма скудно субсидировало деятельность его преподобия, уповая главным образом на помощь господа и предприимчивость святого отца. За каждый истраченный доллар общество строго требовало от мистера Роя обращения в американскую веру определенного количества чернокожих. Преподобный Рой регулярно посылал финансовые отчеты, а также сведения о количестве завербованных душ протестантской общине в далекую Балтимору.

Американец построил здесь большой каменный дом под железной крышей для себя, молитвенный дом под крышей соломенной и несколько тукулей для туземцев. А когда появились ученики, они сами стали сооружать для себя нехитрые жилища из прутьев, травы и земли, а также заботиться о своем пропитании. Ныне близ дома мистера Роя уже выросла целая деревушка.

Я приехал в миссионерский пост святого Бенедикта в воскресенье, проделав от Малакаля — центра провинции — добрых два десятка миль по саванне. По случаю праздника занятий не было. В молитвенном доме, сидя на низких самодельных скамеечках, томились старшие школьники, слушая воскресную проповедь святого отца. В торцовой стене темной молельни было устроено окно с красными стеклами в форме большого креста. Перед ним сидел мистер Рой и проканифоленным голосом вещал о райском блаженстве, которое ожидает «правдивого и послушного человека» на том свете, и о страшных муках и вечном огне, уготованных всевышним для ослушников и бунтарей.

Поскольку мистер Рой был занят делами потустороннего мира, миссионерскую школу мне показывал учитель Мухаммед Исса. Суданец с севера, он закончил училище в Омдурмане и работает в этой школе недавно. Его появление здесь произошло вопреки желаниям мистера Роя, но по категорическому требованию суданских властей.

Мы уже собрались покинуть хижину, в которой дети, звякая пустыми ложками, выскребали из жестяных мисок остатки пареного проса, когда один из подростков спросил учителя:

— Сэр, а разве белые племена чем-нибудь отличаются друг от друга?

— Да, отличаются. Я надеюсь, что в будущем мы сможем с вами, дети, поговорить об этом, — уклончиво ответил учитель, и мы вышли из хижины на густой жар тропического полдня.

Вдали на пустыре три или четыре десятка босоногих ребятишек с беспорядочным энтузиазмом гоняли мяч по вытоптанной желтой траве, наполняя громкими, азартными криками знойный, неподвижный воздух.

— Очень любят футбол. Только эта европейская игра привилась здесь, — сказал Исса, глядя на ребят.— Сегодня воскресенье, единственный день недели, когда они могут порезвиться вдоволь. Разумеется, кроме тех, которые ухаживают за скотом, пасут стада или наказаны.

Мистер Рой, рассказывал учитель, установил в школе свирепый режим. У детей нет минуты свободного времени: весь день отнимает уход за скотом, ремонт хижин, работа на огороде, заготовка топлива для кухни. И так изо дня в день. За малейший проступок свирепые наказания: розги, карцер, лишение и без того скудной пищи. При этом «святой отец» принуждает, чтобы провинившегося ученика истязали его же сверстники, находя этот метод весьма полезным для христианского воспитания.

В прошлом году его преподобие повелел запереть одного ученика в темный карцер на двенадцать часов. В глиняный чулан—карцер—проползла кобра и укусила ребенка. Мальчик с ужасом взывал о помощи, но до истечения срока ему никто не решился открыть дверь. Ученик умер в страшных мучениях.

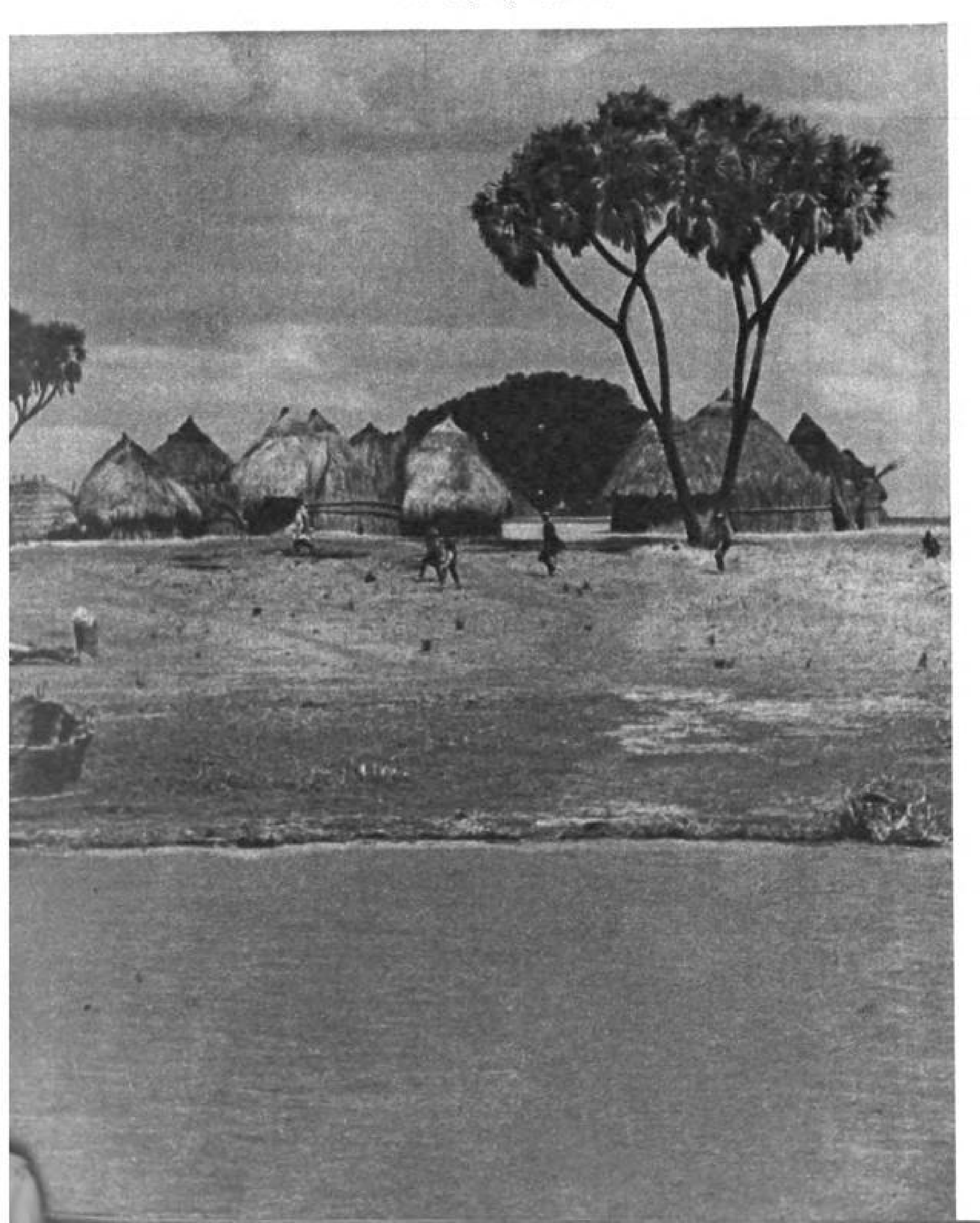
— Здесь проводятся уроки, — сказал Исса, когда мы подошли к трем приземистым навесам.

Под соломенным шалашом на столбе висела черная доска, а над ней — небольшое распятие. Врытые в землю кривые колья поддерживали длинные узкие доски. Те, что повыше, служили столами, пониже — скамьями.

— Классные занятия, однако, отнимают у детей не больше времени, чем молитва, — продолжал учитель. — Большую часть дня они работают. В школе нет какой-либо учебной программы.

Главный предмет — закон божий, затем английский язык, арифметика. Детям еще сообщают не-

На берегу Собата.

которые сведения по естествознанию, но, разумеется, в том толковании, которое мистер Рой считает подходящим для успеха своей миссии. А миссия его состоит в том, чтоб подготовить проповедников его религии в негритянских деревнях, воспитать послушную паству для колонизаторов, пославших сюда своего миссионера.

Следующий «класс», в который мы заглянули, не был пустым, как предыдущий. У доски стоял мальчик и, поднимаясь на цыпочки, писал мелом одну и ту же фразу: «Я не должен забывать об утренней молитве». За ним следил учитель и, откладывая камешки на столе, считал надписи.

Оказывается, мальчуган опоздал сегодня к утренней молитве, и мистер Рой в наказание велел ему написать на доске эту фразу девяносто раз. Мальчик еще не умел хорошо писать. Он многотрудно выводил каждую букву и громко сопел. Обильная роса покрыла его лоб, от висков по щекам сбегали ручейки пота, оставляя глянцевые следы на черной матовой коже. Он писал уже более двух часов, но не выполнил и половины задания.

— Отпустите его, Аведжик, — сказал Исса учителю. — Он уже понял свою вину. Ведь сегодня воскресенье.

— Да, но мистер Рой...

— Ничего. Я, как старший педагог, беру ответственность на себя. Вы свободны, идите, — добавил он школяру.

Ученик кинулся к нему и хотел поцеловать руку, по установленному здесь обычаю, но Исса остановил его жестом. Через секунду мальчишка уже мчался по двору с такой прытью, будто хотел установить рекорд в беге на короткой дистанции.

Учитель Аведжик носит очки со сломанными дужками и прикрепленными к ушам двумя веревочными оглобельками. От уха к уху через лоб идет плотная цепочка бугорков величиной с горошину, непостижимым способом сделанных из его собственной кожи. Этот знак указывает на его принадлежность к племени шиллуков. Я спросил Аведжика, давно ли он служит в этой школе и где получил образование.

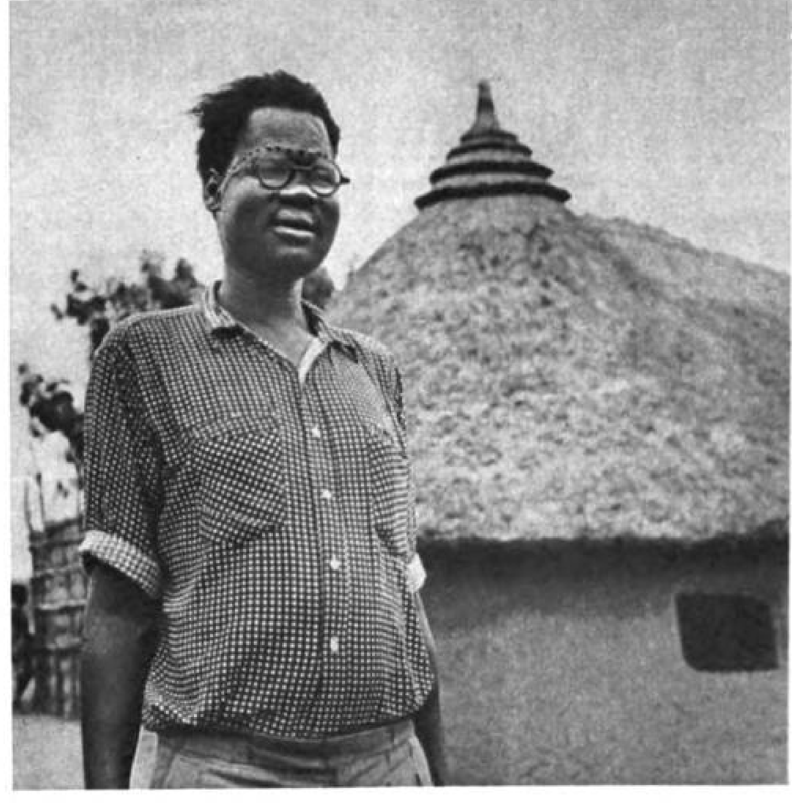
— С тех пор как здесь основалась святая миссия, я все время при ней, — ответил Аведжик.

Когда мистер Рой объявился в саванне близ Собата, труднее всего ему было навербовать первых учеников. За лоскуты ткани, бусы, наконечники копий он добивался согласия родителей отдать своего сына в миссионерскую школу. Это был своеобразный, поддерживаемый английскими властями контракт. Если ребенок убегал домой из миссии, его водворяли туда насильно.

Мальчик Шолл из племени нуэров не мог постичь ни знаков английского алфавита, ни чуждых ему слов в молитвенных песнопениях мистера Роя. За это он часто подвергался суровым наказаниям. Через три месяца Шолл убежал в деревню. Но вызванный из Малакаля полицейский доставил его снова в миссию. Так как парнишка по дороге все время вырывался, то полицейский связал его и привел на веревке.

— Почему ты убежал из школы? — сурово спросил мистер Рой.

— Я не хочу твоего бога: он

Учитель Аведжик из племени шиллуков.

Мухаммед Исса, любимец учеников.

злой, — ответил с плачем Шолл. — Наши боги лучше: они добрые.

В назидание другим миссионер повелел, чтобы каждый ученик из той хижины, где жил Шолл, пять раз ударил его розгами. Экзекуция проводилась в присутствии всех детей. Одиннадцать ребят секли своего товарища под бдительным оком «святого отца».

Недели через две, оправившись от побоев, Шолл снова убежал. С тех пор больше никто его не видел. Очевидно, мальчик стал добычей хищников саванны.

Среди детей, навербованных миссионером в окрестных деревнях, были и такие, которые со временем поддались его влиянию. Немало девственных душ детей саванны оказалось в плену у проповедника, ловко использовавшего елей, розги и всевозможные «эффекты», вроде тревожного красного света в молитвенном доме...

По мере того как расширялось предприятие мистера Роя, росло количество детей в миссии, ему все труднее становилось управлять своим заведением. Нужны были помощники. Тогда миссионер нескольких своих наиболее преданных старших учеников сделал учителями, поселил в отдельных хижинах и разрешил им купить жен. В числе трех первых учителей оказался и шиллук Аведжик. Сейчас он получает от мистера Роя жалованье. На эту сумму он мог бы купить в городе две пачки посредственных сигарет.

Знания о внешнем мире были у него весьма ограниченными и довольно странными. Существует где-то страна Америка, в которой все живут хорошо, потому что верят в бога. Есть Англия, она идет по стопам Америки. Поразительно было то, что Аведжик почти ничего не знал о своей родине — Республике Судан.

Понятие о христианском боге у него было тоже самое общее, примитивное, как если б человек представлял себе, что автомобиль — это лишь телега без лошадей.

Что он думает о будущем своей страны?

— Если все станут христианами и будут слушаться пастырей, в Судане наступит благоденствие, — без энтузиазма ответил Аведжик.

Исса пригласил меня в свою хижину и угостил чашечкой кофе, приготовленного на спиртовке. В его тукуле не было привычной в таких строениях темноты. Два остекленных окна хорошо освещали жилище. На самодельном столике лежала открытая, сильно потрепанная книга — повесть Максима Горького «Мать», изданная на английском языке. Несколько книг стояло также на этажерке рядом с крошечным радиоприемником. Колченогая суданская кровать — ангариб — у коврика на стене служила одновременно и диваном.

— Как вы сами видите, — говорил Мухаммед Исса, — условия жизни детей в миссии мало чем отличаются от того, как они живут в своем племени. Здесь им даже тяжелее, ибо, кроме занятий, они целый день работают.

Среди немногочисленных учебных заведений Южного Судана подавляющее большинство составляют школы христианских миссионеров разнообразного толка — от францисканцев до баптистов.

Здесь, на юге Судана, миссионеры изо дня в день настойчиво внушают и детям и взрослым, что их главные враги вовсе не иностранные колонизаторы, а соотечественники-мусульмане, жители центра и севера страны.

Министерство просвещения потребовало от миссионеров ввести в их школах преподавание арабского языка — государственного языка, на котором говорит две трети населения страны, и принять на службу учителей-суданцев, рекомендованных правительственными учреждениями. Именно после этого в школе мистера Роя появился Исса.

Нелегко было молодому педагогу начинать свою работу в обстановке скрытой и явной вражды. И хотя было ясно, что мистер Рой терпит нового учителя лишь по принуждению, Иссе посчастливилось довольно быстро завоевать доверие и уважение детей. Но в соседней, атбарской школе, которая находится в нескольких десятках миль к югу, на берегу Бахр эль-Джабеля, ученики по наущению миссионеров сговорились убить учителя-северянина во время перемены. Только счастливая случайность уберегла его от гибели.

Впрочем, с Иссой тоже произошел случай, который заставил его быть настороже. Однажды вечером он возвращался в свою хижину по берегу реки. Вдруг мимо него прошипела и шлепнулась в воду стрела, пущенная из лука. Вряд ли эта стрела была шальной, случайной...

Раскольническая деятельность миссионеров, специальная пропаганда вражды и ненависти к суданцам-северянам вынудили правительство республики издать декрет о передаче всех миссионерских школ в ведение государства.

В школе на Собате я был в то время, когда она еще не была передана властям, но все уже знали, что это рано или поздно случится. Мне захотелось узнать, что мистер Рой собирается делать, когда лишится школы.

Богослужение давно закончилось, и мы вместе с Иссой направились к дому господина Роя, но не застали его.

Жена миссионера, мило улыбаясь, сообщила: мистер Рой куда-то ушел.

— Скажите, миссис, его преподобие теперь собирается уезжать в Штаты?

— О, что вы, сэр! Наоборот. Он намерен с еще большим усердием продолжать свою миссию в Африке!

— Но я слышал, что школа передается в ведение правительства.

— Это совершенно верно, хотя и прискорбно. Но ведь мистер Рой проповедует слово божье не только в школе. Он с помощью господа создал молитвенные дома в двух туземных деревнях.

Прощаясь, она спросила:

— Вы действительно из Москвы? Журналист? В России есть журналы? О, как интересно!

...Машина бежала по дороге, похожей на две параллельные и едва заметные тропинки среди безбрежной равнины. Чем больше мы отдалялись от миссионерского поселка, его строения все ниже опускались, как бы врастали в желтую траву саванны, пока и вовсе не растаяли, скрылись с глаз, затерявшись в самой глухомани, почти в центре великого Черного материка. Но и сюда, в этот далекий поселок, казалось, отрезанный от всего мира, доходит свежий ветер времени.

ХОРОШО ЛИ ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

О. ШМЕЛЕВ

Фото А. Узляна.

Рисунки Л. и Ю. Черепановых.

Город обедает

Старое русское слово «орава» теперь почти совсем вышло из употребления. Его знают разве только матери больших семейств, а употребляют чаще всего тогда, когда речь идет о домашней работе. Разгорячившись у плиты, иная хозяйка, у которой в семье семь или восемь ртов, бывает, не выдержит и скажет: «Попробуй тут такую ораву быстро накормить!»

А представьте себе картину: вдруг все двести миллионов членов нашего общего семейства сразу сели бы за столы, взяли ложки в руки и потребовали бы: подавайте нам суп! Однако, к радости работников общественного питания, такого не бывает. Солнцу требуется много времени, чтобы обойти нашу страну из конца в конец: когда в одной части день, в другой — еще ночь; когда житель Владивостока обедает, житель Минска еще только досматривает вторую или третью серию какого-нибудь широкоэкранного цветного сна. Это во-первых. А во-вторых, и в каждом отдельно взятом городе время обеденного перерыва наступает не одновременно для всех его обитателей. Обеденные гудки, звонки и звоночки звучат на заводах и фабриках, в учреждениях и конторах, в школах и детских яслях в разные часы. Иначе столовым, буфетам, закусочным, ресторанам ни за что не справиться с обслуживанием.

Взять хотя бы такой город, как Саратов. В нем, согласно последней переписи, живет 581 тысяча человек.

Давайте пройдемся по Саратову в часы обеда, посмотрим, у кого как складывается обеденный перерыв.

Если вы придете на фабрику-кухню № 2 Саратовского первого треста столовых без трех минут двенадцать, вы увидите просторный, светлый обеденный зал, круглые, легкой конструкции столы и возле каждого стола четыре легких удобных стула. На каждом столе полная хлебница, накрытая белой салфеткой. Пусто в зале и тихо. Только справа от входа, где раздача, доносятся короткие команды: это повара и те, кто стоит на раздаче, уточняют взаимодействие отдельных подразделений кухни на предстоящую через пять минут операцию. А через эти пять минут зал уже полон.

Да, термины из военной области здесь не случайны: когда ста работникам фабрики-кухни надо быстро накормить пять тысяч человек,— это настоящая операция.

На фабрике-кухне № 2 самообслуживание. И устроено все очень просто. Вы в порядке очереди проходите мимо своеобразных прилавков, где уже стоят готовые блюда, выбираете себе закуску, первое, второе и третье по вкусу, ставите все на поднос. По пути к столу проходите мимо кассы. С кассиршей никакого разговора вести не надо: она сама видит, что вы выбрали, и быстренько производит с вами расчет. Остается только сесть за стол и приняться за еду.

Заведующий производством фабрики-кухни № 2 Михаил Кузьмич Межевикин завел такой порядок, что столующиеся здесь могут сделать специальный заказ на следующий день. На сегодня, например, было заказано 600 порций пельменей. Кухня не мясокомбинат, сделать такое количество «трудоемких» пельменей для нее не шутка, но все же они были сделаны.

А вот сейчас Межевикин принимает у кладовщицы Клавдии Васильевны Логиновой и слесаря Льва Кирилловича Грицаенко заказ на завтрашний день.

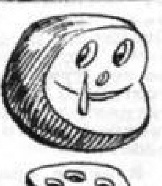

На волжской набережной в Саратове жарко. Набережная совершенно заново перестраивается. Она будет речным фасадом города. И работы тут много.

Некоторые из строителей живут в порядочном отдалении от набережной. Столовую у каждого рабочего места не организуешь. Как же быть с обедом?

Очень просто. Столовая № 39 установила на набережной автолавку. А чтобы быть еще мобильнее и оперативнее, автолавка высылает на самый передний край работ лоточницу Марию Рафикову. Бутерброды, пирожки, молоко, фруктовая вода — можно перекусить до капитального обеда вечером.

На квартиру, где живут супруги Грошевы — Матвей Карпович, заведующий кафедрой диагностики Саратовского зооветеринарного института, доцент, кандидат наук, и Мария Евгеньевна, тоже кандидат наук,—обед пришел в готовом виде; принесла его работница ближней столовой Тамара Мазилкина.

Мария Евгеньевна позвонила по телефону в столовую, заказала рисовый суп, сосиски с капустой, компот, и точно в назначенное ею время на столе появился судок с обедом.

На углу улиц Астраханской и Михайловской находится диспетчерский троллейбусный пункт. Тех водителей и кондукторов, которым подошло время обедать, здесь подменяют на полчаса, и они обедают тут же, на пункте, где столовая № 18 устроила буфет. Можно получить и горячую пищу, а можно, как это сделали кондукторы Анна Матвеевна Федорова и Надежда Васильевна Прыгушина, взять бутылку кефира и булочку и поесть на воздухе.

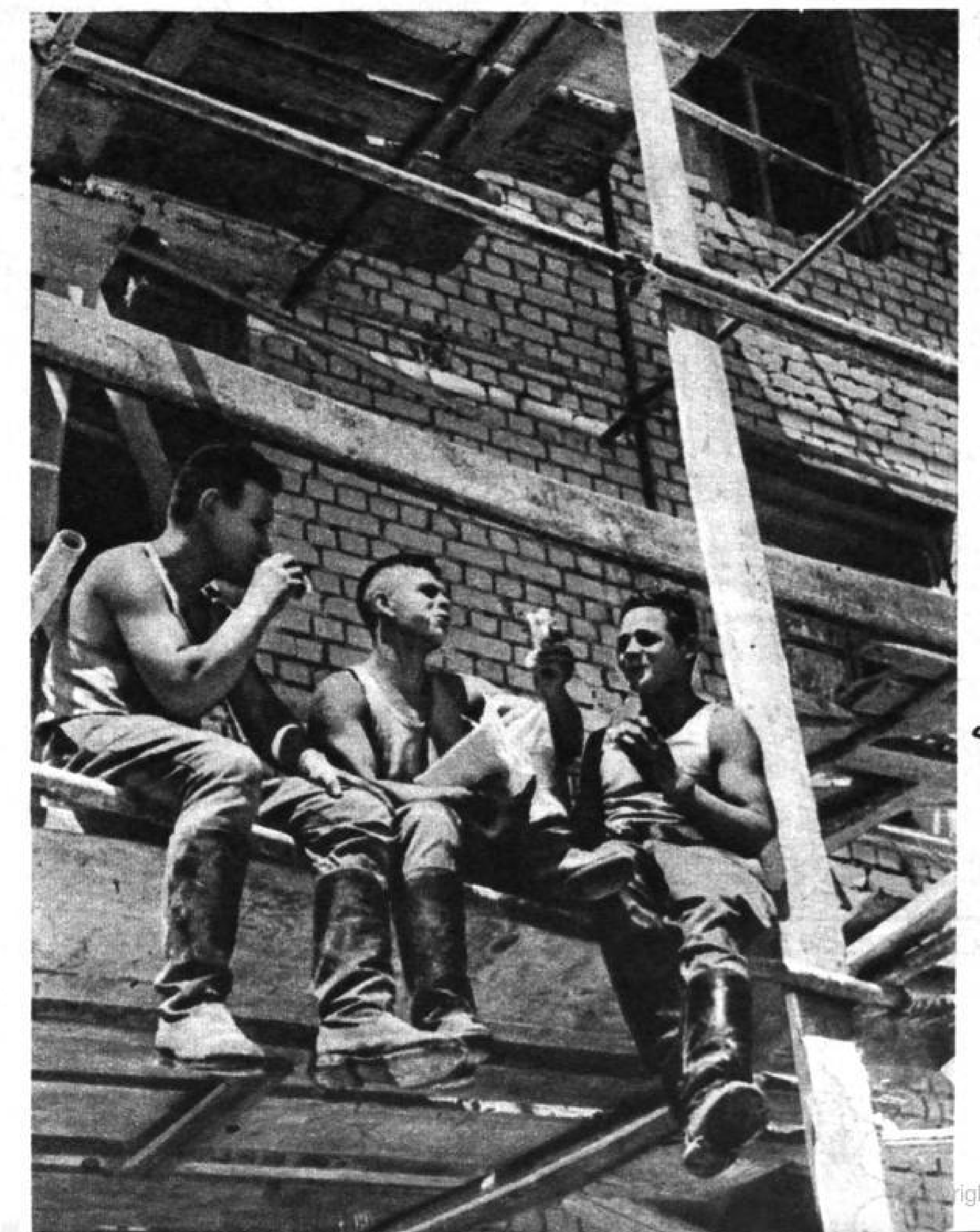

Павел Васильевич Ляшецкий приехал в Саратов из колхоза имени Жданова, привез на продажу картошку. А Елена Ивановна Родионова, саратовская жительница, ходила на рынок как раз за картошкой. Павел Васильевич решил сделать перерыв на обед, и оба — продавец и покупательница — пришли в автомат-закусочную. Здесь можно быстро и вкусно поесть.

Эти молодые люди — штукатуры Ранас Бальчунас, Константин Яшин и Петр Шевцов — тоже решили никуда не уходить на обед; они воспользовались услугами лоточницы, которая доставила им еду прямо на леса строящегося жилого дома.

Щедрое перо

Есть у Степана Олейника стихотворение «Мой друг». В нем говорится о корреспонденте районной газеты. В любое время года: в лютый мороз, в палящий зной, в осеннюю распутицу — «работник родной большевистской печати» путешествует по деревням и селам «пешком, на подводе, в попутной машине». Он всегда находится в гуще народной жизни. Как сказано в стихотворении, «где надо — он критик, где надо — поэт». Он радуется успехам людей, как своим собственным, и близко к сердцу принимает различные неудачи и неполадки.

Нарисованный Олейником портрет советского журналиста имеет большое сходство с самим поэтом. Постоянная связь с народом, кровная заинтересованность в судьбах простых людей, страстное желание сделать нашу жизнь более счастливой и радостной и наряду с этим непримиримое отношение ко всему враждебному, косному — вот характерные черты творчества С. Олейника. В новом его сборнике, «Стихи и басни», собрано все лучшее, что написано поэтом за два последних десятилетия, наиболее плодотворных в его литературной работе.

В книге представлены все жанры, подвластные щедрому перу Олейника: лирические раздумья, картины быта, публицистика, сатира, юмор. Взволнованно пишет поэт о партии, о Родине, о дружбе украинского и русского народов, о кипучей жизни советских людей. Сердечностью проникнуты его стихи о тружениках полей и угольных шахт, для которых труд стал радостным творчеством.

Многими жанрами владеет Олейник, но самое примечательное в его творчестве — сатира и юмор, где с наибольшей силой сказались оригинальность и самобытность поэта. У него мы находим все оттенки богатого народного украинского юмора: то доброжелательно и снисходительно - добродушного, то хитровато-лукавого, то иронического и насмешливого, то ядовитого и беспощадного.

В сатирических стихах Олейника выведены и никудышные «номенклатурные» руководители местного масштаба, перебрасываемые с одного поста на другой и неизменно заваливающие работу («Незаменимый Мацепура»), и хитроумные мздоимцы, под видом «магарыча» раздобывающие взятки («Саливон Магарычный»), и зажимщики критики, занимающиеся очковтирательскими отписками («О выступлениях критических и маневрах бюрократических»), и горе-специалисты сельского хозяйства, оторвавшиеся от производства и ведущие кабинетный образ жизни («Агродеятель или писарь-сеятель»), и обыватели-барахольщики, совершающие заграничные турне только ради приобретения экстравагантных безделушек («Письмо Потапу Туристенко»).

Духом партийности проникнута сатира Олейника. Когда нужно, Олейник направляет резкие слова и в адрес «своих», как это сделано им в стихотворении «Что же это за мужчины», где выставлены на общественное осмеяние любители легкой жизни, перекладывающие все трудоемкие сельскохозяйственные работы на плечи женщин.

Стыдно, стыдно вам,
чубатым!
Поглядели бы хоть раз,
Как приходится девчатам
Нагружать мешки за вас!..
. . . .
Не молотят и не косят.
Вилы взял бы хоть один!..
Только тем, что брюки
носят,
И похожи на мужчин!

Заслуживает особого внимания форма фельетонов Олейника. Многие из них являются небольшими рассказами в стихах со своими сюжетами и конфликтами. Характеристики героев даются не прямо от автора, как часто бывает в произведениях такого рода, а раскрываются в действии. Эти качества делают фельетоны более убедительными.

Имя Степана Олейника, неутомимого бытописателя народной жизни и темпераментного сатирика, стало весьма популярным не только на его родной Украине, но и во всей нашей стране. Поэт в расцвете творческих сил — и мы вправе ждать от него новых талантливых произведений.

Сергей ШВЕЦОВ

Степан Олейник. Стихи и басни. Гослитиздат. 1958. 296 стр.

ПЕДАГОГ-ХУДОЖНИК

В 1897 году Агриппина Яковлевна Ваганова была принята на сцену Мариинского театра в Петербурге, а несколько десятилетий спустя ленинградскому хореографическому училищу присвоили ее имя. Книгу Вагановой, профессора советской хореографии, «Основы классического танца» изучают не только в Советском Союзе, но и за рубежом — в странах народной демократии, в Англии, Франции, Америке.

Ваганова-педагог работала в основном в советское время. За тридцать с лишним лет она воспитала несколько поколений танцовщиц. Когда после многих лет труда засверкал на сцене удивительный талант Марины Семеновой — ее первой ученицы, завоевавшей всеобщее признание, а за ней пришли такие непохожие одна на другую балерины, как Иордан, Чикваидзе и, наконец, Уланова и Вечеслова, стало ясно, что это не случайность, а результат продуманной работы педагога, обладающего «секретом» выращивания молодых талантов.

В книге, выпущенной издательством «Искусство», собрано не только то, что написала сама Ваганова, но и воспоминания ее учениц и современников.

Записи Вагановой публикуются впервые, они не окончены. Безыскусные и простодушные, они выглядят всего лишь черновиками будущих мемуаров. Автор часто не заботится о том, чтобы углубить мысли или подробно остановиться на том или ином факте. В записках вырисовывается облик талантливого и взыскательного художника, человека, требовательного к себе и другим.

Т. НИКОЛАЕВА

Агриппина Яковлевна Ваганова. Статьи, воспоминания, материалы. Изд-во «Искусство». 1958. 343 стр.

Юйяни в Воронеже

Как человеку, который никогда не видел солнца, почти невозможно рассказать, какое оно, так и читателю, незнакомому с юйянями, нельзя с помощью пересказа передать всю прелесть и значительность этого жанра китайской литературы.

Юйянь — одновременно философско - сатирический и басенно-юмористический короткий рассказ с острым новеллистическим сюжетом. Юйянь — один из самых почитаемых видов китайского фольклора. Еще за несколько веков до нашей эры юйяни собирались и записывались, а сборники хранились в библиотеках богдыханов и высших чиновников Поднебесной империи.

Правители были уверены, что злая сатира и беспощадная издевка, таящаяся в юйянях, находится на запоре. Но юйяни жили в народе, переходя от рассказчика к рассказчику, рождая новые и новые сюжеты. Таким образом, столетиями существовали два направления в этом жанре: «классическое», письменное, и народное, устное. Параллельно с фольклором появляются и литературные юйяни, то есть такие, авторами которых являются писатели.

В Китайской Народной Республике юйяням принадлежит почетное место в литературе: ежегодно издаются десятки сборников, фольклорных и литературных, юйяни регулярно печатаются в газетах, журналах. Выходящий на русском языке еженедельник «Дружба» печатает юйяни на своих страницах.

Очень отрадно появление сборника юйяней в Воронежском областном издательстве. Переводчик и составитель Юрий Семенов проделал большую работу, подготовив к печати этот небольшой томик. Сборник, конечно, не претендует даже на частичное ознакомление с безбрежным океаном китайского фольклора. Но те сто юйяней, которые опубликованы, не могут не восхитить всех, кто любит народную сатиру, всех ценителей юмора. Юйяни сродни шванкам, средневековым фаблио, фацециям и новеллино эпохи Возрождения, но аромат народной мудрости, совершенство сюжетов и философская глубина ставят их выше других сходных по жанру произведений.

Жаль, что в сборнике не представлен ряд крупных авторов современного юйяня (Бай Е, например), что объем и тираж издания непростительно малы. Но все же заслуга воронежцев велика: они познакомили нашего читателя с замечательными сокровищами китайского фольклора.

Борис ПРИВАЛОВ

Юйяни, рассказы забавные и поучительные. Воронеж. 1958. 219 стр.

А ОТВЕЧАЕТ ЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВО?

Обычно все талантливое быстро распознается читателем, да и критикой тоже. Но до серой, безликой литературной продукции у критики просто не доходят руки. И в результате к читателю идут пухлые книги, сделанные руками равнодушных ремесленников. И когда общественность начинает протестовать, издательства почему-то превращаются в жирафов и долго делают вид, что не понимают, в чем дело...

Об одном таком случае и хочется поговорить в этой заметке. Не то чтобы хочется,— это нужно, необходимо!

Н. Почивалин печатается уже много лет. Сначала он писал стихи: в 1950 году вышли два его сборника в Алма-Ате и Омске. Уже тогда начала себя проявлять основная «творческая» черта Почивалина, которую заметила в свое время «Омская правда»: «...Чем же может одухотворить лирика Н. Почивалина, когда мысли лирического героя ограничены мелочными и узенькими интересами, а чувства его скудны и убоги?..»

Но Почивалин не унывал: не получилось в Омске — получится в Пензе, не выходят стихи — выйдет проза... Опять неудача. Книжку «Выстрел на окраине», выпущенную в Тюмени и Пензе, разругали в печати достаточно убедительно. Недавно Пензенское книжное издательство выпустило тиражом в 30 тысяч экземпляров, в коленкоре и в ледерине, книгу повестей и рассказов Почивалина «Вторая семья». Книга поименована по названию первой, так сказать, заглавной, повести.

О чем эта повесть?

...Студент-медик Антон Возняк женится на понравившейся ему скромной девушке Оле. Потом уезжает на работу по распределению, оставив беременную жену, и сходится в Приртышске с дипломированной полусветской львицей. Однако в конце Антон хочет вернуться к Ольге...

В повести все предусмотрено, с точки зрения юридической не придерешься! Есть и общественный фон, и выезд на работу по распределению, и рассуждение о высоком назначении человека науки, и... Но это только названо, для автора интересно другое. Главное для него — похотливое смакование поступков морально распущенного человека, пошлое мещанствование под прикрытием «борьбы за высокий моральный облик советских людей», как говорится в предисловии пензенских издателей к повести...

Образу Ольги — жены Возняка — автор уделяет не много места: что там интересного — беззаветная любовь, настоящее чувство! То ли дело начальник отдела кадров облздравотдела Приртышска Екатерина Леонидовна! Тут можно живописать:

«Сидевшая в кабинете молодая женщина не спеша убрала в стол помаду и зеркальце, взглянула на Антона черными, с синеватыми белками глазами.

— А, еще один птенчик?

...Маленький, изящный нос, черные, собранные на затылке волосы, черные, немного резковатые брови, легкий, как тень, пушок над уголками рта, смело очерченные, тонкие губы и в довершение ко всему черное платье с приколотой на груди веточкой сирени — все это цельно сливалось в один облик. Хороша! — с невольным восхищением отметил Антон».

Екатерина Леонидовна приехала инспектировать районную больницу Возняка, где только во второй раз встретилась с Антоном. Она начала с того, что в «забегаловке» купила бутылку коньяку, потом в комнате Антона прикрыла окно газетой...

«...Антон поднялся.

— Вы устраивайтесь, а я пойду в кабинет.

— Глупенький! Мы великолепно разместимся и здесь,— засмеялась Екатерина Леонидовна.— Надеюсь, комната у вас закрывается?

Она подошла к двери, дважды повернула ключ и уверенным, небрежным жестом коснулась выключателя.

В синеве прозвучал легкий гортанный смешок:

— Где вы, рыцарь?»

Как раз накануне той встречи Возняк получил письмо от жены, где Ольга писала, что он скоро будет отцом.

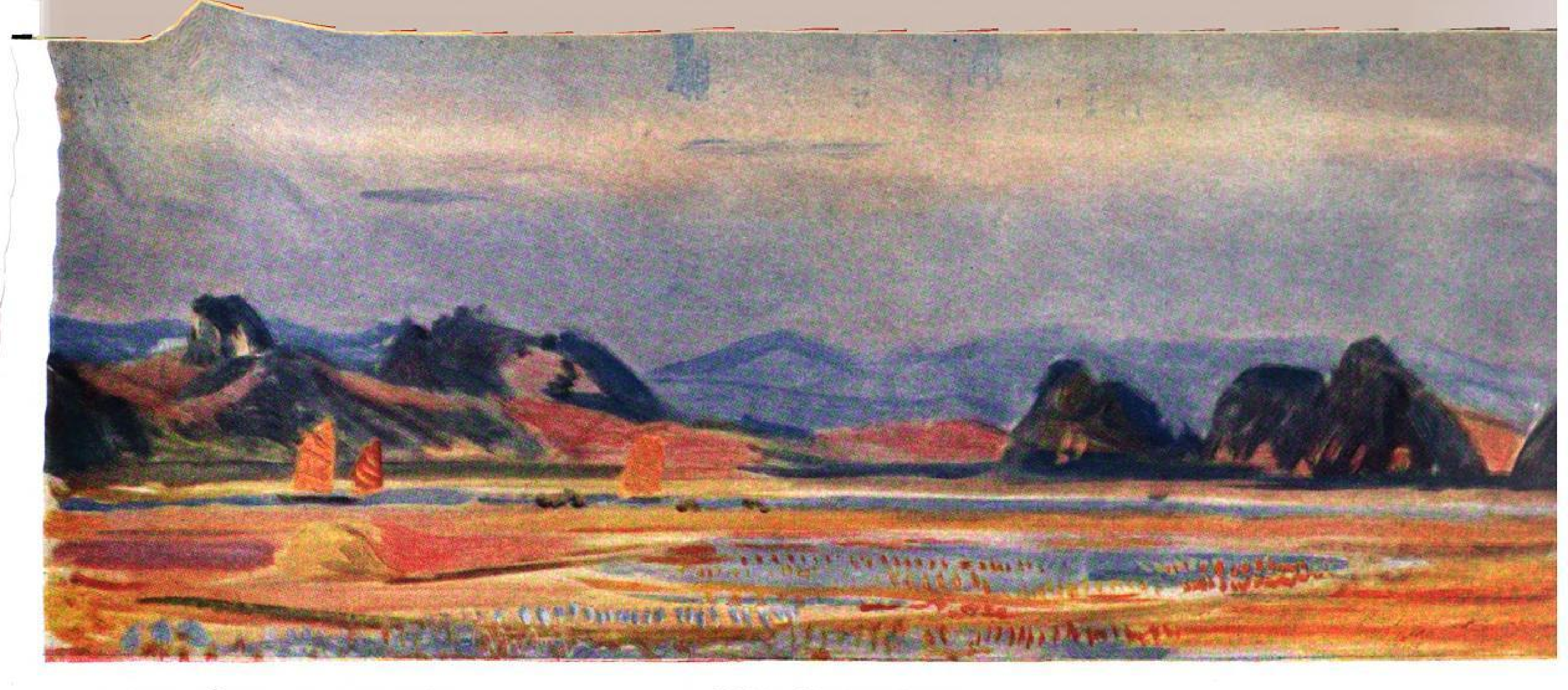
Возняк обрадовался? Нет. «Засмеялся: он — отец! Мысль поначалу позабавила его, но вскоре как-то примелькалась...»

Автор хочет выдать Антона за образцового героя, «недюжинного человека с завидной волей», «персонального стипендиата», «лучшего чтеца института», парня с «могучей, бездонной памятью».

И хоть бы на целую повесть одно яркое слово, полнокровный образ, запоминающаяся мысль! Ничего этого в повести нет. Зато там много пошлостей.

Пересказывать содержание остальных рассказов и повестей, включенных в книгу «Вторая семья» Н. Почивалина, значит пересказывать сплетни, рожденные на коммунальной кухне. Причем сплетни, рассказанные с сальной усмешкой, шепотом... заметьте, шепотом, а не во весь голос печатных изданий.

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

В РАЙОНЕ ДЕРЕВНИ ДИЕП АП. ВЕЧЕР.

ВЬЕТНАМСКИЕ ЭТЮДЫ

Д. Мочальский.

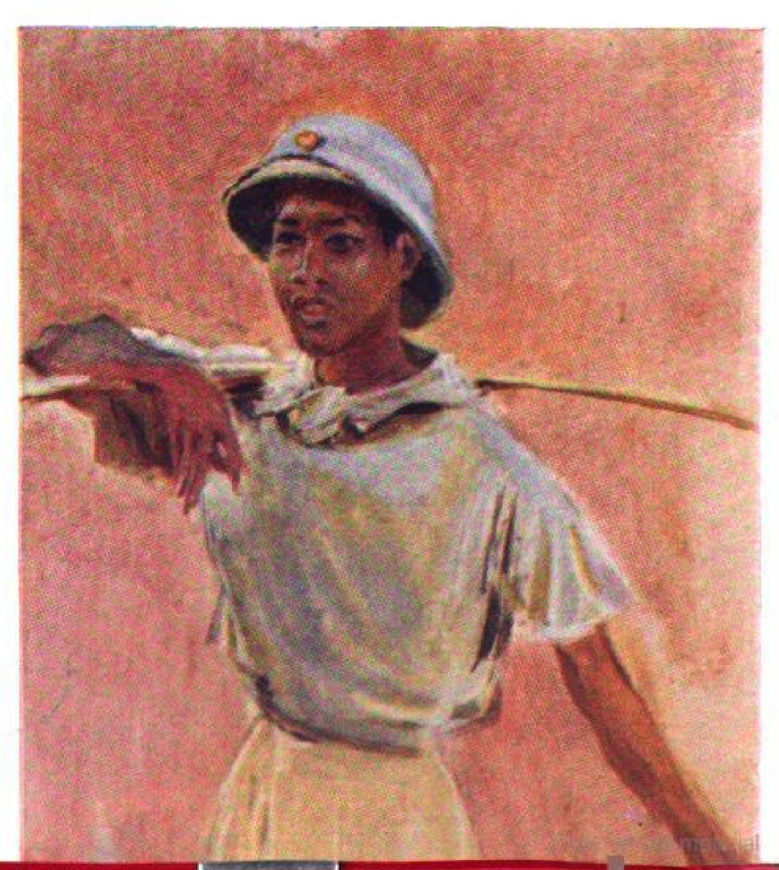
ВЬЕТНАМ. КАМФА. ШАХТЕРКА.

ШЫОНГ — УЧЕНИЦА ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА ХАЙФОНА.

КАМФА. УГОЛЬНЫЕ РАЗРАБОТКИ.

БАК ХИН ЧАЙ, СОЛДАТ, ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ СТРОИТЕЛЕЙ КАНАЛА.

ВЕРТОЛЕТ—КИНООПЕРАТОР И СТРОИТЕЛЬ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото А. Александрова и Н. Ананьева.

Пилот неподвижно закрепил вертолет в воздухе над площадью Декабристов.

— Иван Сергеевич! Нами получено необычное задание,— сказал главный конструктор вертолетов Игорь Александрович Эрлих, подавая письмо летчику-испытателю Григорьеву.— Ознакомьтесь, тут все подробно изложено.

Григорьев читал: дневные полеты по улицам Ленинграда, вдоль Невы, перескакивание через мосты, зависание над куполом Исаакиевского собора... Съемки круговой панорамы.

Воздушный строитель за работой.

Нет, таких полетов он еще не выполнял. Правда, однажды двухвинтовой вертолет, летающий вагон, участвовал в съемках. Но тогда он выступал в роли киноактера, тогда операторы снимали его.

А теперь вертолету надо перевоплотиться в кинооператора. Для съемки круговой панорамы конструкторы создали специальную установку с одиннадцатью камерами, работающими одновременно, в полной взаимосвязи. Но где на вертолете смонтировать эти кинокамеры, как сделать, чтобы зритель нового фильма сам ощутил себя крылатым?

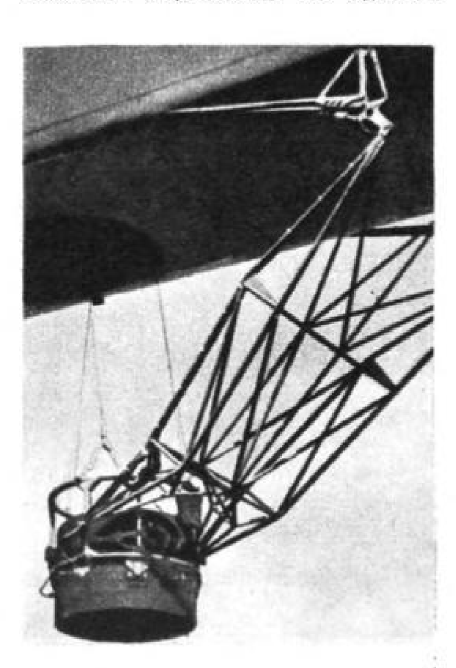
Авиаторы и кинематографисты встречались не раз, обдумывая всевозможные варианты. И создали наконец оригинальное выпускное устройство с контейнером, смонтировав его под брюхом вертолета. Внутри контейнера по кругу расположились все одиннадцать камер, соединенные проводом с пультом дистанционного управления в пилотской кабине. Контейнер с камерами выпускался на три метра вниз, и в объективы уже не могли попасть ни колеса, ни другие детали вертолета. Было создано и устройство, изолирующее аппаратуру от вибрации вертолета.

И вот наступил день, когда создатели будущего фильма, надев шлемофоны, сели в летающий вагон и отправились путешествовать по городу. Борт-инженер Б. М. Алеников уступил свое кресло рядом с летчиком кинооператору А. Г. Семину, а сам пересел в грузовую кабину.

Вертолет пересек Васильевский остров, вышел к Неве.

— Правее... Еще... Еще... Выше, метра три...— просил кинооператор летчика.

Найдя по просьбе кинооператора необходимую для съемок точку, с которой открывается круговая панорама площади Декабристов, летчик Григорьев закрепил вертолет в воздухе. Семин нажал кнопку на пульте, и в контейнере немедленно заработали все одиннадцать кинокамер. Когда весь заряд кинопленки был израсходован, вертолет вернулся на аэродром перезарядить кассеты...

Устройство с контейнером для съемки круговой панорамы.

...Медленно проплыли внизу шпили Петропавловской крепости, Адмиралтейства, блеснул купол Исаакиевского собора... Ленинградцы с интересом наблюдали, как вертолет мелькал то в просвете арки Главного штаба, то возносился над Александровской колонной, то вдруг почти касался крыш домов. Над Марсовым полем вертолет висел так низко, что гуляющие хорошо видели лица авиаторов.

Воздушный кинооператор еще парил в окрестностях Ленинграда, снимая последние кадры фильма круговой панорамы, а Эрлих с коллегами уже обдумывал, как сделать вертолет воздушным строителем. Надо было заменить на Екатерининском дворце в Пушкине 30 старых деревянных перекрытий, установить одиннадцать новых стальных конструкций. Эту работу может выполнить башенный кран за четыре — пять дней. Но монтаж и демонтаж его займут не менее полутора месяцев.

— Нельзя ли использовать на восстановлении дворца вертолет? — спросил заместитель председателя исполкома Ленгорсовета Е. Н. Стржалковский.

— Попробуем,— ответили авиаторы.

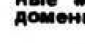
И, не теряя ни минуты, принялись за дело. На полигоне соорудили маленький макет: дворец с огоroom...

На заре, когда все в городе Пушкине еще спали, вертолет поднялся в воздух со стальным тросом и крюком. У штурвала сидели пилоты И. С. Григорьев и А. М. Артамонов. На полу прилег борт-инженер Б. М. Алеников, наблюдая за тем, что происходит внизу. Надо было точно подойти к ферме и аккуратно снять ее. Малейшее отклонение могло повредить кладке стен. И вот вертолет повис над крышей Тронного зала. Григорьев нажал у себя в кабине кнопку — крюк автоматически раскрылся. Стропальщики внизу подвели его к деревянному перекрытию. Неуловимое движение — и балка повисла на тросе...

Фермы весом по 2,6 тонны одна за другой опускались на землю каждые три минуты. Утром, когда горожане шли на работу, все тридцать стропил были уже сняты с крыши дворца.

Наступила очередь устанавливать стальные конструкции. Они лежали здесь же, на площадке, перед дворцом. Подняв первую двухтонную ферму, вертолет осторожно понес ее и точно установил на место. И затем летающий кран без заминок совершал рейс за рейсом. На установку всех конструкций ушло менее часа летного времени. Сроки восстановительных работ во дворце благодаря вертолету сократились на два месяца. Было сбережено несколько десятков тысяч рублей.

В недалеком будущем мы увидим летающие вагоны там, где прокладываются высоковольтные линии электропередач, газопроводные магистрали, где монтируются доменные печи и нефтяные вышки.

Диана Шелтон.

В центре США в середине XX века

Этот июльский номер американского журнала «Лук», как обычно, пестрит многоцветной рекламой.

«А вы ели сегодня суп?» —спрашивает смешной поваренок с журнального листа, на котором изображена тарелка, полная куриной лапши. И реклама советует: если уж есть суп, то только из консервированной куриной лапши фирмы «Кэмпбелл». На тот случай, если кто-либо из читателей журнала страдает отсутствием аппетита, помещена другая реклама. «Как возбудить аппетит?» — задает вопрос фирма «Сигрэм» и сама отвечает: употребляйте «Золотой джин» нашей марки. Бесчисленные яркие журнальные полосы наперебой убеждают, что продукты надежнее всего хранить в холодильниках, выпускаемых компанией «Дженерал моторс»; что отпуск лучше всего провести в автомобиле «Додж» выпуска 1959 года; что летнюю жару легче всего переносить в нейлоновых рубашках, изготовленных фирмой «Перкинс Х. Бейли».

Американская жизнь плотно укутана «Луком» в разноцветные журнальные рекламы. И вдруг где-то в конце журнала заголовок: «В центре США в середине XX столетия». Перед читателем встает портрет маленькой девочки с грустными глазами, с куском хлеба в руках. Подпись гласит: «Тяжелые времена, наступившие для ее семьи, привели к тому, что Диана Шелтон выглядит старше своих пяти лет и кусок белого хлеба для нее — редкий и восхитительный подарок».

Что же случилось с Дианой Шелтон? Почему ее не накормят вкусной куриной лапшой фирмы «Кэмпбелл»? Что происходит «в центре США в середине XX столетия»?

«На лицах, изображенных на этих страницах, отражено трагическое явление наших дней...— начинает журнал «Лук».— Некоторые люди в центре США страдают от острой нужды. Наша экономика никогда еще не достигала такого высокого уровня, и, однако, тысячи людей не знают, откуда придет к ним следующий цент».

Эти люди, о которых пишет «Лук»,— шахтеры. «За последние 35 лет, — говорится в статье — нефть и газ снизили спрос на уголь вдвое. А тот уголь, который требуется, в результате автоматизации можно добыть впятеро меньшим количеством людей».

Маленькая Диана Шелтон — дочь одного из тех многих тысяч шахтеров, которые оказались «лишними» на американской земле. Не для ее отца, безработного шахтера Хайрэма Шелтона из Кенвира, штат Кентукки, печатает рекламы «Лук». Ведь Шелтон даже не может прочесть их. О себе он рассказывает вот что: «Никогда в своей жизни я не провел ни одного дня в школе. Я не умею читать и писать. Я ничего не могу делать, кроме того, что я хороший шахтер. Я начал работать на врубовой машине, когда мне было 10 лет, вместе с моим дядей. Мой отец работал в шахтах 40 лет, пока не надорвался».

Хайрэм Шелтон, как сообщает «Лук», «оказался прочно зажатым в экономические тиски». Двадцать пять лет подряд он проработал на шахтах компании «Пибоди коул». В марте 1958 года компания прекратила свою деятельность, хотя в том пласте, который разрабатывал Шелтон, угля хватило бы еще на 60 лет. Некоторое время он жил на пособие по безработице, потом ему удалось найти место на небольшой шахте. Но через несколько месяцев и эта шахта была закрыта. «Без всякого дохода и без пособия по безработице, Шелтон отчаянно ищет работу, но не знает, где найти ее»,— пишет журнал.

Нет, не для Шелтонов рекламы «Лука»! Они не отправляются в путешествие на роскошном автомобиле «Додж» выпуска 1959 года. Они будут жить в своем покрытом сажей домике, который, по словам Омайли Шелтон, жены Хайрэма, «больше не годится для жилья». Их не волнует вопрос: «Как возбудить аппетит?» «Продовольственные излишки», которые они получают, выстаивая в очередях,— единственное, на что существует семья. И им мало дела до того, что рубашки фирмы «Перкинс Х. Бейли» помогают спастись от жары. Омайли вместе с другими женщинами Кенвира обсуждает другую проблему: почему так мало людей откликнулось на призыв церкви жертвовать старую одежду?

«Единственная вещь, которая имеется в изобилии в Кенвире,— это свободное время»,— сообщает «Лук». Вот оно, американское «изобилие»!

А. СЕРБИН

«Омайли Шелтон, 39 лет, может рассчитывать главным образом на свертки с правительственными «излишками продовольствия», чтобы накормить своих семерых детей».— говорится в подписи под этим фото в журнале «Лук».

А вот и очередь за «излишками продовольствия». Каждые два человека из девяти в Кенвире существуют на эти «излишки».

Безработные шахтеры. Слева — Х. Шелтон. Уже больше года он не может найти работу.

Для себя, детей и внуков

Н. МАР

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

— Заходите! Гостями будете...

Старый московский металлург Прокофий Николаевич Раков, вся жизнь которого связана с заводом «Серп и молот», радушно пригласил нас на свою дачу.

Так в минувшее воскресенье мы оказались в Вострякове, где на даче с детьми и внуками блаженствовал — жара-то какая в городе! — Прокофий Николаевич.

В красивом уголке неподалеку от дачи уютно устроился Алексей.

Сухопарый человек с тяжелыми, натруженными руками, он водил нас по всем уголкам сада и недавно отстроенной дачи. Что говорить, хороша! И сад хорош, и лес близок, и просторно: комнаты для старших, средних и самых младших членов большой семьи. А семья действительно большая. В воскресенье молодежь приехала из Москвы на дачу: купание отличное, ягод сколько хочешь, а к тому же и рыбная ловля...

Раковы сообща приобрели эту дачу, сообща растили этот сад. Разумеется, не без помощи государства.

Тридцать лет назад Прокофий Николаевич приехал в Москву из деревни, и биржа труда послала его чернорабочим на «Серп и молот». Поселился с молодой женой в общежитии. С этого, собственно, и началась московская жизнь. Много пришлось повидать подручному, сварщику и, наконец, старшему сварщику Ракову. Время работало на него! Дети росли. Завод дал квартиру, потом другую — попросторнее. А затем и дача появилась.

...За чаепитием у самовара собрались все Раковы, и мы смогли с ними познакомиться. Был тут вальцовщик Алексей — с отцом на одном заводе трудится,— поклонник футбола, плавания, хороших книг и быстрых автомобилей.

— А это моя жена Галина Васильевна и наш сын Толя. Ему шесть лет,— сказал он нам.— А это сестра...

Тамара Ракова — лаборантка одного из московских институтов.

— Я, можно сказать, представляю здесь семью Лосевых,— улыбнулась она.— Мой муж, токарь Евгений Константинович Лосев, и наша восьмилетняя Леночка задержались в городе... А обычно мы все здесь с субботы.

За столом сидели жена старшего сына, шофера Ивана (сейчас он в дальнем рейсе), Валентина Сергеевна с дочкой Люсей. И она работает лаборанткой, но не в институте, а на том же «Серпе и молоте».

Познакомили нас с младшей дочкой Ракова, Валентиной, и ее мужем Львом Насановским. Молодожены, они все время в сторонке и о чем-то перешептываются.

Члены большой семьи Раковых отдыхали в полном соответствии с возрастом, личными вкусами и склонностями.

Что касается Прокофия Николаевича, то он занялся любимым делом — возился с «дичками», которые пересадил на свой участок. Вопреки всем маловерам он утверждает: «Будут у нас свои яблоки!»

Хозяйка Анна Семеновна, предоставив заботу о воскресном обеде дочерям, отдыхала в тени. Маленькая Люся, надев на себя яркий резиновый круг, отправилась купаться в водоеме, а Алексей, укрывшись за густой листвой, наслаждался чтением и прохладой. А молодожены оживленно обсуждают проблемы, связанные с будущей комнатой в новом доме, который строит Валя.

...Мы рассказали о том, как в обычное, ничем не примечательное воскресенье отдыхает семья рядового советского рабочего. Дачей семья эта очень довольна, хотя тут же, в Вострякове, есть дачи и получше.

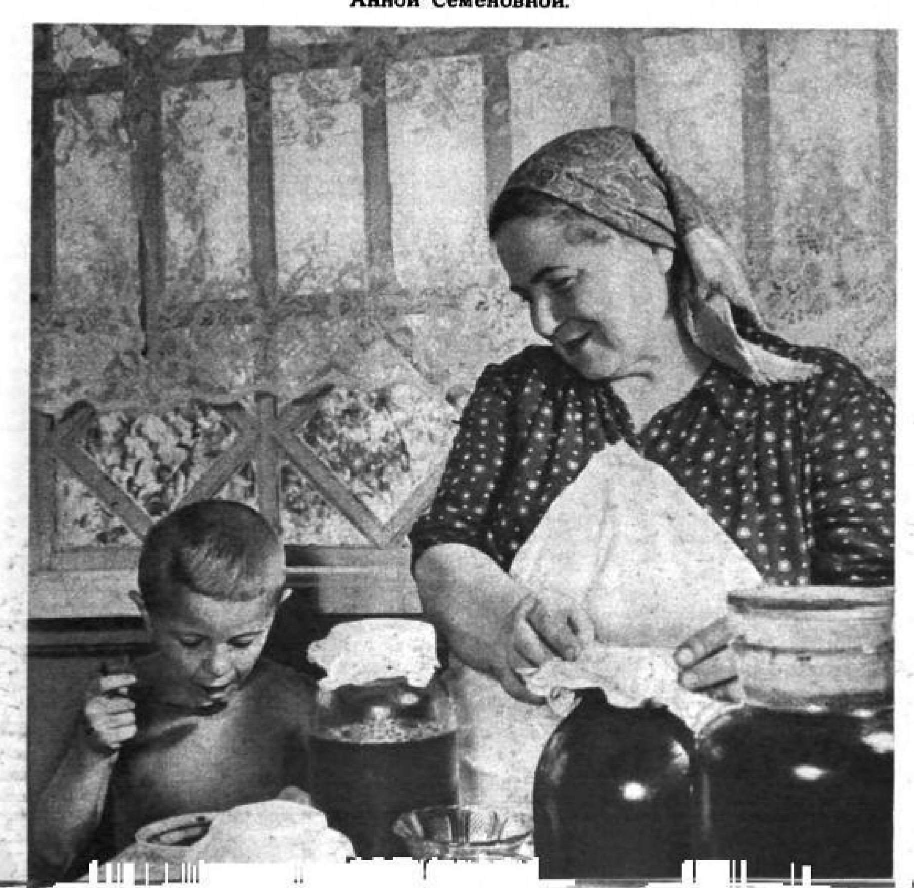
— Мы строили так, как нравится мне, жене, детям,— говорит хозяин.— Вот Толик вырастет, и у него к тому времени, наверное, будет дом получше, чем у деда...

Прокофий Николаевич Раков с женой Анной Семеновной на балкончике дачи.

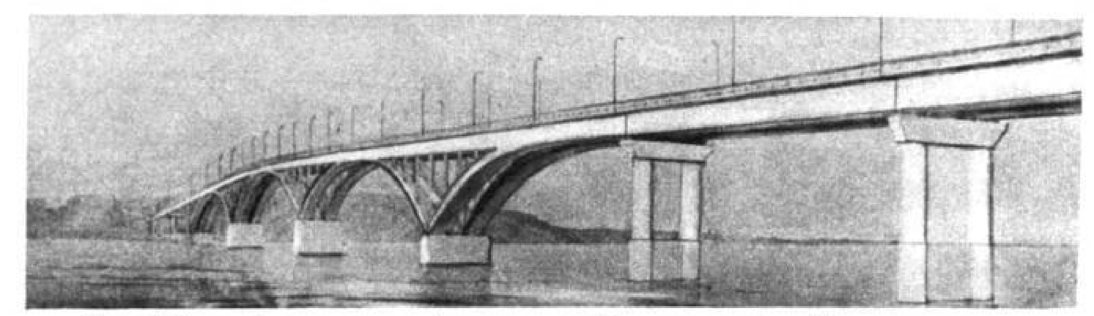
Толя — главный дегустатор разных сортов варенья, приготовленного Анной Семеновной.

— Куда пойти удить рыбу? — этот важный вопрос Толя обсуждает со своими друзьями.

Мост через Волгу

Самый большой автодорожный мост через Волгу строится сейчас между городами Саратовом и Энгельсом. Его длина — 2 800 метров. Через три главных пролета будут проходить суда.

Опоры моста из железобетонных цилиндрических оболочек с помощью вибропогружателя опустятся на глубину более 20 метров.

Проезжая часть моста состоит из полотна для автотранспорта шириной в 12 метров и двух тротуаров по 1,5 метра каждый.

Строительство моста намечено закончить в 1961 году.

Б. НАДЕЖИН

Штемпели на конверте

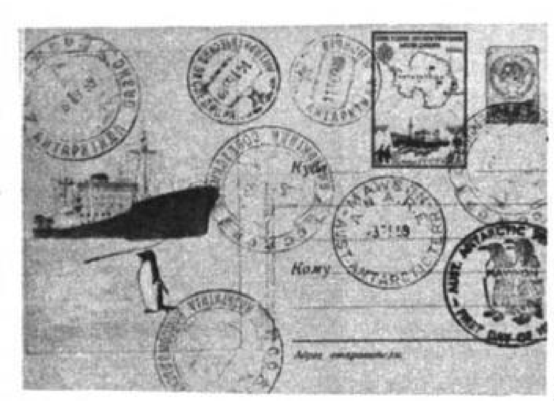
Около двух лет тому назад на Всесоюзном совещании молодых моряков я познакомился с Виктором Сергеевичем Сазонкиным — опытным полярником, который уходил в Антарктиду в составе Третьей экспедиции. Я попросил его тогда привезти с далекого континента конверт с почтовыми штемпелями советских станций в Антарктиде. Сазонкин мою просьбу выполнил. Недавно я получил такой конверт — своеобразное свидетельство о работе наших исследователей на ледяном материке.

Прибыв в Мирный 22 декабря 1957 года, Сазонкин попросил начальника радиоотряда экспедиции Федоренко поставить на конверте «отметку о прибытии». Так появились два первых оттиска штемпелей: «Антарктическая экспедиция» и «Мирный».

Затем Сазонкин был назначен старшим радиотехником станции Оазис — в 360 километрах к востоку от Мирного. Там на конверте появилось название этой станции.

В сентябре прошлого года из Мирного к полюсу относительной недоступности вышел санно-гусеничный поезд, радистом на котором был Виктор. Перед 41-й годовщиной Октября поезд достиг станции Пионерская. На конверте появился штемпель «Пионерская», а через неделю начальник станции Комсомольская Михаил Алексеевич Фокин поставил отметку своей станции.

С Комсомольской Виктора Сазонкина отозвали в Мирный. А конверт был передан штурману санно-гусеничного поезда Юрию Авсюку. Как известно, этот поезд успешно достиг не только станции Советская, расположенной в 1 420 километрах от Мирного, но и наиболее удаленного от побережья места — полюса относительной недоступности Антарктиды. К сожалению, почтовый штемпель для этой станции еще не был изготовлен. И конверт только «испытал» на себе лютые морозы антарктического лета.

Вот они, отметки антарктических почтовых отделений.

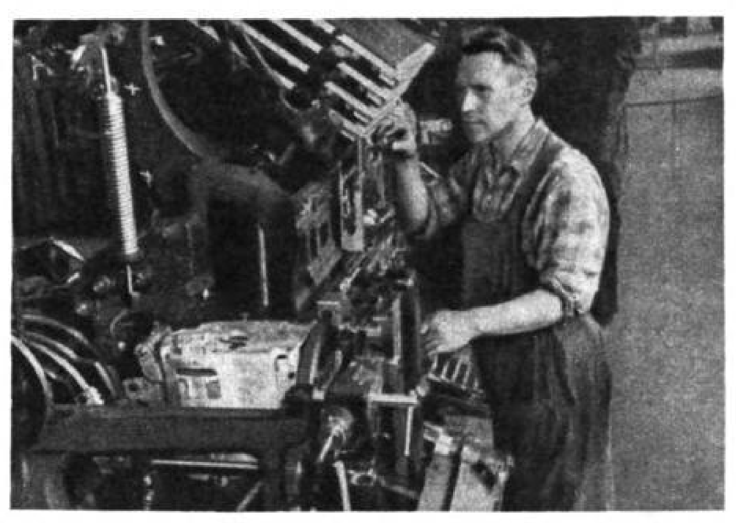
Дизель-электроход шел к Земле Королевы Мод, где намечалось создание новой советской научной станции Лазарев. Виктор Сазонкин был на теплоходе радистом. По пути корабль зашел на австралийскую полярную станцию Моусон. И здесь гостеприимные хозяева засвидетельствовали визит советских исследователей двумя штемпелями.

На шельфовом леднике Земли Королевы Мод появилась станция Лазарев. Но весь конверт был уже заштемпелеван, и новую отметку пришлось сделать на бланке радиограммы.

С. ОСОКИН

ОТ КРАЯ

Автомат набирает текст

Поточно-конвейерная сборка линотипов. Руководитель бригады, соревнующейся за звание коммунистической, механик-регулировщик Л. Т. Михайлов.

Фото В. Лосина.

Ленинградский завод полиграфических машин не гигант. По своим размерам он, что называется, средний. Но стоит заглянуть в цехи, как сразу ощутишь творческий накал, характерный для всех предприятий Ленинградского экономического района, соревнующихся за семилетку в шесть лет.

Совсем еще недавно на Всемирной выставке в Брюсселе серийный линотип «Н-7» был удостоен Большой золотой медали. А сегодня эта современная полуавтоматическая машина уступает место линотипу «Н-10» — автомату: он будет набирать текст без участия полиграфиста.

Двадцать пять тысяч знаков в час! Новый линотип сможет передавать текст на большое расстояние как по телеграфу.

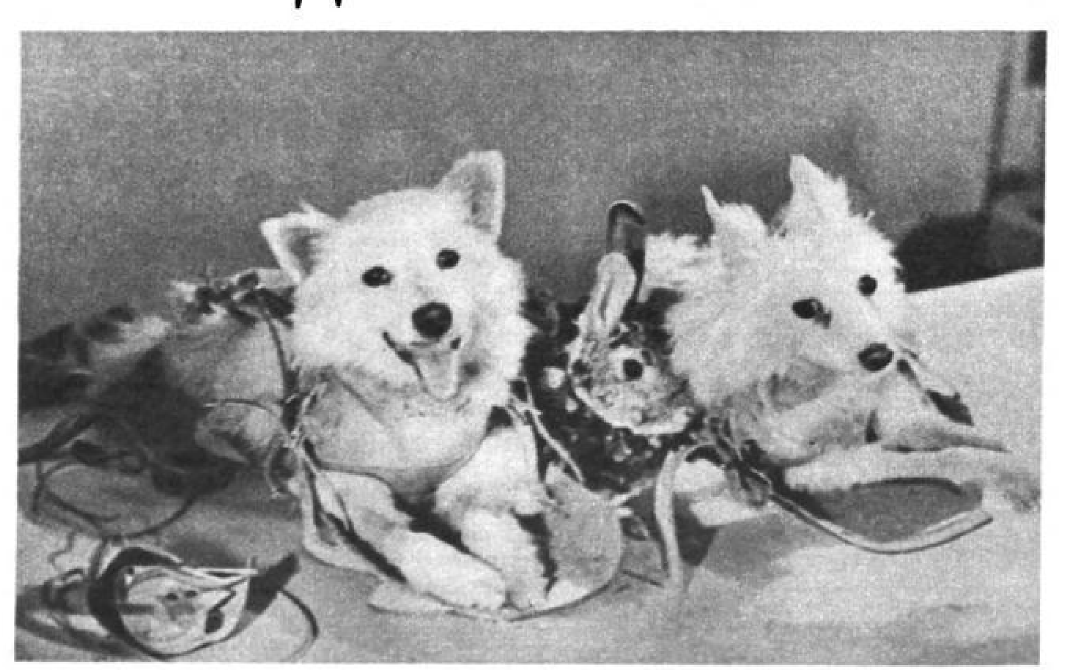
На заводе идет сборка электронной фотонаборной машины для иллюстрированных многокрасочных изданий. Она избавит полиграфистов от применения дефицитных свинцово-оловянистых сплавов и латунных матриц, оздоровит условия труда.

Еще недавно линотипные матрицы обрабатывались отдельно на каждом станке, и это занимало 32 операции. Деталь путешествовала с одного станка на другой. А сейчас станки спаривают. Деталь закладывают в магазинную коробку, и она сама после обработки автоматически переходит со станка на станок. Эта небольшая цепочка — начало будущей автоматической линии.

В сборочном цехе завода построен специальный конвейер; цикл сборки каждого линотипа сокращается с 20 до 7 дней. Освобождается производственная площадь, меньше становится рабочих.

К. КОНСТАНТИНОВ

ДРУЖНЫЙ ЭКИПАЖ

Дружный экипаж геофизической баллистической ракеты перед полетом.

В лаборатории врача-экспериментатора не оказалось.

— Он тренирует животных,— сказали нам.— Пройдите в аппаратную.

В большой, светлой комнате гудит мотор, быстро вращая металлическую раму, на которой прикреплено кресло. В кресле сидит маленькая собачка. Врач стоит возле, наблюдая за секундомером.

— Это Отважная,— говорит он.— Проходит тренировку на центрифуге. Сейчас на нее действуют перегрузки, такие же, как при полете на ракете.

В соседней комнате на вибростенде тренируют собаку Снежинку. Она сидит на небольшом квадратном столе, который сотрясается частой сильной дрожью. Собаку словно бьет лихорадка, но она спокойно переносит это.

— Результат длительной тренировки,— объясняет лаборантка.

— А где другие космонавты?

— Собака Жемчужная в рентгеновском кабинете. Ей делают снимок грудной клетки.

Когда занятия с собаками закончены, врач рассказывает о своих питомцах. Для полетов на большие высоты подбирают небольших, абсолютно здоровых собак. Масть должна быть фотогеничной (ведь в полете их снимает киноаппарат), а характер — мягкий и терпеливый.

Последними качествами вначале не отличалась Отважная. В питомник она попала прямо с улицы, тощая, грязная. Когда к ней подходили, скалила зубы, ворчала, кусалась, но потом оказалась очень отзывчивой на ласку и быстро привыкла к своему воспитателю.

Собаке сшили специальный костюм, к которому крепятся проводники от приборов, фиксирующих дыхание, сердцебиение и другие физиологические функции. Затем, приучив ее к такой «одежде», начали тренировать в лаборатории. Собаку приучали подолгу оставаться неподвижной в контейнере, не бояться треска киноаппара-

ДО КРАЯ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ УПРАВДОМ

Идет по улице молодая женщина, смуглолицая, зеленоглазая, с длинными темно-русыми волосами, в модном пальто. Студентка? Актриса? Нет, это управдом Ильзе Каллас.

— Пойдемте в наш клуб,— говорит она с улыбкой.— Наше домоуправление № 13— единственное во всем Таллине — имеет свой собственный настоящий клуб.

Вместе мы идем на улицу Роху.

Одиннадцать лет назад двадцатилетней Ильзе была предложена работа управдома.

— Я, конечно, боялась вначале,— рассказывает она.— Мальчишки гурьбой носились по улице, били мячом стекла. А теперь им некогда этим заниматься: вот здесь, видите, площадка для игр, там — спортивная площадка, дальше — каток. У нас очень сильные футбольная и хоккейная юношеские команды. Около ста дошкольников и младших школьников занимаются самодеятельностью. Уже шесть лет ежедневно работают с ребятами преподаватели Эрнст Каннель и Прийт Кууск. В часы занятий дежурят бабушки и дедушки. У нас чудесные костюмы и декорации, все сделали родители...

— А где отдыхаете вы сами?

— Здесь же! Взрослые сначала позавидовали ребятам, а потом создали свои кружки: драматический и хоровой. Вечерами я пою здесь в хоре.

— Но ведь это не все: на четырех республиканских выставках художников-любителей мы видели ваши акварели!

Ильзе улыбается.

— Хорошо! Приходите вечером в старый город, на улицу Толли.

И вот вечер. В Летнем парке на Раннамяэ нежно шелестят листвой высокие деревья. Ильзе стоит у мольберта.

Н. ХРАБРОВА

Ильзе Каллас с ребятами в клубе домоуправления.
Фото С. Розенфельда.

Спутник адмирала Макарова

В дни, когда заканчивается постройка первого в мире атомного ледокола «Ленин», исполняется шестидесятилетие пионерного плавания «Ермака». Как известно, этот «дедушка ледокольного флота» был построен по замыслу известного русского ученого и флотоводца адмирала С. О. Макарова. И хотя тогда, в 1899 году, адмиралу не удалось пройти, как он мечтал, «напролом к полюсу», поход «Ермака» открыл новую страницу в полярном мореплавании.

Придавая большое значение популяризации ледокола, Макаров пригласил с собой в плавание молодого живописца Е. И. Столицу. В экспедиции художник сделал множество зарисовок. По возвращении он написал картину «Ледокол «Ермак», которая в 1900 году демонстрировалась на всемирной выставке в Париже.

Вот что писал Степан Осипович Макаров в книге «Ермак» во льдах» о своем молодом спутнике:

«Художник Евгений Иванович Столица — ученик профессора Куинджи, рекомендован был мне вице-президентом императорской Академии художеств графом Толстым. Он так пристрастился к полярной природе, что целые дни проводил в торосах, и мы часто впоследствии побаивались, чтобы какой-нибудь любопытный белый медведь не обеспокоил его своим нежданным посещением...»

Во время русско-японской войны художник-патриот участвовал в обороне Порт-Артура, создал серию батальных картин, часть которых хранится в Военно-морском музее в Ленинграде. В 1909 году Е. И. Столице было присвоено звание академика живописи. После Октябрьской революции Евгений Иванович был активным участником Ассоциации художников революционной России (АХРР). Его работы показывались на многих выставках в Москве и Ленинграде, а в 1929 году, в год смерти художника,— на международной выставке в Кельне.

Евгений Иванович Столица ведет зарисовки на борту ледокола «Ермак» во время шторма. Чтобы не быть смытым волнами, художник привязан к сиденью. Снимок 1899 года.

Сохранился интересный дневник Е. И. Столицы, посвященный плаванию на «Ермаке».

«Все виденное мною позволяет думать, что недалеко то время, когда на судах этого типа любители сильных ощущений будут совершать прогулки к Северному полюсу,— писал художник.— Действительно такие прогулки для человека со здоровыми нервами полны захватывающего интереса. Величие природы выступает здесь с особенной силой. Никакие самые яркие описания не в состоянии передать действительности из этого царства вечных льдов...».

В наши дни успехи советских полярников далеко превзошли самые смелые мечты адмирала Макарова и его спутника — молодого художника.

ОЛЬГА СТОЛИЦА

С дипломом советского института

С дипломами инженеров возвратились на родину — в Китайскую Народную Республику — недавние студенты Днепропетровского металлургического института. Из 24 молодых китайцев, окончивших институт, 16 выпускников получили дипломы с отличием.

В. ПРОНЬ,
преподаватель Днепропетровского металлургического института

→ Группа инженеров-выпускников перед отъездом из Днепропетровска на родину.

Фото М. Робертса.

та и шума приборов. После этого собака дважды поднималась на большую высоту, хорошо переносила космические вояжи и получила кличку «Отважная».

— Теперь она готовится к полету вместе с другими животными,— говорит врач.— Отважная не только сама хорошо работает, но даже ворчит, а то и покусывает своих подруг, если те ленятся или делают не то, что нужно.

В аппаратную вносят большую серую крольчиху.

— Марфушка! Марфушка! — зовет врач.

Марфушку сажают на лоток и покрывают гипсовой повязкой, оставляя свободными только нос и глаза. Крольчиха сначала брыкается, потом замирает, видимо, покоряясь судьбе.

— Для исследования надо, чтобы в полете Марфушка сидела неподвижно,— объясняет врач.— А характер у нее живой и строптивый.

...Большой пассажирский самолет набирает высоту и берет курс на ракетодром, откуда запускаются геофизические баллистические ракеты. Подопытные животные ведут себя в самолете по-разному. Отважная сама охотно поднялась по трапу в кабину и сейчас спокойно спит, растянувшись у ног своего воспитателя. Снежинка — менее опытный авиатор и космонавт, нервничает, а Жемчужную в самолете укачивает. Крольчиха равнодушно дремлет в своей клетке.

...Раннее летнее утро. На старте направлена в зенит геофизическая баллистическая одноступенчатая ракета. Ее гигантский силуэт четко вырисовывается на фоне безоблачного неба.

Отважную, Снежинку и Марфушку снаряжают в полет. На лапы надевают электроды, на грудь и на шею — датчики, замеряющие дыхание и кровяное давление. Затем собак несут к ракете и лебедкой поднимают к кабине. Снежинка, видимо, вспомнив неприятные переживания в первом полете, жалобно скулит. Отважная, напротив, спокойна. Только когда ее сажают в отсек для животных, она, словно прощаясь, лижет руку своему воспитателю. Вслед за собаками в контейнер помещают загипсованную Марфушку и герметически закрывают люк.

Команда: «Запуск!» Из хвостовой части ракеты вырывается сноп пламени. Ракета вздрагивает, плавно покачивается и медленно, словно с трудом преодолевая тяготение, отделяется от земли. Но скорость движения нарастает с каждой секундой. И ракета исчезает из глаз, с ревом взвивается в небо, словно растворяясь в его бездонной синеве.

Наблюдение продолжается через оптические приборы. Врачи, склонились над осциллографическими трубками: их световые импульсы сообщают, что животные живы, что они дышат, что сердца их бьются.

После полета Отважная проголодалась.

Фото В. Николаенко.

Все с волнением смотрят в небо. Высоко видна тонкая дымовая полоска. Ее оставляет за собой раскаленная трением о воздух головная часть ракеты с подопытными животными. Потом дымовой след исчезает, и небо снова кажется пустынным. Но вот теперь, уже гораздо ниже, появляется парашют. Все с облегчением вздыхают. Спасательная система сработала безукоризненно. Животные и аппаратура будут сохранены.

Все садятся в вертолет и отправляются к месту приземления парашюта. Его купол еще наполнен ветром и, словно гигантский парус, тащит контейнер по земле. Парашют гасят, открывают люк и вынимают четвероногих космонавтов.

Первой от костюма и проводников освобождают Снежинку. Потрясенная огромными перегрузками, она сразу ложится на землю и, высунув язык, тяжело и часто дышит. Отважная чувствует себя лучше. Она отряхивается и тявкает, словно приветствуя возвращение на родную планету. Когда врач предлагает ей кусочек колбасы, Отважная быстро встает на задние лапки и с аппетитом ест. Впрочем, от колбасы не отказывается и Снежинка. Хорошо чувствует себя после подъема на большие высоты и крольчиха. Ее разгипсовывают и, держа за длинные уши, сажают в клетку. Марфушка обиженно фыркает, но, увидев капусту, усердно принимается за еду.

Животных доставляют в полевую лабораторию, тщательно исследуют, измеряя давление крови, работу сердца, дыхание. Отважная лучше всех переносит полет. Почему? Видимо, ее организм уже приспособился к перегрузкам и она теперь знает, как надо себя вести при этом.

Кадры, заснятые в полете, показывают, как при подъеме сила ускорения прижимает животных к лоткам. Снежинка поворачивает голову в сторону, стараясь поднять ее выше. В глазах животного тоска, испуг. А Отважная сразу кладет голову на вытянутые лапы, то есть принимает позу, при которой лучше всего переносить перегрузку, и терпеливо ждет, когда это кончится.

А когда наступает состояние невесомости, Отважная поднимает голову, облизывается и с интересом смотрит через круглый иллюминатор.

А. ГОЛИКОВ, И. КОСОВ

Фото В. Полунина.

Фельетон

А. СПЕКТОРОВ, Е. ВЕЛТИСТОВ

«Всякий знает паука так же хорошо, как муравья, бабочку, жука,— писал А. Э. Брем.— Действительно, особенности внешнего строения пауков таковы, что запомнить паука очень легко».

Распознать двуногого паука труднее. Но внимательно вчитавшись в Брема, мы нашли сходные черты двуногого и членистоногого пауков. И те и другие выбирают углы потемнее, не охотятся при ярком солнце, ткут свои паучьи гнезда и ловчие сети в норах и логовищах, ожидая лакомой добычи.

Вот такой-то паук — Ариф Гейдарович Нагиев — и приютился на одном из московских заводов в роли начальника отдела снабжения. Нагиев выдавал себя за «остро нуждающегося» в жилье, и завод выделил ему отдельную квартиру. И вдруг те, кто еще вчера поздравлял новосела, увидели фотографии трех дач.

— Как, все это принадлежит нашему Нагиеву?! — поразились на заводе.

Да, А. Г. Нагиев оказался владельцем трех дач размером в 300 квадратных метров в подмосковном поселке Отдых. Образ паука начинал вырисовываться...

«Все пауки — хищники»,— учит Брем.

В этом мы убедились, заглянув за глухой двухметровый забор, который скрывает от любопытного взора три дачи Нагиева (Раменское шоссе, 21). Красивую двухэтажную дачу занимает отец Арифа Гейдаровича — Гейдар Ганиевич Нагиев с молодыми домработницами. Он считает себя управляющим дач Нагиева-младшего, а для скромности называется домовладельцем.

В другой двухэтажной даче с мансардами обитают дачники, которые платят «домовладельцу» деньги вперед. В третьей даче живут тридцать рабочих-курсантов Министерства строительства электростанций СССР. Здесь обстановка иная, нежели в увешанных коврами комнатах Нагиевых: немытые полы, грязные матрацы, спертый воздух. Однако Нагиев получает ежемесячно по 120 рублей с человека. За последний год министерство вложило в карман паука 50 тысяч рублей.

Работники райсовета Москворецкого района столицы, где Нагиев-отец имеет постоянную прописку, пишут о нем так:

«Г. Г. Нагиев в быту выглядит, как старый купец: ходит в золотых кольцах, с палкой из слоновой кости. Годами не проживает в своей комнате по Б. Ордынке, д. 9/4, кв. 4. Она служит гостиницей для приезжих».

Нас Г. Г. Нагиев встретил не в кольцах, но с палкой в руках. Чего же испугался «домовладелец»?

Во-первых, Нагиевы не прописывают жильцов и увертываются от уплаты налогов. Во-вторых, они боятся разгласить тот факт, что курсанты бесплатно работают на их участке. А в-третьих, только перед нашим приходом Г. Г. Нагиев вбил в столетнюю сосну железные костыли.

Для чего? Очень просто: он хочет эту сосну засушить, а потом срубить ее как сухостой. Она ему мешает. Она, эта бездоходная сосна, занимает место, на котором можно посадить доходное растение.

Увидев однажды угрозу своему благополучию, Г. Г. Нагиев с помощью не очень грамотного адвоката составил письмо в самую высокую инстанцию.

Г. Г. Нагиев уничтожает столетнюю сосну.

Сам себя он аттестовал так:

«От бывшего красногвардейца и революционера, персонального пенсионера Нагиева Гейдара Ганиевича».

Гражданин Нагиев в этом письме врет. Пенсионер он не персональный. Вот справка отдела социального обеспечения исполкома Москворецкого райсовета от 25 июня 1959 года: «Нагиев Г. Г. получает трудовую пенсию (по старости) с 9. VIII—1957 года в сумме 600 рублей в месяц».

Почему именно 600? Потому, что на последнем месте своей работы — директором магазина в Баку — Нагиев получал 1 200 рублей.

«От себя лично и от имени моих детей я обращаюсь к Вам с просьбой о помощи»,— так начинает свое письмо обеспокоенный Нагиев.

Прочитав эти строки, можно подумать, что гибнет человек и его дети. Надо их срочно выручать

Три дачи Нагиевых.

К Нагиеву приехала машина дома отдыха за покупкой цветочной рассады.

в поселке Красный бор на станции Отдых персональное бетонное убежище.

А вот случай, когда уже в роли паука выступает дача, запутавшая в своей паутине ответственного работника. Выросла эта дача в том же поселке Кратово. Дача как дача: бревенчатая, с мансардой, на кирпичном фундаменте. Но было у дома одно щекотливое неудобство: он стоял в запретной для строительства зеленой зоне. Много лет отклонялись заявления на этот участок, а начальнику Мосгоржилуправления Д. Н. Смирнову его сразу дали.

Однажды Смирнов вызвал в свой кабинет подчиненного ему начальника отдела контроля за дачными кооперативами М. Ф. Александрову и сказал ей: «Хочу строиться!» Злоупотребив служебным положением, Смирнов стал владельцем и лесоматериалов и участка вдвое ,большего, чем разрешено под строительство индивидуального дома.

Старшие товарищи осудили Смирнова и посоветовали ему выйти из кооператива «Инженер». Смирнов несколько раз обещал, но не выполнял слова. И вот 17 апреля этого года он наконец подал заявление о выходе из кооператива. Дату мы упомянули потому, что в тот день в одной из газет появилась критическая статья о кооперативе «Инженер». Все же экстренное собрание не смогло исключить Смирнова из списка пайщиков, так как он не явился на собрание. Не решился Смирнов расстаться с дачей и, чтобы больше не колебаться, посадил кусты смородины.

Затянув это расставание, начальник Мосгоржилуправления забыл про свои обязанности и не контролировал дачные кооперативы. А между тем росли дачи в зеленой зоне. Кооперативы самовольно изменяли генеральные планы поселков, застраивали проезды, детские площадки, дороги. Правления разрешали дробить участки: каждый новый сопайщик—а их порой бывало до девяти на одном участке — делал себе пристройку, заводил цветник, сад, огород, разрушая корни деревьев, которые вскоре засыхали. Конечно, появлялись у начальника Мосгоржилуправления порывы пресечь злоупотребления, но паутина собственной дачи сковывала его действия...

Дача — место для отдыха. И мы против того, чтобы дача становилась источником личного обогащения, превращая человека в паука-стяжателя. Сеть домового паука, говорит Брем, «можно найти в комнатах, за чистотой которых не очень следят».

Значит, там, где накопилась липкая паутина, надо ее беспощадно смахнуть, чтобы она больше не скрывала паучьи гнезда.

из беды. А «беда» заключалась в том, что Нагиевы самовольно прирезали к своему участку в 4 тысячи квадратных метров еще две с лишним тысячи и райисполком принял решение изъять захваченную землю.

Но вот уже больше года ни райисполком, ни Мособлисполком не выполняют своих собственных решений. Беззакония пауков Нагиевых давно известны и Ильинскому отделению милиции.

Пауки бывают разные. Брем по этому поводу пишет: «Окраска пауков очень разнообразна и иногда бывает яркой и пестрой».

Мы, наоборот, теперь хотим познакомить читателя с пауком, окраска которого чрезвычайно скромная.

Алексей Ильич Струков, начальник строительного треста в городе Жуковском, не воздвиг прекрасных хором, а поставил на участке невзрачную шлакобетонную халупу.

Алексей Ильич, как и его сосед Нагиев, любит вишню. Перед тем, как на участке появились десятки плодовых деревьев, здесь были уничтожены сосны. Расчет не обманул Струкова: в прошлом году сад дал ему 25 тысяч рублей прибыли.

Щупальца паука протянулись в государственный карман. Машины треста привозили дачнику Струкову перегной, автокраны треста сажали ему деревья, рабочие треста столярили. Всего в полукилометре от усадьбы Струкова находится его городская отдельная квартира в Жуковском.

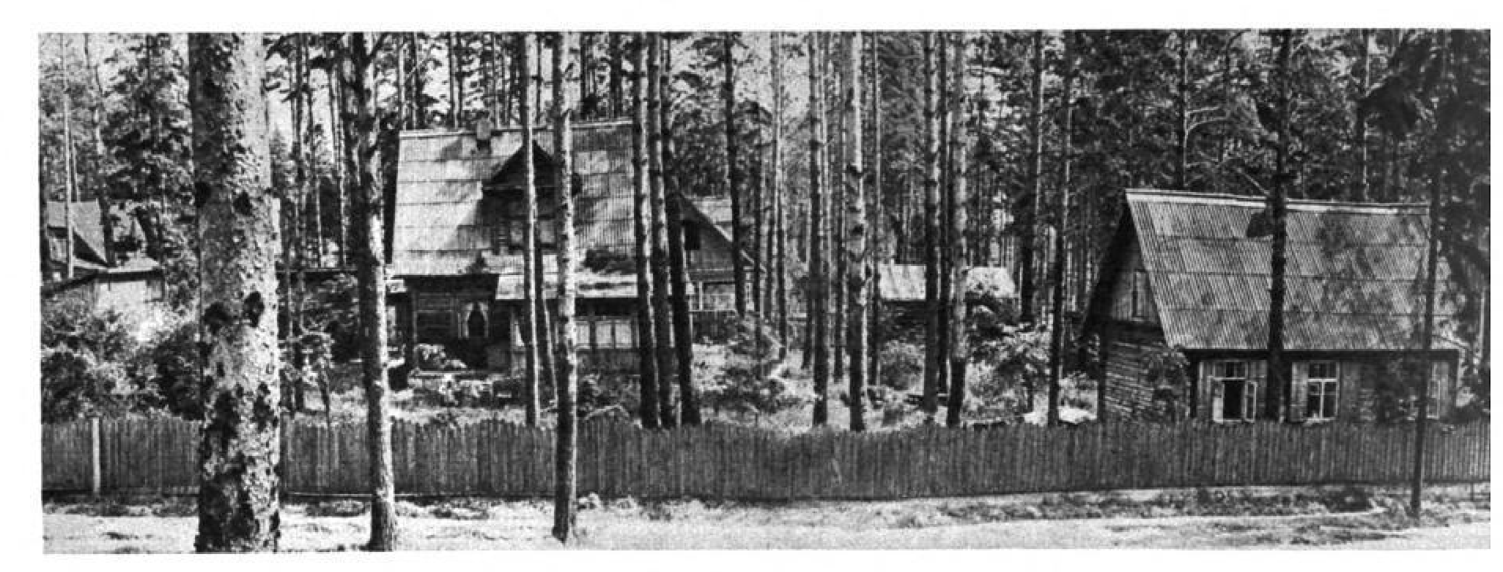
— Ягодки мы собираем, и ладно,— говорил Струков своему соседу А. Н. Пузанчикову.— Чтобы люди глаза не пялили, строй пока времянку из шлакоблоков. А как выгонят нас с работы, так мы какие хотим дома поставим!

И Струков, отложив пока собственные строительные дела, развернулся по линии садоводства, птицеводства и животноводства. Он завел кроличью и птичью фермы. Правда, первая ферма еще небольшая—в десять семей, и хозяин надеется на быстрое размножение зверьков. Но сто пятьдесят кур породы «леггорн» дают ощутимый доход. Каждое утро теща Струкова отправляется торговать свежими яйцами. На кратовском рынке говорят, что у Струковых будет скоро персональная торговая палатка.

К сожалению, Нагиев и Струков не одиноки. Рядом с ними работник юстиции Д. В. Белогур умудрился на одном участке на берегу Кратовского озера поставить пять дачных строений! Бывший работник «Метростроя» С. Р. Таубкин устроил в своей двухэтажной даче

Фруктовый сад Струкова.

За забором у работника юстиции Д. В. Белогура.

Под этой дачей устроено бетонное убежище.

Новые марки

В честь советской выставки в Нью-Йорке Министерство связи СССР выпустило две почтовые марки. Они воспроизводят эмблему выставки и двадцатиэтажное здание «Колизея». Текст на марках на русском и английском языках. Автор рисунка — художник В. Климашин.

М. МИЛЬКИН

ЗАСТЫВШИЙ ВОДОПАД

В конце марта этого года группа туристов совершала поход по Центральным Саянам и посетила Гутарский водопад. Перед нашими глазами открылось поистине фантастическое зрелище каскада льда среди отвесных скал. Водопад застыл, точно сохранив свою форму. В ледяном плену оказались и отвесно падающие струи и клубящийся поток.

Мастер спорта СССР
Р. КОРОЛЬ

Длиннохвостая лакомка

Я посадил на бахче арбузы и дыни. Однажды перед вечером я нашел на пригорке созревшую небольшую дыньку. Хотел было сорвать. Но потом решил: пусть еще подрастет.

Утром прихожу на то место, а ее нет! Вот и примета: подсолнух растет, — а спелой дыни не видно. «Видно, какой-то злой человек сорвал дыню», — подумал я.

Решил ночью караулить. Ночь темная. Ничего нельзя рассмотреть на бахче. Сижу и слушаю. Все спокойно. Только в степи без перерыва трещат кузнечики.

Над горизонтом протянулась желтая полоса, предвестница утра. Смотрю, бежит собака моего соседа. Нет, какая там собака, это лиса. Уж не к колхозной ли птицеферме путь держит?

А лиса направилась прямо к дыням, стала носом тыкать по плодам, точно ища мышей. Вот она нагнула голову, схватила зубами маленькую дыню и потащила в степь.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Моды

Рис. Н. Голиковой.

Недавно в Праге закончился Международный конгресс мод. Особое внимание было уделено одежде полных женщин и подростков.

На 4-й странице обложки этого номера мы печатаем некоторые из этих моделей.

Выходной ансамбль из льняной ткани для девушки. Платье отделано прошивками. Легкое голубое пальто на темно-розовой подкладке.

Рига. Рижский дом моделей.

Платье из полосатой ткани для девушки. Юбка в бантовых складках. У пояса подвесной карман в виде кошелька.

Прага. Текстильна творба.

Платье и шляпа из льняного полотна; отделка из полосатого сатина. Платье отрезное, по талии небольшие сборки. Пояс широкий, подкройной.

Такой удобный для жаркого летнего дня костюм предназначен для полных женщин.

Москва. Общесоюзный Дом моделей.

Костюм из клетчатой ткани, отделан тесьмой. Полная женщина в этом костюме прямой формы будет элегантна.

Прага. Текстильна творба.

Ансамбль — пальто и платье — рекомендуется полным женщинам. Паты карманов расположены чуть ниже талии; от них вверх идут раскрытые вытачки. Это скрадывает полноту фигуры. Цветные шляпа и перчатки делают ансамбль нарядным.

Москва. Общесоюзный Дом моделей.

После выступления «Огонька»

ПЕРЕИЗДАНИЕ КНИГИ Л. П. САБАНЕЕВА

В номерах 10 и 38 журнала «Огонек» за 1958 год были высказаны пожелания читателей и особенно рыболовов-любителей о том, что нужно переиздать книгу Л. П. Сабанеева «Рыбы России», которая стала библиографической редкостью. Государственное издательство сельскохозяйственной литературы Украинской ССР взяло на себя инициативу выпустить эту замечательную книгу видного ученого. Переиздание книги осуществляется по третьему, последнему изданию, которое было в 1911 году. К работе над книгой Л. П. Сабанеева были привлечены лучшие специалисты-ихтиологи Украины.

Книга выйдет в свет во втором полугодии под названием «Жизнь и ловля пресноводных рыб». В книге помещено более трехсот иллюстраций.

М. ЛИТВИНОВ,
редактор издательства

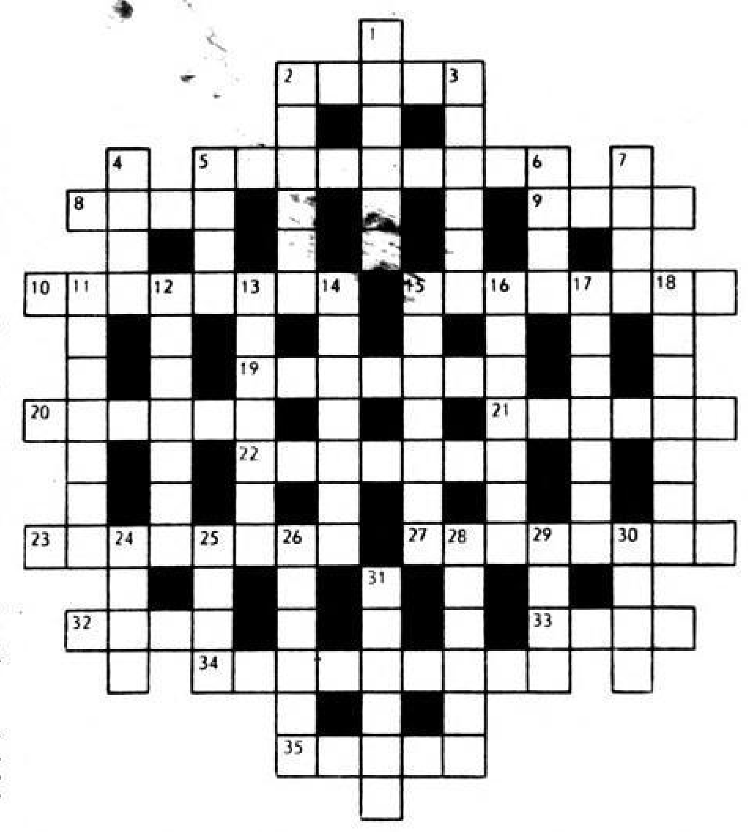
СЛУЧАЙ НА ОСТАНОВКЕ

Изошутка И. Оффенгендена.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Рыболовная сеть. 5. Итог. 8. Помещение в вагоне. 9. Популярный роман английской писательницы. 10. Горный воск. 15. Кавказский танец. 19. Русский композитор. 20. Автор памятника К. Минину и Д. Пожарскому. 21. Тропическое растение с сочными плодами. 22. Английский комедиограф XVII—XVIII веков. 23. Основная деталь прядильной машины. 27. Горный хребет на Алтае. 32. Старинный головной убор воина. 33. Курс судна относительно ветра. 34. Сплав, в состав которого входит ртуть. 35. Узкая дорожка.

По вертикали:

1. Древнегреческий математик. 2. Азербайджанский поэт XII века. 3. Прием в технике игры на смычковых инструментах. 4. Шерстный покров овцы. 5. Город в Бельгии. 6. Картина передвижника Н. В. Неврева. 7. Часть доменной печи. 11. Поручение. 12. Инструмент типа гуслей. 13. Национальность. 14. Порт на Ионическом море. 15. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 16. Портьера. 17. Герой романа И. С. Тургенева «Накануне». 18. Перечень книг, картин. 24. Устройство для управления судном. 25. Автор оперы «Миньон». 26. Поражение боксера. 28. Древнегреческая поэма. 29. Перелет птиц. 30. Название горных пастбищ Крыма. 31. Соленое озеро.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

5. Пятница. 7. Ливанов. 9. Укротитель. 10. Патриотизм. 12. Балет. 13. Биография. 14. Буква. 17. Сатира. 20. Протий. 21. Мухомор. 22. Водопроводчик. 25. Варенец. 26. Волгин. 27. Анализ. 31. Арысь. 32. Багрицкий. 33. Отара. 36. Кларнетист. 37. Диапозитив. 38. «Дедушка». 39. Оборона.

По вертикали:

1. «Отрочество». 2. Лилия. 3. Авгит. 4. Инструктор. 5. Покрасс. 6. Афелий. 7. Латвия. 8. Везувий. 11. Тригонометрия. 15. Крыжовник. 16. Кручинина. 18. Думпкар. 19. Воробей. 23. Балюстрада. 24. Болотников. 26. Верблюд. 28. Зарница. 29. Рапира. 30. Чикаго. 34. Левша. 35. Посол.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05628. Подписано к печати 29/VII 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1156. Заказ № 1693.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Веселые игрушки

Посмотрите, какие забавные фигурки мастерит в свободное время московский архитектор А. Ф. Кузнецов. Можно легко догадаться, что материалом служат ему сучки, желуди, орехи ...

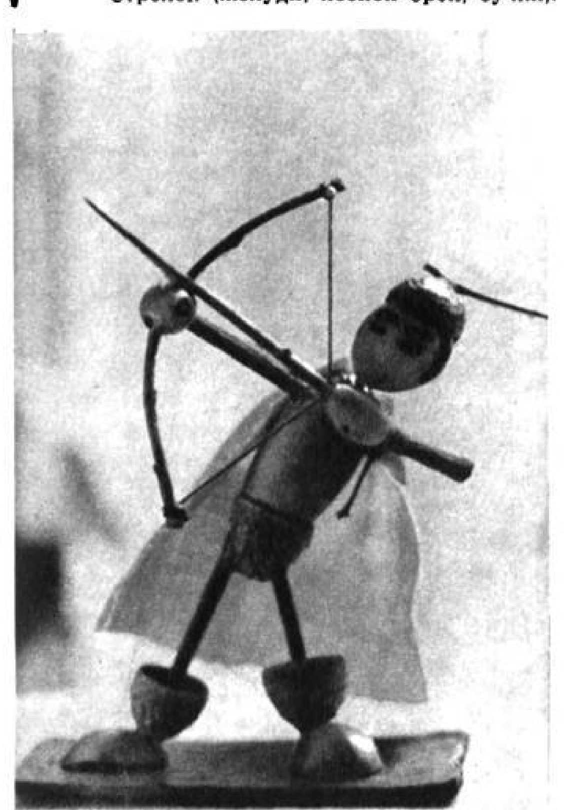
Недовольный гусенок (грецкий орех, косточки хурмы, желуди).

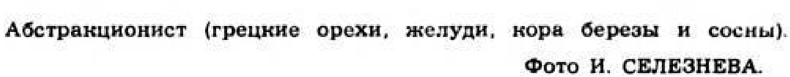
Старый дворник (желуди, березовая кора, сучки).

Кокетка (сучок, шишка, орехи, репейник).

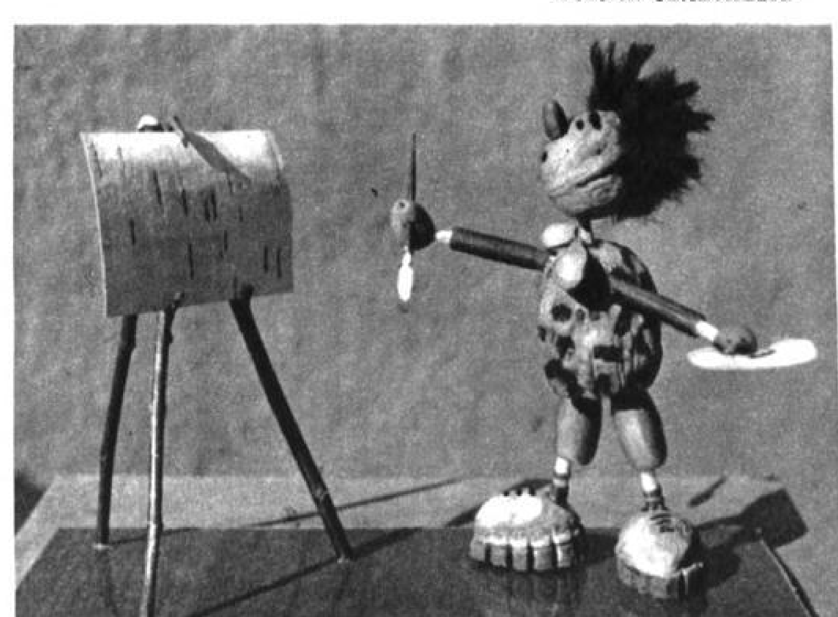
Стрелок (желуди, лесной орех, сучки).

Воспоминания... (картофель, вата, бумага, гвозди).

К роднику (желуди, сучки, материя).

Абстракционист (грецкие орехи, желуди, кора березы и сосны).

Фото И. СЕЛЕЗНЕВА.

← Солнце встает (грецкие и кедровые орехи, миндаль, желуди).

Цена номера 3 руб.
Моды